КрРІ
Н72

Новгородская А.И.

Духовная нива.

Сборник.

Вып. 1-й.

Вязники, 1896.

ДУХОВНАЯ НИВА.

СБОРНИКЪ

НАЗИДАТЕЛЬНЫХЪ РАЗСКАЗОВЪ

для чтенія дома, въ школѣ и при внѣбогослужебныхъ собесѣдованіяхъ съ простымъ народомъ,

составленный А. И. Новгородской.

Выпускъ 1-й.

ВЯЗНИКИ.
Типо-литографія С. К. Матренинскаго.
1896.

кр. Р1
Н-72

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется. С.-Петербургъ, 15 декабря, 1895 года.
Цензоръ іеромонахъ *Меѳодій*.

кр. 41280 V+ И
ВЛАДИМИРСКАЯ
ОБЛАСТНАЯ БИБЛИОТЕКА

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Усердно сѣетъ плевелы на нивѣ духовной врагъ рода человѣческаго—діаволъ. Тернія и волчцы заглушаютъ посѣянныя на ней добрыя сѣмена. Но какъ ни усердствуетъ онъ сѣять плевелы свои, какъ ни многочисленны они, однако возрастаютъ и добрыя сѣмена. Мы видимъ истинно добрыхъ людей, очищенныхъ искушеніями и различными несчастіями. Послушаемся ихъ и поучимся у нихъ. Вѣдь, добро мы любимъ: оно сродно душѣ нашей.

Сборникъ сей содержитъ поучительные и назидательные разсказы для всѣхъ, даже для дѣтей. Послѣднимъ, по выходѣ изъ школы, можно съ пользою для себя и домашнихъ своихъ заниматься воистину назидательнымъ чтеніемъ. Вообще, ищущимъ добра онъ принесетъ только пользу.

Новогоднія картинки.

Богатыя, ярко-освѣщенныя комнаты... Масса картинъ, цвѣтовъ, бронзы... Цѣлая толпа людей передъ столомъ, уставленнымъ винами и закусками... Здѣсь весело встрѣчаютъ Новый годъ... Здѣсь не знаютъ холода, голода, горькой нужды... Всѣ лица веселы... Радостно звучатъ восклицанія, поздравленія, пожеланія... Неизвѣстность новаго, грядущаго года не пугаетъ ихъ... Имъ тепло, сытно, весело... Громко, въ тонъ общему веселью, звучитъ дорогой рояль.

Вдругъ дверь отворяется. Взволнованная, поблѣднѣвшая служанка подходитъ къ хозяину дома.

— Сударь,—говоритъ она,—въ сосѣдней квартирѣ умираютъ барыня... Просятъ не шумѣть и не играть на рояли...

Все общество мгновенно стихаетъ... На минуту замираетъ музыка, шумъ, веселыя рѣчи...

Словно вѣяніе смерти проносится въ богатой комнатѣ... Начинаются тихіе, задушевные разговоры... Разсуждаютъ о суетѣ всего земного, о томъ, какъ измѣнчива жизнь человѣка... Проходитъ полчаса. Дверь снова отворяется...

— Все кончено, умерла...—говоритъ служанка, тихо отирая глаза.

Опять воцаряется тяжелое молчаніе... Опять проносится холодное вѣяніе смерти... Но не надолго. Теперь можно снова шумѣть и веселиться... Живымъ нечего думать о мертвыхъ!

— Маменьку! родную! завсегда она подъ Новый годъ намъ съ сестренкой лепешки печетъ... Вку—усныя! весело такъ въ деревнѣ у насъ! бѣгаемъ въ снѣжки играемъ!—

Васютка уронилъ башмакъ и заплакалъ. Его слезы тяжело отозвались на обоихъ мальчикахъ, хотя они и подсмѣивались надъ нимъ, но въ душѣ сами готовы были плакать вспоминая родную деревню.

Сеня нѣсколько времени помолчалъ, подумалъ и вдругъ сказалъ: —Вотъ что, братцы, давайте-ка мы Новый годъ встрѣчать! Хозяева ушли, рано не вернутся; мы все, какъ надо быть, справимъ! ладно, штоль?—

Услыхавъ это предложеніе, Вася удивился и даже пересталъ плакать.

«Какъ же это? А лепешки?» — спросилъ онъ.

— Тебѣ все лепешки! извѣстно, здѣсь не деревня! безъ лепешекъ найдемъ что поѣсть! ну, братцы, давайте вмѣстѣ! у кого сколько денегъ! показывайте!—

У Васютки оказался гривенникъ, у Пети пятиалтынный.

— Ну, а мнѣ намеднись заказчикъ 20 к. далъ—я ему сапоги снесъ,—торжественно заявилъ Сеня. Ну-съ и хорошо! Накупимъ мы всего, братцы, и встрѣтимъ Новый годъ не хуже другихъ прочихъ... Ты, Васютка, самоварчикъ ставь, ты, Петюха, убирай со стола, а я сбѣгаю въ лавку, хлѣба возьму, колбасы, сыру. Вотъ, говорятъ, Новый годъ встрѣчаютъ,—пьютъ вино! что мы будемъ пить?—

— Водку, отвѣчалъ Петя, я пробовалъ, ничего славно, въ головѣ шумитъ, звонъ такой идетъ! всегда господа водку пьютъ!—

— Нѣтъ, братцы, вдругъ вступился робкій Вася, не надо водки! маменька наказывала мнѣ никогда ее не брать въ ротъ. Грѣшно! окаянное то зелье, говорила она, горя

отъ него много! нѣтъ водки не надо, братцы, чайку попьемъ, лучше леденцовъ возьми!—

Петя хотѣлъ было обругать Васютку, но вдругъ вспомнилъ, какъ ему было не хорошо послѣ водки, какъ его добрая мать-старуха плакала, когда отецъ напивался пьянъ и билъ ее, и—ничего не сказалъ въ отвѣтъ.

Черезъ полчаса мальчики сидѣли за самоваромъ. Лица ихъ были веселы, оживлены. Они съ аппетитомъ закусывали и пили чай съ грошевыми леденцами. Вася весь раскраснѣлся и съ увлеченіемъ разсказывалъ про свою деревню, про сестренку, про мать. На глазахъ слушателей блестѣли иногда слезинки... Каждому изъ нихъ хотѣлось бы побывать дома, приласкаться къ матери, пошалить, побѣгать на морозномъ воздухѣ. Въ эту минуту они забыли колотушки, побои хозяина-сапожника, брань его жены, тяжелую работу, которая надрываетъ ихъ дѣтскія силы.

Бѣдные работники, оторванные отъ родной семьи, лишенные ласки и любви, по своему встрѣчали Новый годъ, вспоминая родную деревню, дорогихъ сердцу людей...

Сырой грязный подвалъ... Холодно, голодно! слабо мерцаетъ сальный огарокъ.

— Мама, дай попить! проситъ мальчикъ у исхудалой, болѣзненной женщины, лежащей на полу въ кучѣ лохмотьевъ.

— И мнѣ хлѣбца!—лепечетъ крошечная, посинѣлая отъ холоду, дѣвочка.

Только стонъ вырывается изъ больной, надорванной груди несчастной женщины.

— Отстаньте вы... нѣтъ у меня хлѣба... лучше бы умереть!—говоритъ она, глотая слезы.

— Дай, мама, хлѣбца!—

— Дай, голубушка, поѣсть!—

— Гриша, одѣнь пальтишко,—тихо говоритъ сыну бѣдная женщина,—пойди, родной, попроси милостыньку. Можетъ, добрые люди дадутъ копѣечку на хлѣбъ сиротамъ! Хоть поѣдите немного подъ Новый годъ!

— И я пойду,—лепечетъ дѣвочка.

— Идите, идите, зайдите въ церковь помолитесь... я не могу, ноги не идутъ... измучилась я... больна совсѣмъ. Должно быть простудилась, бѣгала, мѣста искала.—

Дѣти кутаются въ лохмотья и уходятъ просить милостыню... Несчастная женщина сжимаетъ обѣими руками голову, и снова падаетъ на свои лохмотья.

— Новый годъ! Новый годъ у всѣхъ! шепчетъ она, а у насъ голодно, холодно. Хлѣба нѣтъ, дровъ нѣтъ... Боже мой, Боже мой! бѣдныя дѣти! Господи, пошли имъ добраго человѣка, который подалъ бы имъ хоть копѣечку! Господи, не оставь бѣдняжекъ!—Совсѣмъ измученная, она горько, горько плачетъ... Что-то дастъ несчастной Новый годъ?

(Кормчій. 1894 г. № 1-й).

В. П.

Не въ прибыли, а въ добрѣ счастье.

На набережной г. Х. кипѣла дѣятельная работа, разгружали пригнанныя издалека барки, съ цѣлыми горами дровъ и строевого лѣса. По перекинутымъ съ барокъ на берегъ доскамъ то и дѣло проходили рабочіе, сгибаясь подъ тяжестью ноши. На берегу шелъ оживленный торгъ между владѣльцами грузовъ и покупщиками. Въ концѣ длинной вереницы еще не выгруженныхъ барокъ стояла довольно

подержанная, нагруженная лѣсомъ, барка, владѣлецъ которой, человѣкъ лѣтъ сорока, съ загорѣлымъ, обвѣтрившимъ лицомъ и добродушными, сѣрыми глазами, велъ переговоры съ покупщикомъ, упорно державшимся одной цѣны. Наконецъ сдѣлка состоялась къ взаимному удовольствію, и заключившіе ее отправились въ ближайшій трактиръ, какъ это всегда водится, запить могарычи. Сидя за столикомъ и продолжая разговоръ о дѣлахъ, они не переставали угощать другъ друга, такъ что разстались, спустя нѣкоторое время, въ самомъ веселомъ настроеніи, съ сильно раскраснѣвшимися лицами.

На тротуарѣ, по дорогѣ къ пристани, собралась толпа народа. Кирилловъ, такъ звали владѣльца барки, полюбопытствовалъ узнать въ чемъ дѣло, и сталъ протискиваться впередъ. Глазамъ его представился едва державшійся на ногахъ отъ голода и слезъ пятилѣтній мальчикъ, худой и оборванный. Захлебываясь отъ слезъ, онъ никакъ не могъ ясно отвѣчать на предлагаемые ему со всѣхъ сторонъ вопросы. На разспросы Кириллова, кто-то изъ стоявшихъ разсказалъ, что мать мальчика бросила его на пристани, приказавъ сидѣть смирно, а сама уѣхала на одномъ изъ пароходовъ съ дѣвочкой. Это была дурная женщина, ради своей корысти заставлявшая дѣтей просить милостыню и попадавшаяся иногда въ кражѣ. Мальчикъ не зналъ ни имени, ни фамиліи матери, зналъ только, что его зовутъ Петей, и что онъ хочетъ ѣсть. Такъ отвѣчалъ онъ и городовому, хотѣвшему отвести его въ участокъ. «Погодите его отводить, сказалъ Кирилловъ,—я, можетъ быть, его возьму». Никто не думалъ оспаривать у него мальчика. Только городовой, которому толпа и происшествіе успѣли уже порядочно надоѣсть, видя раздумье и нерѣшительность Кириллова, об-

ратился къ нему съ вопросомъ: «берете вы его или нѣтъ»? «Беру, ужъ если сказалъ», отвѣтилъ тотъ. Въ толпѣ послышались похвалы такой рѣшимости, и одна женщина замѣтила: «Вѣрно, своихъ дѣтей нѣтъ, если беретъ чужого».—«Какъ нѣтъ! есть двое, и третьяго ожидаемъ». Женщина отошла, пожавъ плечами. Чтобы попасть на свою барку, Кириллову нужно было сдѣлать большой кругъ. Во время перехода онъ сталъ раздумывать о своемъ поступкѣ, который теперь казался ему безразсуднымъ. Бѣдный ребенокъ совсѣмъ не могъ дальше идти, и его пришлось нести на рукахъ.

—«Какъ теперь явиться домой съ такою прибылью? думалъ Кирилловъ.—Пожалуй жена прогонитъ вонъ вмѣстѣ съ мальчикомъ». Но потомъ Кирилловъ сталъ успокоивать себя тѣмъ, что, въ крайнемъ случаѣ, мальчика можно будетъ завтра же отвести въ участокъ.—«Пусть, по крайней мѣрѣ,—думалъ онъ, бѣдняжка поѣстъ сегодня хорошо и переночуетъ въ тепломъ мѣстѣ». Вотъ ужъ замелькалъ огонекъ на его баркѣ, и послышался голосъ жены, кричавшей: «перестань, Люба»! Кирилловъ вошелъ; жена стояла спиной къ дочери у печки, мѣшая въ котелкѣ варево и, не оборачиваясь, узнавъ его по походкѣ, сказала: «Что ты такъ поздно вернулся?» Въ это время Петя, попавшій послѣ вечерней сырости и холода въ теплую комнату, съ пріятнымъ запахомъ кушанья, проговорилъ: «Какъ тутъ тепло и хорошо пахнетъ»! Жена обернулась, недовольная, и, указывая мужу на оборваннаго мальчика, спросила: «А это что такое»?

Мужъ предпочиталъ бы быть теперь далеко отсюда, но жена ждала отвѣта, и онъ, путаясь и запинаясь, сбивчиво передалъ ей все случившееся.—«Ты, вѣрно, сошелъ съ

ума; вѣрно хочешь, чтобы мы сами умерли съ голоду, если подбираешь на улицѣ брошенныхъ дѣтей! Вѣдь ты знаешь, какъ ветха барка? а что будетъ съ нами, когда она совсѣмъ развалится? отведи непремѣнно мальчика въ полицію слышишь»?—«Хорошо, хорошо! не сердись только. Я думалъ, что поступилъ хорошо, взявши мальчика; я отведу его хоть сейчасъ».—«Ну, теперь ужъ поздно, а завтра надо его отвести непремѣнно. Садитесь ужинать».

Всѣ сѣли. Бѣдный оборвышъ ѣлъ съ жадностью, набивая себѣ полный ротъ. Марѳа—такъ звали жену Кириллова—сердито наполняла миску Пети, хотя въ душѣ у нея шевелилась жалость къ мальчику, и она съ ужасомъ думала: «что, если бы одинъ изъ ея дѣтей былъ въ его положеніи!». Необходимо было обмыть этого замарашку, что бы положить спать съ своими дѣтьми. И, вотъ, она принялась его мыть; вымывши надѣла на него старую рубашку Любы и, всмотрѣвшись, замѣтила, что мальчикъ очень хорошенькій. На другой день съ ранняго утра началась дѣятельная разгрузка барки; Кирилловъ суетился и хлопоталъ, и женѣ его было не мало работы—считать доски и т. д. Она была рада, что остановила Петю въ каютѣ присматривать за дѣтьми, а за обѣдомъ рѣшили оставить его, пока будетъ продолжаться разгрузка, или даже до отъѣзда барки на зимовку. Прошло нѣсколько дней, и пора было уже уѣзжать. Кирилловъ ходилъ задумчивый и ни разу не заходилъ въ трактиръ, не смотря на приглашеніе знакомыхъ. Жена была очень удивлена такимъ небывалымъ поведеніемъ мужа. Его безпокоила мысль: что будетъ дальше съ взятымъ имъ мальчикомъ? Самъ онъ не рѣшался заговорить первымъ объ этомъ съ женой. Наконецъ, она сказала, что слѣдуетъ отвести мальчика. Петя, слышавшій это, и понявъ,

что его хотятъ прогнать, ухватился обѣими руками за платье Марѳы и со слезами упрашивалъ не отдавать его городовому. Люба, старшая дочь Кирилловыхъ, годомъ моложе Пети, услыхавъ, что ея любимца уведутъ, принялась кричать и плакать. Марѳѣ самой стало жаль мальчика, да и онъ замѣнялъ ей няньку при дѣтяхъ: двухлѣтняго носилъ на рукахъ, а Любу забавлялъ, такъ что матери оставалось больше свободнаго времени для хозяйства и шитья.

«Пожалуй,—рѣшила она, пусть ихъ Петя остается; но только мужъ долженъ ей обѣщать не пить, а Люба не шалить, въ противномъ случаѣ она сама отведетъ мальчика въ полицію».

На другой день они отплыли вверхъ по теченію рѣки на родину, гдѣ должна была зимовать барка. Тутъ у нихъ была своя изба со дворомъ и хозяйствомъ, съ десятиной огорода подъ картофелемъ. За деревней тянулись безконечные лѣса. Невдалекѣ, на опушкѣ лѣса, стоялъ домикъ полѣсовщика. Онъ жилъ очень уединенно, занимался своимъ дѣломъ и сторонился отъ всѣхъ. Это былъ высокій, худой человѣкъ, съ суровымъ лицомъ, но еще не старый. Кириллову часто приходилось имѣть дѣло съ полѣсовщикомъ при арендѣ и порубкахъ лѣса, и тотъ очень удивился, зачѣмъ Кирилловы, не смотря на свою семью, все увеличивающуюся, взяли еще чужого мальчика.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Петя и Люба окончили сельскую школу, въ которой учились только зимой. Учитель и батюшка очень любили обоихъ дѣтей. Многіе изъ односельчанъ не одобряли необдуманнаго поступка Кирилловыхъ, взявшихъ чужого мальчика, когда самимъ едва можно было прокормиться. Но батюшка всегда хвалилъ послѣднихъ и говорилъ, что Богъ вознаградитъ ихъ за доброе дѣло. Од-

нажды Кириловъ зашелъ по дѣлу къ полѣсовщику и остался у него пить чай. За чаемъ оба разговорились, и Бѣлкинъ—такъ звали полѣсовщика—сталъ говорить о себѣ: «меня считаютъ нелюдимымъ и даже злымъ человѣкомъ, но я вовсе не злой, а несчастный. Когда то я жилъ, какъ другіе люди, имѣлъ достатокъ, добрую, любящую жену и сына; но всего этого я лишился по своей винѣ. Больше всего на свѣтѣ, я любилъ деньги и для прибыли денежной готовъ былъ жертвовать всѣмъ. Когда у насъ родился сынъ, то, спустя нѣсколько времени, я сталъ требовать, чтобы жена поступила въ городѣ въ кормилицы; она долго не соглашалась, но я заставилъ ее согласиться и нашелъ ей выгодное мѣсто. Ребенка отдали за дешевую плату одной женщинѣ на воспитаніе. Женщина эта, какъ оказалось потомъ, ходила просить милостыню и, попавшись въ кражѣ, скрылась неизвѣстно куда, захвативъ вмѣстѣ съ своей дѣвочкой и нашего малютку. Я розыскивалъ ее, разспрашивалъ о ней, но все напрасно. Жена, узнавши объ этомъ, отъ огорченія заболѣла и вскорѣ умерла. Я продалъ все, уѣхалъ далеко отъ родины, занялъ здѣсь это мѣсто и живу теперь нелюдимымъ. Одиночество съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе тяготитъ меня, и, вотъ, я хотѣлъ сказать вамъ: не отдадите ли вы мнѣ Петю? Онъ мнѣ очень нравится, такой смышленый мальчикъ. Я взялъ бы его вмѣсто сына. Боюсь только, что ты, пожалуй, не согласишься?»—«Это правда: я и жена очень привязались къ мальчику и не думаемъ его отдавать. Ему уже пятнадцать лѣтъ, и онъ замѣняетъ мнѣ рулевого, матроса—все, что угодно. Въ прошлое лѣто, благодаря только его ловкости, мы спасли отъ погибели нашу барку, когда ее унесло подъ мостъ».—На этомъ собесѣдники разстались.

Весною Кирилловъ прибылъ въ г. Х. по своему промысловому дѣлу, и на этотъ разъ самъ одинъ. Тутъ потребовали его въ полицію и спросили: не у него ли мальчикъ Петя? При этомъ показали ему заявленіе одной умирающей женщины о томъ, чей былъ сынъ Петя. Оказалось, отцомъ его былъ Бѣлкинъ, теперешній полѣсовщикъ. Это такъ поразило Кириллова, что, вернувшись на барку на ночлегъ, онъ долго не могъ прійти въ себя и не говорилъ объ этомъ никому ни слова. Пріѣхавши въ деревню, онъ прежде всего разсказалъ обо всемъ случившемуся священнику и просилъ у него совѣта. Тотъ велѣлъ ему идти немедленно къ полѣсовщику и открыть ему все. Нельзя описать радости и счастья полѣсовщика, когда онъ убѣдился, что Петя дѣйствительно его сынъ. Онъ взялъ его къ себѣ въ домъ, не могъ вдоволь наглядѣться на него, не хотѣлъ отпускать ни на шагъ. Но со временемъ сталъ онъ замѣчать, что Петя какъ бы скучаетъ по семьѣ, выростившей его.

Разъ Петя сильно заболѣлъ, и потребовался женскій уходъ за нимъ. Кириллова усердно посѣщала домъ Бѣлкина и ухаживала за больнымъ, пока онъ совершенно не оправился. Бѣлкинъ сталъ задумываться, и сердце подсказало ему исходъ его думъ. Иначе, чѣмъ прежде, взглянулъ онъ на свой денежный запасъ, съ которымъ связано было тяжелое воспоминаніе о прежней участи Пети, смѣнившееся теперь радостнымъ чувствомъ, вслѣдствіе неожиданнаго, какъ бы свыше устроеннаго, счастливаго поворота въ жизни его. Бѣлкинъ рѣшился, въ благодарность Кирилловымъ за воспитаніе сына, купить имъ новую барку на мѣсто никуда негодной старой. Вскорѣ, по просьбѣ сына, онъ купилъ и себѣ большую барку, на которой сплавлялъ вмѣстѣ

съ Кирилловымъ лѣсной матеріалъ. Со временемъ Петя женился на Любѣ, и такимъ образомъ породнились эти двѣ семьи, сближеніе которыхъ устроено было благимъ промышленіемъ Того, Кто печется о всѣхъ сирыхъ, несчастныхъ и обездоленныхъ, и Кто можетъ и худое направлять къ добру. Обѣ семьи повели свой промыселъ сообща, отчего прибыли ихъ все росли и росли. Но не этимъ прибылямъ радовался теперь Бѣлкинъ; радовался онъ доброй и счастливой жизни дѣтей и часто повторялъ: «не въ прибыли, а въ добрѣ счастье».

Ц. П. Ш.

(Кормчій. 1894 г. № 2-й).

Бога забылъ.

I.

Маленькая хатка крестьянина Тараса Иванова Кривца была очень бѣдна. Она такъ печально высматривала изъ ряда чистыхъ, просторныхъ и свѣтлыхъ хатъ сосѣдей, жителей слободы Дольца. Но не отъ пьянства и лѣности былъ бѣденъ Кривецъ; напротивъ, онъ былъ человѣкъ трезвый и трудолюбивый. Ему просто какъ-то не везло въ жизни: ни въ чемъ не было счастія, не было удачи. То скотъ попадаетъ, то урожай выйдетъ плохой, то еще что. Вотъ и въ настоящее время у него злымъ человѣкомъ сведена одна изъ его лошадей, а больная жена лежала въ постели. Тяжелое состояніе испытывалъ Кривецъ: нужны были рабочія руки, нуженъ скотъ, а денегъ не было. Погрузившись въ глубокую думу, сидѣлъ Тарасъ. На дворѣ давно уже насту-

пила ночь, а Тарасъ и не думалъ о снѣ. Окружающая его обстановка мало представляла отраднаго. Хата съ низкимъ потолкомъ, закоптѣлыми стеклами, едва пропускавшими сквозь себя свѣтъ, да земляной полъ и нѣсколько деревянныхъ лавокъ и скамеекъ, ничѣмъ не покрытыхъ,—вотъ все, что можно было видѣть вошедшему.—«О-охъ, житье, житье мое горемычное. Кажется, и глаза бы мои не смотрѣли на свѣтъ Божій»,—прошепталъ Тарасъ.

—«Годи (довольно) журиться, Тарасъ;—журбой не поможешь дѣлу. Обратись-ка лучше къ кому-нибудь, да попроси о помощи».—заговорила жена Тараса. Добрая она была женщина, а главное набожная и благочестивая; какъ бы ни были тяжелы ея жизненныя обстоятельства, она съ твердостію и истиннымъ христіанскимъ смиреніемъ покорялась своей участи, глубоко вѣруя, что Господь не посылаетъ человѣку испытаній сверхъ его силъ.

—«Но къ кому обратиться, кому я нуженъ и кто приметъ къ сердцу мое безвыходное положеніе»? возразилъ Тарасъ.

—«Ты бы попросилъ Левка Трясченка,—авось сжалится, поможетъ. Нечего отчаяваться. Пойди, поклонись».

—«Эхъ, Мароа! кто-бы говорилъ, а ты молчала. Развѣ не знаешь Левка? Левко давно Бога забылъ. Кто у насъ два года тому назадъ садъ отбилъ, кто разорилъ въ пухъ и прахъ почти третью часть слободы, кто Трофима запряталъ въ острогъ за долги,—не Левко-ли? Къ тому же Левко сдружился съ молоканами,—деньги имъ взаймы даетъ, вмѣстѣ съ ними ѣстъ скоромное во всѣ наши посты, въ церковь пересталъ ходить, духовенства нашего знать не хочетъ. Самыя иконы, говорятъ, держитъ въ своемъ домѣ только для виду, стыда ради отъ сосѣдей. Ну, ужъ, поистинѣ,

пашла баба, на кого указывать». Марѳа молчала, ибо сознавала всю правду доводовъ своего мужа. Замолчалъ и Тарасъ. Въ хатѣ воцарилась мертвая тишина, нарушаемая только стрекотаньемъ сверчка гдѣ-то за печкой, да шумомъ и завываніемъ вѣтра на дворѣ. Леонтій Михайловъ Трясченко, о которомъ идетъ рѣчь, былъ человѣкъ очень богатый. Хата у него—лучшая въ слободѣ—была сложена изъ жженаго кирпича, подъ черепичной крышей, съ раскрашенными ставнями и дверями. Дворъ былъ обнесенъ крѣпкимъ и красивымъ заборомъ, такъ что среди мѣстныхъ обывателей онъ назывался не иначе, какъ „скрыней“ (сундукомъ). Въ долгу у Леонтія была чуть не половина слободы. Была у него и своя собственная земля, въ количествѣ трехъ или четырехъ сотъ десятинъ, была своя мельница, цѣлыя стада овецъ, табуны лошадей и проч. Словомъ—жить бы Леонтію, да Бога благодарить, да не забывать бы и ближняго въ нуждѣ. Но не тутъ-то было. Трясченко былъ не насытенъ въ своей алчности. Выгода, наживательство и кошель для него—все. Если какому человѣку случалось попасться въ его руки, то Леонтій готовъ былъ снять съ него послѣднюю рубаху и пустить по-міру. Жалости Левко не имѣлъ ни къ кому, лишь бы залучить копѣйку. У этого-то человѣка два года назадъ Кривецъ занялъ двадцать пять рублей, и, по своей неопытности и простотѣ, въ обезпеченіе долга подписалъ родительскій садъ въ двѣ десятины. Въ условленный срокъ Кривецъ не могъ внести помянутую сумму, и садъ, стоющій не одну сотню рублей, перешелъ въ руки Трясченка.

II.

Свѣтало. Черная, густая ночная мгла стала замѣтно рѣдѣть; одна за другой гасли далекія звѣзды, надъ землей

подымался бѣлый туманъ. Тарасъ Ивановъ Кривецъ, понуривъ голову, тихо плелся по улицѣ къ дому Трясченка. Какъ ни кидалъ своимъ умомъ Тарасъ, какъ ни раздумывалъ, а помощи въ его тѣсныхъ обстоятельствахъ ему было ждать не отъ кого. Трясченко одинъ, сытый и забогатѣвшій Трясченко, могъ выручить его изъ бѣды. Другіе, хотя бы и пожелали придти на помощь нуждающемуся, да въ настоящее рабочее время и сами не имѣли свободныхъ денегъ. Во дворѣ Трясченка Тарасъ былъ окруженъ стаей злыхъ и голосистыхъ псовъ, на лай которыхъ тотчасъ появился и самъ хозяинъ. Это былъ мужчина лѣтъ 55-ти, средняго роста, съ краснымъ заспаннымъ лицомъ, рыжею клинообразною бородою и небольшими, хитрыми глазами. Увидѣвъ Тараса, онъ нахмурился: такихъ гостей онъ не долюбливалъ.

—«Тебѣ что»?—встрѣтилъ Трясченко Тараса, не отвѣчая на его поклонъ.

—«Деньжонокъ, родной, началъ Тарасъ, лошадка сведена, жена больна... Деньги нужны хоть рублей съ двадцать на короткое время. Господь хлѣбушекъ зародилъ,—уберу и съ благодарностію возвращу тебѣ долгъ».

—«И что вы ко мнѣ лѣзете, воскликнулъ съ сердцемъ Левко,—вчера одинъ, нынѣ другой. Да что я, въ самомъ дѣлѣ, солнце что ли, чтобы всѣхъ обогрѣвать? Иди, пожалуйста, домой,—нѣтъ у меня денегъ».

—«Помоги, Леонтій Михайловичъ! Отдамъ. Богъ свидѣтель, отдамъ въ самомъ скоромъ времени».

—«Нѣтъ денегъ, я же сказалъ тебѣ. Да хоть бы и были, я бы тебѣ не далъ. Что съ тебя взять? Голъ ты, какъ соколъ. Развѣ надѣлъ свой заложишь мнѣ лѣтъ на пять, рубля по два за десятину».

—«И что ты, Леонтій Михайловичъ, побойся Бога,—можно ли въ настоящее время взять землю по два рубля, когда она ходитъ на худой конецъ по семи»!

—«А, по семи. Ну, и иди отъ меня. Пусть даютъ тебѣ хоть по десяти. Нѣтъ, братъ, не найдешь дурака».

—«Сдѣлай милость, Леонтій Михайловичъ, выручи! Куда я пойду, у кого нынѣ деньги»?

—«А куда хочешь, мнѣ-то какое дѣло».

—«Леонтій Михайловичъ, вѣдь грѣхъ, Богъ взыщетъ. Ты самъ человѣкъ грамотный. Знаешь: судъ безъ помилованія тому, кто не дѣлалъ милости».

—«Да ты еще стращаешь?! Ну, братъ, я не баба, не слишкомъ робокъ. Пошолъ»!—сказавъ это, онъ отвернулся и скрылся за дверью своего дома. Эхъ, забылъ ты, Леонтій Михайловичъ, что богатый долженъ быть окомъ слѣпцамъ, ногой хромымъ, отцемъ немощнымъ (Іов. 29, 12, 16). Забылъ, что кому дано будетъ много, отъ того и взыщется много (Лук. 13, 48), и что богатому оставленъ есть нищій, и сиротѣ онъ долженъ быть помощникъ (Псал. 9, 35)!

III.

Убитый горемъ, Тарасъ домой не пошелъ, а направился по дорогѣ, ведущей въ поле. До сего онъ блуждалъ безъ всякой цѣли, почти ничего не сознавая и не чувствуя. Горе отуманило его голову и притупило въ немъ чувство сознанія. Въ такомъ состояніи онъ повстрѣчался съ однимъ изъ своихъ односельчанъ—Архиппомъ Павловымъ Чуленковымъ, доводившимся Тарасу еще кумомъ.

—«Здорово, кумъ»! произнесъ весело Чуленко, столкнувшись съ Тарасомъ. «Что ты тутъ подѣлываешь»? Тутъ только Тарасъ пришелъ въ себя и увидѣлъ, что онъ очень

Кр. 4128

далеко забрелъ отъ слободы.—«А я, продолжалъ Чуленко, отыскиваю теленка. Вчерашній день какъ отбился отъ стада, такъ и до сего времени нѣтъ. Нужно полагать, волкъ загналъ».—Тарасъ подробно и откровенно передалъ куму, какъ ему въ настоящее время нужна помощь, какъ онъ былъ у Трясченка, и какъ Трясченко поступилъсъ нимъ.—«Вотъ каковы мои дѣла», заключилъ онъ.—«Теперь только остается одна надежда на Бога».

—«И надѣйся, отвѣчалъ Архипъ, Господь милостивъ. Онъ не такъ, какъ мы, грѣшные. Онъ сіяетъ солнце свое на злыя и благія, дождитъ на праведныя и не праведныя. Такъ-то!—А сколько, къ примѣру, тебѣ требуется, кумъ»?

—«Да мнѣ не много!—рублей двадцать—отъ силы двадцать пять».

—«Такъ не горюй же:—я поправлю твое дѣло. Заѣдемъ сейчасъ ко мнѣ, и я ссужу тебѣ нужную сумму».

Тарасъ отъ такой неожиданной радости просто подпрыгнулъ; онъ бросился цѣловать своего кума и благодѣтеля и не зналъ, какъ благодарить его. Онъ обѣщалъ ему какіе угодно проценты. Но Архипъ процентовъ взять не согласился, сказавъ, что ему ничего не нужно.

«Уберешь хлѣбъ, говорилъ Чуленко, возвратишь мнѣ деньги мои и—квиты».

Какъ поступилъ Трясченко съ Тарасомъ, такъ точно онъ дѣлалъ и со всѣми, кто по несчастію имѣлъ въ немъ нужду, особенно, когда не видѣлъ для себя большихъ выгодъ и барыша. Онъ если и давалъ деньги, то за большіе проценты. Принималъ залоги, но тогда, когда видѣлъ, что залогъ, стоимость котораго далеко превышала взятую сумму, могъ у него остаться.

IV.

Лѣтнее іюльское солнце скрылось за горизонтъ. Сизобѣлыя съ золотою каймою облака заволакивали небо, готовясь окутать мглою землю. Наступила ночь. Семейство молоканина Левитина, пользуясь вечернею прохладою, выбралось на балконъ своего дома, подышать чистымъ воздухомъ. Здѣсь же былъ и Леонтій Михайловъ Трясченко.

—«А, проговорилъ Левитинъ, смотря по направленію воротъ, это сюда направляется нашъ законникъ Ѳедосей Григорьевичъ». Въ это время на балконѣ появился рослый, среднихъ лѣтъ мужчина, односельчанинъ Трясченко, слывшій между мѣстными крестьянами своею начитанностію и умѣніемъ говорить и оспаривать молоканъ. Поздоровались.

—«Вотъ мы, Ѳедосей Григорьевичъ, обратился къ вновь прибывшему Левитинъ, ведемъ разсужденіе о вашемъ, такъ называемомъ, таинствѣ св. причащенія».

—«Хорошо. Послушаемъ», сказалъ въ отвѣтъ Ѳедосей Григорьевичъ.

—«Я вотъ говорю, что вы, православные, неправильно вѣруете, идете не по священному писанію, а вопреки ему».

—«Это какимъ образомъ»? удивился Ѳедосей.

—«Да вотъ, заговорилъ Левитинъ, на тайной вечери, напримѣръ, по предложеніи хлѣба и вина своимъ ученикамъ, Господь прямо сказалъ: «сіе творите въ Мое вспоминаніе». Значитъ, хлѣбъ и вино служатъ только напоминаніемъ тѣла и крови Христовой; а вы вѣрите, что на обѣднѣ причащаетесь, подъ видомъ хлѣба и вина, самаго тѣла и крови Господа».

—«Это истинно и непреложно», проговорилъ Ѳедосей.

—«У насъ, духовныхъ христіанъ, продолжалъ Левитинъ, въ напоминаніе тайной вечери Господа, также устраиваются вечери, на которыхъ мы, послѣ чтенія св. писанія и всеобщаго пѣнія духовныхъ стиховъ, принимаемъ изъ рукъ одного изъ нашихъ старцевъ хлѣбъ и вино и вкушаемъ, но отнюдь не какъ тѣло и кровь Господа Іисуса, а только въ воспоминаніе тѣла и крови Господней,—не болѣе».

—«Заблуждаетесь вы, сектанты, возразилъ Ѳедосей Григорьевичъ, не вѣдуще писанія, ни силы его. Слова: «сіе творите въ Мое воспоминаніе», показываютъ, что это таинственное благословеніе хлѣба и вина, для пресуществленія оныхъ въ тѣло и кровь Христову, поручено совершать апостоламъ, а никому другому,—совершать съ обрядами богослуженія, напоминающими о страданіи Господа, Его смерти, погребеніи и вознесеніи на небо. Помянутыя слова Господа показываютъ, что это таинство не есть временное установленіе, а должно совершаться всегда до пришествія Господа на землю: какъ и апостолъ Павелъ говоритъ: «всякій разъ, когда вы ѣдите хлѣбъ сей и пьете чашу сію, смерть Господню возвѣщаете, доколѣ Онъ пріидетъ» (1 Кор. 11, 26). Если бы ваше молоканское толкованіе было правильно, то Спаситель не назвалъ бы прямо хлѣбъ тѣломъ Своимъ, а вино кровью. А Онъ сказалъ бы: пусть хлѣбъ, когда станете ѣсть, будетъ напоминаніемъ Моего тѣла, а вино, когда станете пить, напоминаніемъ Моей крови. Вы, молокане, которые постоянно хвалитесь тѣмъ, что основываете свое вѣроученіе единственно на св. писаніи, почему не прочтете повнимательнѣе VI главы Евангелія отъ Іоанна? А тамъ такъ ясно, такъ чудно говорится о св. таинствѣ причащенія. Какъ тогда нѣкоторые изъ присутствовавшихъ, слушая уче-

ніе о хлѣбѣ плоти Христовой и питіи крови Его, говорили: «жестоко есть слово сіе, и кто можетъ это слушать»?— отошли отъ Господа, такъ и вы нынѣ, усиливаясь уразумѣть таинственное и непостижимое, не вѣруете словамъ Жизнодавца. И горе вамъ: аще не снѣсте плоти Сына человѣческаго и не піете крови Его, живота не имате въ себѣ!

—«Мастеръ ты говорить, Ѳедосей Григорьевичъ; ну, а все-таки я тебѣ не вѣрю».

—«Не вѣришь потому, отвѣчалъ Ѳедосей Григорьевичъ, что слишкомъ далеко ты забрался въ дебри заблужденія и потому потерялъ самую способность видѣть истину. Ты похожъ теперь на больного, у котораго вкусъ испорченъ, которому всякая пища кажется или горькою, или сладкою».

V.

Прошло десять лѣтъ. Всѣ наши знакомые были живы и здоровы. Матеріальное положеніе Тараса Кривца значительно улучшилось. Малыя дѣти его подросли и стали хорошими ему помощниками.

—«А что, Акулина», говорилъ однажды Кривецъ своей женѣ, сидя за сытнымъ столомъ въ своей уютной новой хатѣ,—«помнишь, какъ много горя мы перенспытали съ тобой десять лѣтъ тому назадъ? Я такъ и думалъ въ тѣ поры, не выдержу,—край, молъ, мнѣ пришелъ. Думалъ-то тогда о людской помощи, а о Богѣ правосудномъ и милосердномъ забылъ. А Господь-то Самъ взыскалъ меня недостойнаго: нашлись добрые люди, и вотъ съ тѣхъ поръ, слава Ти Господи, живу, кусокъ хлѣба имѣю, да про черный день, пожалуй, и копѣечку. Благодарю Господа за все», произнесъ онъ, крестясь.

Вѣрно слово: «бѣдненькій охъ, а за бѣдненькимъ Богъ».

Трясченко еще болѣе разжился. Онъ, говорятъ, докладывалъ десятую тысячу. Съ молоканами сошелся на самую короткую ногу, и если до сего времени явно не сдѣлался отщепенцемъ, то только изъ боязни кары закона. Жаденъ же сдѣлался до того, что отказывалъ себѣ и своему семейству иногда въ самомъ необходимомъ. Носилъ, не смотря ни на какое время года, безперемѣнно одну и ту же одежку, часто заплатанную и дырявую. Цѣлые дни проводилъ въ осматриваніи въ своемъ домѣ прочности запоровъ или уходилъ тайно въ одну изъ отдаленныхъ конуръ своей хаты, открывалъ сундукъ и любовался скопленнымъ богатствомъ. Въ одинъ вечеръ Трясченко былъ особенно веселъ: ему таки удалось доложить десятую тысячу, продавъ съ молотка имущество одного изъ своихъ несостоятельныхъ должниковъ.

—«Ну, старуха, говорилъ Трясченко,—теперь наше дѣло въ шляпѣ; старости намъ съ тобой бояться нечего: прожить достанетъ чѣмъ». Но говоря такъ, онъ и не думалъ, что въ сію ночь душу его возьмутъ отъ него, а богатства его останутся. Хорошо покушавъ, Трясченко легъ спать и скоро заснулъ. Среди ночи его старуха, спавшая въ отдѣльной комнатѣ, вдругъ, сквозь сонъ, слышитъ какой-то какъ бы стукъ; встревоженная, она поспѣшно идетъ къ постели старика. Но, о ужасъ! она находитъ мужа умершимъ. При этомъ видѣть можно было слѣдующую картину: одна рука Трясченко лежала на груди, а другая—правая наотмашь отъ туловища, съ вогнутою ладонью, какъ бы для испрашиванія милостыни. Дать надлежащее положеніе рукѣ могли только съ большимъ трудомъ. Рука обладала какою-то странною упругостію и постоянно, и быстро отскакивала отъ тѣла умершаго и принимала прежнее положеніе.

—«А все Господь дѣлаетъ въ назиданіе и урокъ намъ грѣшнымъ, забывающимъ Его и живущимъ не для души, а для мамона», говорили и думали видѣвшіе умершаго Трясченка его односельчане.

(Кормчій. 1894 г. № 3-й).

Свящ. І. Тростянскій.

Вражда и злоба страшный грѣхъ.

Въ Кіево-Печерской лаврѣ жили два инока: іеромонахъ Титъ и іеродіаконъ Евагрій. Нѣсколько лѣтъ жили они между собою въ необыкновенной дружбѣ, такъ что братія, видя такую ихъ дружбу, назидались и даже дивились ей. Но, врагъ рода человѣческаго,—діаволъ не дремалъ тутъ. Онъ всегда и всюду сѣялъ плевелы среди пшеницы. И вотъ онъ успѣлъ посѣять вражду и злобу между Титомъ и Евагріемъ. Что было причиною сего, неизвѣстно, только между Титомъ и Евагріемъ началась такая вражда, что они не могли, безъ досады. взглянуть одинъ на другого. Описатель ихъ вражды повѣствуетъ, что когда, отправляя божественную службу, одинъ изъ нихъ шелъ съ кадильницею по церкви, то другой отходилъ въ сторону, чтобы не услышать ѳиміама; а если тотъ оставался иногда на своемъ мѣстѣ, то этотъ отходилъ отъ него, какъ можно, дальше. Вражда Тита и Евагрія продолжалась долго, и они, не примирившись между собою, дерзали вмѣстѣ служить Божественную литургію и причащаться за оной св. Христовыхъ таинъ. Сколько братія ни совѣтовали имъ, сколько ни старались, чтобы примирить ихъ, но никакъ не могли водворить между ними, если не прежней дружбы, то по крайней мѣрѣ, мира и согласія.

Случилось, что іеромонахъ Титъ тяжело разболѣлся. Не надѣясь на выздоровленіе, онъ сталъ готовиться къ смерти и предъ нею хотѣлъ примириться съ своимъ прежнимъ другомъ, а въ настоящее время злымъ врагомъ. Титъ послалъ къ Евагрію просить себѣ прощеніе. Но что же Евагрій? Онъ и слышать не хотѣлъ о прощеніи и примиреніи, а еще началъ жестоко ругать Тита. Тогда братія, соболѣзнуя о такомъ ужасномъ ожесточеніи Евагрія. рѣшилась насильно привести его къ умирающему. Іеромонахъ Титъ, увидѣвъ врага своего, при помощи другихъ, всталъ съ постели, упалъ къ ногамъ Евагрія и со слезами просилъ у него прощенія. Но Евагрій былъ такъ золъ и безчеловѣченъ, что даже отвернулся отъ него и съ остервененіемъ воскликнулъ: «я не хочу мириться съ нимъ ни въ сей, ни въ будущей жизни»! Потомъ онъ вырвался изъ рукъ братіи и—вдругъ упалъ на землю.

Братія хотѣли поднять Евагрія, но какъ изумились, когда, поднимая его, увидѣли, что онъ мертвъ и вдругъ такъ похолодѣлъ, какъ будто бы умеръ уже нѣсколько времени тому назадъ. Ихъ изумленіе увеличилось еще болѣе, когда іеромонахъ Титъ въ то же самое время всталъ съ постели совершенно здоровымъ, какъ будто бы и не былъ больнымъ. Въ изумленіи и ужасѣ отъ такого необыкновеннаго происшествія, они окружили Тита, и одинъ передъ другимъ спрашивали его: «что это значитъ?» Титъ отвѣчалъ: «во время своей болѣзни, пока я сердился на Евагрія, видѣлъ ангеловъ, которые стояли вдали отъ меня и плакали о погибели души моей. Это и было причиною, почему я больше всего желалъ помириться съ нимъ. Но какъ скоро вы привели Евагрія сюда къ моей постели, и я, вставъ, поклонился ему, а онъ началъ проклинать меня, то я уви-

дѣлъ, что одинъ грозный ангелъ поразилъ его пламеннымъ копьемъ, и несчастный тотчасъ же повергся на землю. А мнѣ этотъ ангелъ подалъ руку свою и поднялъ съ постели, такъ что я мгновенно почувствовалъ себя совершенно здоровымъ.

Тогда иноки оплакали страшную смерть Евагрія, и съ того времени, прибавляетъ повѣствователь, болѣе прежняго начали наблюдать за собою, чтобы, какъ повелѣваетъ апостолъ, солнце не заходило во гнѣвѣ ихъ, т. е. если и приходилось кому изъ нихъ разладить съ кѣмъ, то эти разладившіе спѣшили мириться въ тотъ же день.

Да, вражда и злоба—ужасный грѣхъ! Человѣкъ имѣетъ въ себѣ образъ Божій; но кому уподобляется враждующій и злобствующій? Звѣрю, и не только звѣрю, но и самому злому духу! Не даромъ же Господь говоритъ въ Евангеліи: «если вы не будете прощать другихъ, то не проститъ и васъ Отецъ и Судія нашъ небесный». Не даромъ же и церковныя правила гласятъ слѣдующее: «аще кто имать вражду на кого, въ храмъ да не входитъ, ниже приносы его (т. е. не должно принимать и его пожертвованій въ храмъ), дондеже (до тѣхъ поръ пока) примирится: ибо молитва его въ клятву и въ грѣхъ вмѣняется. Аще кто имать злобу съ нѣкимъ и преставится едина часть (т. е. умретъ одинъ изъ нихъ), да запретится другая о умершимъ лѣто едино (т. е. оставшійся въ живыхъ долженъ нести эпитимію, на одинъ годъ быть лишеннымъ св. причащенія), и канонъ отходя на гробъ скончавшагося дней четыредесять глаголи въ себѣ: прости мя, брате, и Богъ да проститъ тя.

(Кормчій. 1894 г. № 9-й).

Прощеный день.

Тревожно спалось въ эту ночь богатому коммерсанту Ивану Ивановичу. Не смотря на всѣ усилія подавить свое волненіе, оно все болѣе и болѣе овладѣвало имъ. Изъ затаенныхъ уголковъ души поднимались воспоминанія... рѣяли какіе-то образы, забытыя лица...

— Что же это со мной, думалъ онъ, прохаживаясь по своему богатому кабинету. Блѣдный разсвѣтъ февральскаго утра проникалъ въ окно... Весь домъ еще спалъ... Иванъ Ивановичъ думалъ и думалъ, стараясь объяснить причину своей душевной тревоги. Кажется, ему не въ чемъ упрекнуть себя. Всю жизнь онъ былъ честнымъ человѣкомъ, и въ торговлѣ не обманывалъ людей. Капиталъ его нажитъ честнымъ трудомъ. Семья его обезпечена. Жена здорова и весела, своихъ дѣтей нѣтъ, а племянники и племянницы всегда находятъ ласковый привѣтъ въ его домѣ. Правда, только одна племянница не здѣсь... Гдѣ она? онъ не помнитъ и не хочетъ помнить ее. Она не захотѣла послѣдовать его совѣтамъ, выбрала другой путь, путь тяжелый— труда и лишеній... У всякаго свои мечты. Онъ забылъ ее съ того дня, какъ она уѣхала въ Петербургъ... Гдѣ она теперь? Всѣ письма ея онъ оставлялъ безъ отвѣта.

Правда она сирота, одна во всѣмъ свѣтѣ... Но кто ей велѣлъ не послушать его совѣта, не идти по намѣченному имъ пути! Она была бы обезпечена, окружена семьей... Что она теперь дѣлаетъ? гдѣ она?

И снова тревожное чувство охватило Порфирьева. Онъ подошелъ къ письменному столу. Сегодня Прощеное воскресенье... Да, въ этотъ день мирятся злѣйшіе враги, прощаютъ кровныя обиды... Гдѣ она, несчастная Варя! И за-

чѣмъ вспоминать о ней? Она живетъ своей жизнью... быть можетъ, погибла въ омутѣ столичной жизни. Гдѣ взять молодой дѣвушкѣ твердую опору, твердыя убѣжденія? Одна, въ кругу чужихъ! Погибла! погибла! и я не простилъ ей!

И вспомнилась Ивану Ивановичу его мать. Вспомнилъ онъ, какъ говорила ему мать о великомъ значеніи Прощеннаго воскресенія.—Всѣ должны прощать другъ другу!—говорила она.—Это великій день, преддверіе Великаго поста. Забудь всѣ обиды, прости врагамъ своимъ, и съ чистымъ сердцемъ приступи къ исповѣди и причастію! Завѣтъ этого великаго дня—великая, всепрощающая любовь!

— Не забывай этого, дружокъ!—

Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ. Мать его давно умерла. Но онъ не забылъ ея словъ. Они вошли ему въ плоть и кровь... Этотъ завѣтъ священенъ для него... Онъ то и былъ причиной его настоящей тревоги;—онъ мучилъ его... Совѣсть заговорила...

— Бѣдная Варя? Гдѣ-то она!

Обѣдня только что кончилась. Иванъ Ивановичъ сидѣлъ въ кабинетѣ и писалъ дѣловое письмо. Вошелъ лакей.

— Васъ барышня какая-то спрашиваетъ,—баринъ!—

— Барышня? Ну, зовите ее сюда!—

Дверь кабинета отворилась. Вошла блѣдная, молодая женщина, съ большими темными глазами.

— Дядя, милый!...

Иванъ Ивановичъ молча всталъ, пораженный и удивленный.

— Дядя, голубчикъ, сегодня Прощеное воскресенье...

простите меня... помиримся—я одна на свѣтѣ!—Пожалѣйте меня, дядя!—

— Здравствуй Варя!.. какъ ты попала сюда?..

— Я вчера пріѣхала и завтра уѣду...—Дядя, пожалѣйте меня, простите!..

— Въ чемъ мнѣ прощать тебя? Ты живешь и дѣйствуешь по своему усмотрѣнію... Ты не хочешь слушать моихъ совѣтовъ.

— О, дядя, милый! Я такъ тосковала, такъ тосковала!.. Живется тяжело, какъ всякому трудовому человѣку... Я пріѣхала сюда, чтобы помириться съ вами...

— Да, конечно!.. Если тебѣ нужно денегъ, я не могу много дать! Вотъ возьми 10 рублей...

— Деньги. Да, что вы, дядя! развѣ я за деньгами пріѣхала сюда къ вамъ? Я искала у васъ ласки, любви... Сегодня великій день! Простите меня и пожалѣйте!

— Какое тебѣ дѣло—сержусь ли я? Ты не хотѣла остаться здѣсь съ нами! Ты выбрала себѣ другую дорогу... Я не знаю, какъ ты живешь тамъ одна!

— Да, путь труда... Я не жалуюсь, не ропщу... Я прошу только ласки и любви! О, дядя, дядя!..

Въ голосѣ ея звенѣли слезы... Блѣдное лицо поблѣднѣло еще болѣе.

— Не знаю, Варя, что надо тебѣ...

— О, дядя, дорогой мой...—Рыданья прервали ея слова.

Иванъ Ивановичъ нахмурился. Воспоминанья о томъ, что Варя пренебрегла всѣми его добрыми совѣтами и самовольно оставила его домъ, заглушили тѣ добрыя чувства, какія было явились въ немъ съ наступленіемъ прощенаго дня.—Онъ уже не чувствовалъ ни любви, ни жалости къ этой измученной, плачущей дѣвушкѣ.

— Прощайте, дядя, не хотѣли вы отозваться на мои слова,—Богъ съ вами!

Она быстро вышла изъ комнаты.

Иванъ Ивановичъ долго и неподвижно сидѣлъ у стола. Скоро прибѣжали племянники, пришла жена. Надо было идти въ гостиную, потомъ поѣхать по дѣлу, сдѣлать визитъ. Бѣдная Варя исчезла изъ памяти. Мелочи дня захватили его.

Опять наступила ночь. Опять богатый кабинетъ озарился свѣчой въ массивномъ серебряномъ подсвѣчникѣ. Иванъ Ивановичъ не спитъ и тревожно ворочается на постели. Дневная суета заглушила въ немъ голосъ сердца. Теперь онъ громко заговорилъ. Сердце болѣзненно сжалось.—Отчего это? Отчего?—спросилъ себя Иванъ Ивановичъ. Опять, какъ живой передъ нимъ образъ матери... Всѣмъ, всѣмъ прости!.. шепчетъ она. Отчего ты не простилъ ей? И глаза ея строго, строго смотрятъ на сына.

Иванъ Ивановичъ вскакиваетъ съ постели, сонъ совсѣмъ оставилъ его.

— Что же дѣлать! Что дѣлать мнѣ!—терзается онъ, шагая по кабинету. Но совѣсть говоритъ неумолчимо...

Изъ темноты выплываетъ блѣдное лицо... большіе глаза полны слезъ.

— Дядя, дядя! шепчетъ Варя. Простите меня.—Я одна на свѣтѣ!—Иванъ Ивановичъ подходитъ къ письменному столу. Надо написать ей. Гдѣ она? Какъ найти ее?

Онъ начинаетъ припоминать. Да, у него товарищъ въ Петербургѣ. Напишетъ онъ ему съ просьбой отыскать Варю, и передать ей письмо.

Да, такъ будетъ лучше. Надо необходимо простить Варю, забыть ея обиду, примириться съ нею. Иванъ Ивановичъ садится за письмо.

Разсвѣтъ застаетъ его сидящемъ за письменнымъ столомъ съ перомъ въ рукахъ! Глаза его влажны, на лицѣ мягкое, доброе выраженіе.

— Варя, дорогая Варя! пишетъ онъ. Прости меня, прости, что я оттолкнулъ тебя, когда ты довѣрчиво прильнула ко мнѣ. Прости, я сознаю свою вину. Видно то, что заложено въ нашу душу съ ранняго дѣтства, даетъ глубокіе корни,—сильнѣе всѣхъ его самолюбивыхъ помысловъ и желаній. Великій прощеный день не прошелъ безслѣдно для меня. Я сознаю, что поступилъ съ тобой жестоко, не откликнулся на голосъ твоего сердца. Но вѣрь, что теперь ты не одна на свѣтѣ, у тебя есть любящій тебя и простившій тебѣ все, твой дядя.

Въ этотъ день Иванъ Ивановичъ былъ необыкновенно веселъ. Счастливая улыбка не сходила съ его лица.

Любовь и прощеніе—вотъ настоящая жизнь по завѣту Христа. И онъ понялъ это.

В. П.

(Кормчій. 1894 г. № 9-й).

Бабья доля.

Бѣдная Катерина горько плачетъ. Отъ этихъ горючихъ слезъ исхудала она, исчахла. Изъ красивой, сильной женщины превратилась въ худое, забитое, несчастное существо. Какъ тѣнь бродитъ она по избѣ и плачетъ, плачетъ горькими, неутѣшными слезами. И какъ не плакать бѣдняжкѣ? Нѣтъ ей радости, нѣтъ счастья. Мужъ проводитъ

все время въ кабакѣ. Придетъ домой, ругается, дерется, пріучилъ къ руганью и пьянству и 12-лѣтняго сына, любимца матери, Гришу. Все терпитъ и выноситъ Катерина, побои и брань мужа, его вѣчное пьянство. Но не можетъ выносить, какъ пьетъ и ругается ея дорогой Гриша. Начнетъ она ласкать его, уговаривать.

— Гриша, Гришенька, желанный! пожалѣй ты меня, горемычницу. Не пей, свѣтикъ, не учись ругаться!

— А ну тебя къ псамъ! Только поешь! Надоѣла!— отвѣтитъ ей Гриша, отталкивая ласки матери. Ничего не отвѣтитъ Катерина, только лицо ее побѣлѣетъ, какъ полотно, да слезы градомъ польются по исхудавшимъ щекамъ. Несчастная, горемычная она! Нестерпимо ей видѣть, какъ ея красавецъ, кудрявый Гриша во всемъ старается подражать отцу.

— Плюнь ты на нее, Гришка, пойдемъ въ кабакъ!— скажетъ Герасимъ. И Гриша, заломивъ шапку, заоретъ непристойную пѣсню и идетъ за отцомъ въ кабакъ. Часто изъ кабака отецъ его приноситъ совсѣмъ пьянаго, безчувственнаго.

— Ишь, нализался, пащенокъ!—скажетъ Герасимъ, и какъ мѣшокъ, броситъ сына на лавку.

А бѣдная Катерина не спитъ всю ночь, обливая слезами кудрявую голову сына.

Еще лѣтомъ, Герасимъ, съ грѣхомъ-пополамъ, работаетъ, а зимой пьетъ безпросыпно, тащитъ изъ дома все, что найдетъ.

Въ избѣ бѣдно, пусто, все полито горючими слезами Катерины. Слезами она умывается и сидитъ часто голодная, а мужъ и сынъ пропиваютъ въ кабакѣ все, что за-

работали лѣтомъ. Давно уже они продали лошадь, корову, разную домашнюю утварь.

Вотъ и теперь, сидитъ она въ темной холодной избѣ и мутными глазами смотритъ въ окно. Съ печи раздается храпъ пьянаго мужа. На лавкѣ спитъ и бредитъ несчастный Гриша. Мальчикъ сталъ на себя не похожъ, исхудалъ, осунулся, все бредитъ.

Зимняя, темная ночь окутала всю деревню. Катерина неподвижно смотритъ на темноту ночи. Слеза тихо катится по ея щекамъ. Не разъ хотѣла она прикончить съ собой. Силъ не хватало: Гришу жалко. Что будетъ съ нимъ безъ нея? Отъ вѣчныхъ слезъ, отъ постояннаго страданія, нѣтъ у нея ни силы, ни разсудка. Порой, ей кажется, что она сходитъ съ ума.

И теперь, сидитъ она неподвижно, изрѣдка прикладывая мокрую тряпку къ губамъ. Герасимъ сегодня прибилъ ее, стукнулъ кулакомъ по рту, зубъ вышибъ. Кровь идетъ у нея изъ рта, губы въ крови.

Вдругъ несчастная Катерина встала и провела рукой по лбу. Что дѣлать? Такъ жить нельзя! Сердце болитъ и надрывается за Гришу.—Въ головѣ у нея все помутилось.—Кончить, кончить! шептала она. И дикій огонекъ засвѣтился въ ея глазахъ.

Катерина быстро подошла къ печи, взяла спички и кучу стружекъ, которыми растопляла печь и, съ дикой улыбкой, вышла изъ избы.

Она не замѣчала холода, снѣга. Въ одномъ платьѣ бѣжала она вдоль села къ кабаку.

— Спалю кабакъ. Бросятъ пить! Негдѣ будетъ пить!— шептала она съ блуждающимъ взоромъ.

Вотъ и заново отстроенный кабакъ. Катерина оглянулась.

Кругомъ темно, пусто. Нѣтъ ни души. Какъ тѣнь подкралась она къ воротамъ и принялась совать повсюду стружки. Еще минута... Катерина чиркнула спичкой и хотѣла поднести къ стружкамъ. Трясясь всѣмъ тѣломъ, съ блуждающими глазами и окровавленными губами, Катерина походила на сумасшедшую. Вотъ спичка зажглась... сверкнулъ слабый огонекъ... Вдругъ, гдѣ-то вдали раздался тихій, протяжный ударъ колокола... Катерина вздрогнула и уронила спичку на снѣгъ... Снова ударъ колокола...

Это въ сосѣднемъ селѣ ударили къ заутрени. Словно молнія сверкнула въ головѣ Катерины. Колѣни ея подогнулись.

— Господи! Прости меня, окаянную!—прошептала она, рыдая. Что я сдѣлать хотѣла! Господи, прости меня! Съ воплемъ упала она на снѣгъ.

Черезъ часъ, ее нашли полумертвую, почти окоченѣвшую на снѣгу. Когда ее принесли домой, въ избу, Герасимъ первый разъ въ жизни испугался и смутился. Гриша мрачно глядѣлъ на застывшее лицо матери. Потомъ сѣлъ въ уголъ и горько заплакалъ. Въ его дѣтской душѣ шевельнулось раскаяніе, сожалѣніе къ матери, и ненависть къ отцу.

— Ты все тятенька виноватъ!—злобно произнесъ онъ, глядя на отца, и заплакалъ еще сильнѣе.

Катерина не приходила въ себя и... умерла.

Послѣднія, слова, которыя шептали ея губы, были:—Гриша, Гришенька, пожалѣй ты меня... твой отецъ загубилъ меня, Гриша...

Бѣдный Гриша, горько, безутѣшно плакалъ о матери.

Смерть жены сильно повліяла на Герасима. Онъ пересталъ совсѣмъ пить, и занялся своимъ хозяйствомъ, а Гришу отправилъ на фабрику.

(Кормчій. 1894 г. № 12-й).

В. П.

Будь доволенъ своей долей!

(Разсказъ).

Стоялъ тихій и прохладный лѣтній вечеръ. Прощальные лучи солнышка ярко обливали своимъ свѣтомъ большое село, сады и огороды и каменную сельскую церковь на пригоркѣ.

По пыльной, каменистой дорогѣ быстро подъѣзжала къ селу небольшая телѣжка. Бойко бѣжали сытыя лошадки, почуявъ близкій отдыхъ, звонко позвенивалъ колокольчикъ подъ дугой коренника.

Вотъ и поворотъ на мостикъ, черезъ свѣтлую рѣчку. Съ мостика—какъ на ладони видно все большое, красивое село. Ярко поблескиваетъ крестъ колокольни, и ямщикъ и двое путниковъ въ телѣжкѣ набожно сняли шапки и перекрестились.

Вотъ и маленькая роща, лѣсокъ, барскій домъ помѣщика, весело выглядывавшій изъ-за тѣнистаго густого сада; а тамъ, дальше—и сельская широкая улица.

«Родимое село... давно не видалъ я тебя,»—тихо заговорилъ младшій изъ двухъ мужчинъ. Радость блестѣла въ его свѣтлыхъ глазахъ, на честномъ, молодомъ лицѣ. Онъ все еще сидѣлъ безъ шапки и оглядывался кругомъ.

«Ваня»—обратился онъ къ брату,—«погляди, какъ

застроилось село, какъ разрослись сады!..» Старшій братъ задумчиво молчалъ. Сколько мыслей бродило въ его головѣ, сколько воспоминаній!

Много лѣтъ тому назадъ, по этой же самой дорогѣ, оба они съ братомъ, маленькіе, деревенскіе дикари, были отправлены помѣщикомъ въ городъ въ науку. Тяжело было ребятамъ прощаться съ роднымъ селомъ, съ отцомъ, съ матерью. Славно жилось имъ до той поры на деревенскомъ привольи, въ родной избѣ. Отецъ ихъ крестьянинъ Акимъ Ивановъ, былъ добрый, трудолюбивый мужикъ. Съ утра до вечера работалъ онъ, не покладая рукъ, не бралъ въ ротъ вина, никогда ни съ кѣмъ не ссорился, и тихо жилъ въ своей семьѣ. За это все село уважало Акима и его семью. И жена ему попалась работящая. Послалъ Богъ Акиму и дѣтей—двухъ сыновей. Крѣпко любили Акимъ съ женою своихъ ребятокъ. Здоровые и смышленые росли мальчики. Младшій, Николай, былъ послабѣе старшаго Ивана и былъ любимецъ матери. За то характеромъ чуднымъ наградилъ его Богъ. Добрый, кроткій, задумчивый мальчикъ умѣлъ всѣмъ услужить и всѣхъ привязать къ себѣ. Время шло. Мальчики росли да крѣпли на свободѣ.

Одинъ разъ отецъ послалъ ихъ зачѣмъ-то къ помѣщику. Добрый баринъ посмотрѣлъ на ребятокъ, поговорилъ съ ними, приласкалъ худенькаго Колю и задумался.

Зналъ онъ Акима за хорошаго мужика, понравились ему мальчики, смышленые да ласковые. Недавно перенесъ онъ большое горе: умеръ у него его любимый, единственный сынъ; сердце и теперь болѣло о немъ. Пришла барину въ голову добрая мысль: «хотите, ребятки, учиться?» спросилъ онъ мальчиковъ. У Коли такъ и загорѣлись, заблистали глазенки, а Ваня покраснѣлъ весь отъ радости.

Увидѣлъ помѣщикъ ихъ охоту къ ученью, похвалилъ мальчиковъ и чрезъ нѣсколько дней сказалъ Акиму, что хочетъ послать его сыновей на свой счетъ учиться въ городъ. «Понравились мнѣ твои мальчики, Акимъ, хочется мнѣ изъ нихъ людей сдѣлать, хочу имъ образованіе дать, можетъ и замѣнятъ они мнѣ умершаго сына».

Акимъ такъ и повалился барину въ ноги.

Чрезъ нѣсколько недѣль мальчиковъ снарядили въ дорогу. Тяжело было Акиму съ женой разставаться съ сыновьями! Скрѣпились они, смахнули съ глазъ слезы и отпустили ребятокъ съ наказомъ учиться хорошо.

И поѣхали ребятки далеко отъ родного села, на чужую сторону, къ чужимъ людямъ. Быстро полетѣло время въ ученьи. Некогда имъ было тосковать. Мальчики учились отлично, особенно младшій. Ваня, живой, бойкій мальчикъ не былъ такъ терпѣливъ и внимателенъ, какъ тихій, задумчивый Николай.

Ѣзжали они на каникулы и домой, гдѣ ихъ горячо ласкали родители.

Кончили мальчики гимназію, далъ имъ добрый помѣщикъ и дальше учиться.

И вотъ теперь кончено ихъ ученье; на своихъ ногахъ молодые люди, полные силъ и хорошо образованные.

Выросли они, возмужали. Иванъ сталъ рослымъ, красивымъ юношей, а Николай остался худощавымъ, слабымъ и тихимъ. Думается Ивану: какъ-то здоровы ихъ родные? Что дѣлается у нихъ!—«Что-жъ, ты? вѣдь мы пріѣхали!» прервалъ мысли молодого человѣка младшій братъ. Иванъ очнулся и оглянулся. Телѣжка стояла у маленькаго новенькаго домика. Изъ калитки выглядывали какія-то лица. Николай съ кѣмъ-то обнимался.

Молодой человѣкъ тряхнулъ своими темными кудрями и быстро вышелъ изъ телѣжки. Передъ нимъ стояла его мать. Она съ удивленіемъ глядѣла на него, не узнавая сына въ этомъ статномъ, красивомъ молодцѣ.

«Матушка,»—тихо заговорилъ молодой человѣкъ, а старуха такъ и бросилась къ сыну и замерла у него на груди... Все село сбѣжалось встрѣтить молодыхъ людей, прибѣжалъ съ поля и Акимъ. Не могъ онъ наглядѣться, налюбоваться сыновьями. Въ новой избѣ расположились молодые люди. Отецъ съ матерью не знали куда посадить, чѣмъ угостить дорогихъ дѣтокъ.

На другой день пошли они къ помѣщику. Задумчиво шли молодые люди по селу. Все было имъ знакомое и родное.

Старухи и старики выползли изъ избенокъ поглядѣть на пріѣзжихъ. Николай успѣлъ свести знакомство съ сельскими ребятишками, которые неотступно бѣгали за нимъ.

Вотъ оба они стоятъ передъ барскимъ домомъ. Сколько лѣтъ тому назадъ два маленькіе сельскіе парнишка стояли тутъ-же! Все такъ-же выглядываютъ имъ навстрѣчу изъ зелени окна красиваго дома.

Тихо прошли они цѣлый рядъ комнатъ и вошли въ кабинетъ помѣщика. Все такъ же убрана эта комната. Шкафъ съ книгами, дорогія картины, ковры, столъ, заваленный газетами, большое кресло, въ которомъ сидитъ самъ хозяинъ.

Волосы и борода его посѣдѣли, лицо стало еще серьезнѣе. Но глаза его снова также ласково смотрятъ на молодыхъ людей, доброе и благородное сердце по прежнему бьется въ его груди. Въ ноги поклонились ему оба юноши.

Слезы заблестѣли на глазахъ его. Ласково обнялъ ихъ помѣщикъ, усадилъ, послалъ за женой, велѣлъ подать чай.

Пришла въ кабинетъ и барыня, ласкала молодыхъ людей, разговорилась съ ними. Долго просидѣли молодые люди у помѣщика, много переговорили они, высказывали свои мысли и планы. Оба готовы были работать, трудиться изо всѣхъ силъ, оба желали приносить пользу, отблагодарить помѣщика за его любовь и доброе дѣло.

На прощанье помѣщикъ опять обнялъ ихъ.

«Помните, дѣти, говорилъ онъ,—я хотѣлъ сдѣлать изъ васъ людей честныхъ и образованныхъ. Это было мое желаніе. Пусть каждый изъ васъ работаетъ и трудится, какъ онъ можетъ и какъ онъ хочетъ. Работайте, дѣти, любите родину, не жалѣйте для нея ни силъ, ни здоровья. Вашъ честный трудъ, честные поступки,—будутъ мнѣ лучшей благодарностью. Отдохните здѣсь, а потомъ принимайтесь за дѣло. Если вамъ надо будетъ ѣхать, я дамъ вамъ средства, но пріучайтесь разсчитывать только на себя, на свою голову и руки! Господь да хранитъ васъ! Растроганные ушли отъ него молодые люди.

Наступилъ вечеръ, теплый и ароматный. Звонъ сельской церкви далеко раздавался вокругъ. Церковь блистала огнями. Былъ канунъ лѣтняго праздника. Юноши пошли въ церковь. Тамъ оба склонились въ углу передъ потемнѣвшимъ, старинымъ образомъ Скорбящей Божіей Матери. Молодыя лица ихъ свѣтились горячей вѣрой и мольбой. Они просили помощи и успѣха у Милосердой Заступницы, и свѣтлыми слезами блестѣли ихъ глаза, устремленные на кроткій ликъ Божіей Матери.

Чрезъ недѣлю Иванъ Акимовичъ уѣхалъ, попрощавшись съ родными и получивъ деньги отъ помѣщика.

«Николай! Поѣдемъ со мной!—говорилъ онъ брату уѣзжая.—Ты заглохнешь, задохнешься отъ тоски въ этой глуши! Поѣдемъ вмѣстѣ работать!»

«Зачѣмъ? Куда? Я не знаю, зачѣмъ ты ѣдешь, Ваня, а я останусь здѣсь, попробую здѣсь поработать, сколько силъ хватитъ! У меня небольшія силы, Ваня, куда мнѣ?—тихо отвѣчалъ Николай. Ему было тяжело разставаться съ братомъ, котораго онъ очень любилъ.

«Что ты будешь здѣсь дѣлать? Здѣсь нечего дѣлать,—надо искать потруднѣе дѣла!—Уговаривалъ брата Иванъ Акимовичъ.—Въ Божьемъ мірѣ, на великомъ пространствѣ нашей родины столько для насъ живого дѣла! Смотри какъ несчастны люди, какъ портятъ они сами себѣ жизнь? Не наше-ли дѣло учить ихъ, толковать имъ то, что они не въ силахъ понять! Поѣдемъ, милый братъ! Не будемъ жалѣть себя для нашего дѣла!

Но Николай не поѣхалъ. Иванъ Акимовичъ уѣхалъ недовольный и разстроенный, но съ полнымъ желаніемъ работать, трудиться на общую пользу, съ полной вѣрой въ будущее и въ свои молодыя силы.

Надолго уѣзжалъ онъ изъ родного села, надолго разставался со всѣмъ, что ему было дорого. Долго оглядывался онъ на село и на родину и посылалъ сердечное «прости» своимъ роднымъ. Потомъ онъ набожно перекрестился, отвернулся и заглядѣлся вдаль... Что-то ждетъ его тамъ? Какъ манитъ къ себѣ эта синѣющая, ясная даль!

Далеко отъ родины закинула судьба Ивана Акимовича. Много лѣтъ прожилъ онъ вдали отъ нея!... Сколько мукъ и терзаній перенесъ онъ!

Горячо бросился онъ на новое дѣло, учился самъ, училъ и другихъ, старался втолковать людямъ, что можно

жить лучшей, правдивой жизнью. То онъ учительствовалъ, то писалъ, то принимался лѣчить, старался истребить въ народѣ пьянство и лѣнь, старался подавить своеволіе богатыхъ людей, внушить имъ любовь и жалость къ бѣднякамъ, хлопоталъ о бѣдныхъ, устраивалъ читальни, бился изо всѣхъ силъ. Но онъ былъ не въ своемъ кругу.

Богатые люди смѣялись надъ нимъ, бѣдные не вѣрили ему. Онъ нажилъ себѣ враговъ, но не нашелъ друзей. Много лѣтъ провелъ Иванъ Акимовичъ въ этомъ метаньи, въ этихъ безплодныхъ хлопотахъ. Люди не цѣнили его усилій, не вѣрили его искренности. Когда онъ заболѣлъ, отъ него всѣ отвернулись. Иванъ Акимовичъ едва не умеръ. Всталъ онъ исхудалый и угрюмый. Измученный онъ не принимался за дѣло, а началъ тосковать: онъ потерялъ вѣру въ людей и въ себя. Вмѣсто благодарности онъ видѣлъ насмѣшки, вмѣсто дружбы вражду и ненависть. *Одинъ въ полѣ не воинъ,* рѣшилъ онъ про себя и весь замеръ, затихъ. Тоска заѣдала его.

И вотъ въ одно тихое лѣтнее утро онъ подъѣзжалъ къ родному селу. Какъ измѣнился онъ съ тѣхъ поръ, какъ уѣхалъ отсюда. Какъ мало осталось у него силъ, какъ тоскливо и больно бьется въ груди измученное сердце!

По прежнему катитъ маленькая рѣчка свои свѣтлыя волны, такъ-же шелеститъ лѣсокъ, гдѣ онъ любилъ въ дѣтствѣ бѣгать и играть съ братомъ. такъ же сіяетъ крестъ сельской колокольни. Но въ селѣ много измѣнилось. Много могилокъ прибавилось на сельскомъ кладбищѣ, много дѣтей превратилось въ взрослыхъ людей.

Давно спитъ въ сырой землѣ добрый Акимъ съ своей женой. Около маленькой часовни, на погостѣ, покрытыя свѣжей зеленой травой и полевыми цвѣтами, высятся двѣ

могилки. Честные люди лежатъ здѣсь: добрымъ словомъ поминаютъ усопшихъ стариковъ поселяне!

Быстро катится телѣжка по сельской улицѣ. Съ изумленіемъ смотритъ Иванъ Акимовичъ и не узнаетъ села. Около церкви стоитъ красивый, полукаменный домъ, на которомъ написано „*Больница*“. Весело блестятъ окошки съ чистыми занавѣсками, густыя деревья заглядываютъ внутрь краснваго домика.

Вотъ телѣжка остановилась у роднаго домика. Не узнаетъ Иванъ Акимовичъ родной избы. Вся она перестроена, передѣлана, съ лѣвой стороны идетъ пристройка, за ней огородъ, на домикѣ большая вывѣска „*Школа*“.

Удивленный идетъ въ калитку Иванъ Акимовичъ. На дворѣ бѣгаютъ толпы ребятишекъ, въ домѣ слышны звонкіе ребячьи голоса. Остановился Иванъ Акимовичъ на порогѣ, смотритъ и глазамъ своимъ не вѣритъ. Большая, свѣтлая комната, у стола сидитъ его братъ, окруженный ребятишками. У всѣхъ у нихъ въ рукахъ книги и доски. У окна толпа дѣвочекъ около молодой женщины, которая что-то шьетъ. Самъ помѣщикъ тутъ же что-то разсказываетъ бойкому, востроглазому мальчику.

Стоитъ Иванъ Акимовичъ, смотритъ и молчитъ. Оглянулись дѣти. «Чужой, чужой,—кричатъ звонкіе голоса дѣтскіе,—Николай Акимовичъ, чужой баринъ пришелъ».

Николай поднялъ голову, увидалъ брата и бросился обнимать его. Подошелъ и постарѣвшій сѣдой помѣщикъ.

Иванъ Акимовичъ не узналъ брата: такъ поправился, пополнѣлъ Николай Акимовичъ—совсѣмъ молодцомъ смотритъ. Что-то горькое, тяжелое проснулось въ сердцѣ пріѣзжаго, какъ увидѣлъ онъ тихую картину сельскаго счастья.

«Какъ ты-то, Ваня, измѣнился»!—тихо говорилъ Николай, грустно глядя на брата.—«Прежняго статнаго молодца и узнать нельзя.

Похудѣлъ, осунулся, пожелтѣлъ Иванъ Акимовичъ, глаза глядятъ печально, въ волосахъ сѣдина блеститъ, на лицѣ скорбь и тоска.

Отпустилъ Николай Акимовичъ ребятишекъ, увелъ брата въ другую половину дома къ себѣ и усадилъ въ кресло. Пришелъ и помѣщикъ къ нимъ, подошла и молодая, миловидная женщина, жена Николая Акимовича.

И пошли у братьевъ долгіе разговоры и толки. Не спрашиваетъ Николай Акимовичъ брата ни о чемъ, боится разбередить незаживщую ранку, все про себя разсказываетъ, какъ онъ потихоньку, да понемногу началъ съ ребятишками сельскими заниматься да отцу матери въ домашней работѣ помогать. Ребятишки его полюбили, поселяне благодарили его за дѣтей. Понемножку, съ помощью помѣщика, Николай Акимовичъ выхлопоталъ позволеніе открыть въ селѣ *школу*. Много было хлопотъ и непріятностей. Но школа все-таки устроилась.

Ребятишки изъ сосѣднихъ школъ приходятъ; страшно любятъ своего учителя. Одну зиму болѣзней было много въ селѣ. Задумался Николай Акимовичъ. Онъ всячески старался предостеречь крестьянъ, училъ ихъ порядку и опрятности. Долго онъ толковалъ о чемъ-то съ добрымъ помѣщикомъ. Тотъ уѣхалъ въ губернскій городъ и вскорѣ привезъ оттуда фельдшера и позволеніе открыть сельскую больницу. Жена у него умерла, и благородный человѣкъ весь отдался доброму дѣлу, неустанно хлопоталъ и добился устройства больницы. Съ тѣхъ поръ они работали изо всѣхъ силъ, дѣлили труды между школой и больницей. Похоронилъ Нико-

лай Акимовичъ своихъ стариковъ, погоревалъ, потомъ женился и вмѣстѣ съ женой весь отдался дѣлу школы.

Легче стало у Ивана Акимовича на сердцѣ, когда слушалъ онъ тихую рѣчь брата. Глубокимъ уваженіемъ къ брату было полно его сердце. Когда Николай Акимовичъ вышелъ изъ комнаты, помѣщикъ обратился къ Ивану и заговорилъ: «Не горюйте, другъ мой, вы еще найдете дѣло, которымъ наполните вашу жизнь. Только слѣдуйте примѣру вашего брата. Въ своей скромности—онъ великій человѣкъ;—сколько добра и пользы сдѣлалъ онъ здѣсь, тихо въ своемъ уголкѣ. Сначала онъ жилъ для родителей, которые умерли, благословляя его, потомъ онъ все свое честное сердце отдалъ своей семьѣ и ребятишкамъ. Какъ онъ хлопоталъ о школѣ и больницѣ, какъ работалъ! Ребятишки обожаютъ его, крестьяне зовутъ его чуть не святымъ.

«И тихо, скромно идетъ его жизнь, посвященная ближнимъ, тихо дѣлаетъ онъ свое великое дѣло! И васъ не забылъ вашъ братъ, онъ ждалъ, вѣрилъ, что вы вернетесь и будете работать вмѣстѣ съ нимъ»! Пригрѣтый этой любовью и вниманіемъ, послѣ долгихъ лѣтъ борьбы и страданій, Иванъ Акимовичъ разсказалъ брату всю свою жизнь полную борьбы и безплодныхъ усилій.

—«Я слишкомъ много взялъ на себя,—говорилъ онъ, окончивъ разсказъ,—я хотѣлъ передѣлать и перевернуть весь міръ, и только измучился и состарѣлся въ этой борьбѣ. Теперь, я понялъ, гдѣ истинное, святое дѣло. Если вы дадите мнѣ долю вашего труда, я буду счастливъ: я такъ изстрадался, измучился»...

Слезы катились по его щекамъ, когда онъ говорилъ это.

Въ тотъ же вечеръ въ сельской церкви передъ тѣмъ же кроткимъ образомъ Богоматери съ горячими слезами Иванъ Акимовичъ долго молился и благодарилъ Бога за то, что вернулся и ожилъ среди родныхъ своихъ.

Посѣдѣлый, усталый, съ измученнымъ сердцемъ вернулся онъ, заблудшій сынъ, подъ родимый кровъ, и снова здѣсь, въ родной церкви, передъ образомъ кроткой Царицы небесной, онъ нашелъ покой и тишину сердечную, понялъ, что истинное и великое дѣло не требуетъ шуму, а дѣлается тихо и скромно, *что надо около себя искать его!* Не узнаетъ и не прокричитъ шумный свѣтъ о скромномъ дѣлѣ, но знаетъ благодарное сердце человѣческое, да видитъ нашъ милосердый Судья небесный!

Не лучшая-ли это награда человѣку?

Вѣра П—ова.

(„Воскресный день“ 1888 годъ, № 32-й).

Поучительный случай смерти крестьянина, нарушившаго обѣтъ Богу.

Была среда первой седмицы Великаго поста 1886 года, Утомленный продолжительностью великопостной церковной службы дня и выпавшею на сей день безпрерывною поѣздкою въ приходъ для напутствованія больныхъ, я только къ вечеру собрался было нѣсколько отдохнуть и выпить стаканъ чаю. Слышу, кто-то изъ моихъ прихожанъ требуетъ меня. Выраженіе недовольства, это естественное слѣдствіе усталости,—какъ-то невольно сорвалось съ моихъ устъ, а впрочемъ, кто знаетъ, подумалъ я, не съ причастіемъ ли къ кому-либо и еще.

— Скажите, говорю, просителю, чтобы подождалъ немного, а я сейчасъ же напьюсь чаю и выйду.

— Да проситель какой-то странный, сообщаютъ мнѣ: ничего почти не говоритъ, а плачетъ навзрыдъ, ровно малое дитя.

— Чтобы это такое значило?—недоумѣвалъ я.

Выхожу и едва узнаю моего прихожанина, крестьянина Сергѣя Полникова.

— Здравствуй, Сергѣй! Что это съ тобою? На тебѣ и лица не видно! Или какая бѣда стряслась?

— Да, батюшка, несча—астье,—дрожащимъ голосомъ произнесъ Сергѣй.

— Что такое?—спрашиваю.

— Охъ, Господи! Что мнѣ дѣлать?! И головушки своей не приложу!—горько воскликнулъ Сергѣй и залился слезами.

Долго пришлось мнѣ успокаивать плачущаго, прежде чѣмъ добиться отъ него объясненія дѣла. Оказалось, что отецъ Сергѣя какъ-то неожиданно пораженъ былъ параличемъ и притомъ въ такой сильной степени, что врачъ отказался будто-бы лѣчить больного.

Я поспѣшилъ отправиться къ послѣднему для напутствованія его св. таинствами. Подъѣхали къ дому. Слышны причитанія и неопредѣленный шумъ. Все кончено!—думаю себѣ. Опоздалъ. Очень жаль!.. Вхожу въ избу. Хата биткомъ набита народомъ. Вслушиваюсь. Подъ общій плачъ домохозяевъ и родныхъ идутъ жаркія сужденія сторонніхъ посѣтителей о томъ, чѣмъ-бы пособить больному.

— Слава Богу! Живъ, значитъ,—вырвалось изъ моей груди.

— А! Батюшка! Добро пожаловать! привѣтствовали меня сосѣди.—А мы вотъ собрались сюда навѣстить больного.

— Доброе дѣло. Посѣтить больного—христіанская обязанность. Въ памяти ли Илья?

— Богъ вѣсть, отвѣчали мнѣ.—Чуть-чуть живъ, лежитъ безъ языка.

— Неужель? Давно-ли такъ?

И не подходя пока съ холоду къ больному, я тѣмъ временемъ подробнѣе узналъ о болѣзни Сергѣева отца.

Съ вечера подъ чистый вторникъ Илья почувствовалъ въ себѣ какую-то слабость. Перекусивъ однако кое-что за обычнымъ семейнымъ ужиномъ, онъ улегся въ постель, съ которой ему не суждено было встать на утро вторника. Жестокій параличъ почти на повалъ сразилъ Илью и лишилъ его языка. Предполагая, что Илью держитъ припадокъ, семейные, по обычаю, пригласили на этотъ разъ нѣсколько деревенскихъ бабокъ, которыя, разумѣется, не принесли никакой пользы; тогда больного немедленно отправили въ сосѣднее село Вельможино, въ частную лѣчебницу г. Горянова. Врачъ, осмотрѣвъ больного и нашедши состояніе его здоровья безнадежнымъ, предложилъ взять его обратно, сказавъ, что для таковыхъ больныхъ при его больницѣ не имѣется лѣкарствъ. Не понявъ, надлежащей причины отказа, Илью повезли въ городскую больницу, гдѣ безъ всякихъ уже околичностей посовѣтовали привезшимъ заняться скорѣе приготовленіемъ гроба для больного.

И вотъ, несчастный мой Сергѣй, разстроенный, такимъ образомъ, рѣшительнымъ отказомъ врачей, убитый безысходнымъ горемъ и страшной перспективой лишиться своего

отца, этого дорогого члена семьи и крѣпкой опоры домашняго благосостоянія, почти въ безпамятствѣ пріѣзжаетъ ко мнѣ съ просьбой и привозитъ меня въ домъ свой.

— Не оставь хоть ты насъ, родной!—молили, въ свою очередь, меня семейные.—Помоги бѣдѣ нашей!

Хотя и ясно было для меня, что помощи оказать никакой я не могу,—тѣмъ не менѣе попросилъ показать мнѣ больного, желая тѣмъ, какъ бы провѣрить справедливость прискорбнаго рѣшенія врачей.

Посѣтители разступились и образовали проходъ къ ложу страдальца. Подхожу и осматриваю больного.

Лице его страшно исказилось и приняло темно-багровый оттѣнокъ, а мутные и широко раскрытые глаза его неподвижно остановились въ своихъ орбитахъ и какъ-то дико выглядывали въ пространство: парализованныя руки и ноги его были холодны какъ у трупа, таково же было и все тѣло его, по мѣстамъ покрытое синеватыми подтеками, какъ бы отъ ушиба; дыханіе рѣдкое и порывистое, а пульсъ не дѣлалъ и пяти ударовъ въ минуту. По всему было видно, что несчастный переживалъ послѣдній кризисъ страшной болѣзни. Нѣсколько минутъ еще и нежданный разсчетъ съ жизнью долженъ быть покончень.

Безмолвно отошелъ я отъ ложа этого живого мертвеца; безмолвствовали и предстоящіе, устремивъ на меня свои вопросительные взоры и ожидая отъ меня, что скажу я. Но что я могъ сказать? Повторить рѣшеніе врача?—значило окончательно добивать и безъ того убитыхъ горемъ. Подать обѣщаніе надежды, т. е. идти вопреки той роковой правдѣ, которая съ минуты на минуту должна совершиться?—При-

ходилось лгать и въ недалекомъ будущемъ въ сердцахъ близкихъ родныхъ поселять горшее самаго горя—безутѣшное разочарованіе въ самой надеждѣ. Положеніе было затруднительное. Однако собираюсь съ духомъ и говорю.

Измѣнить приговора врачей никто не можетъ, кромѣ Бога, и помочь больному не въ силахъ. Единственное, что желалъ бы сдѣлать я въ облегченіе вашей скорби и участи несчастнаго, это напутствовать больного и пріобщить его св. таинъ тѣла и крови Христовыхъ; но и это послѣднее, хотя самое существенное, дѣлается теперь, какъ видите, совершенно невозможнымъ; но за всѣмъ тѣмъ, теряться въ горѣ и падать духомъ не слѣдуетъ. Пути промысла Господня неисповѣдимы. И кто знаетъ? Постигшее несчастіе не есть-ли назидательный укоръ кратковременнаго только испытанія, а не окончательный роковой ударъ Божественнаго правосудія? А тогда и опасное положеніе больного вовсе не безнадежно, а для Бога все возможно. Не онъ ли, Премудрый, убожитъ богатыя, богатитъ нищія, воскрешаетъ мертвыя и живитъ? Другое дѣло, и умирать не миновать; будетъ ли это рано или поздно, а исходъ одинъ; а потому вмѣсто безполезныхъ воплей и рыданій, молитесь лучше Богу и усерднѣе просите Его, Милосердаго, за вашего недужнаго, чтобы онъ удостоилъ его, по крайней мѣрѣ, истинно-христіанской кончины, разрѣшилъ языкъ и не лишилъ возможности отойти въ вѣчность напутствованнымъ.

— Правда, батюшка! Спасеніе души, дороже всего, повершилъ Сергѣй. И если болѣзнь моего отца настолько трудна, что пособить никакъ не можно, такъ похлопочи ужъ, пожалуйста, отслужить завтра заздравную обѣдню; авось не пошлетъ ли Богъ на легость больному; хоть бы причастить-то его тогда.

Сказанное Сергѣемъ настолько было резонно и произнесено такъ отчетливо и притомъ спокойно, что я подивился совершившейся въ немъ перемѣнѣ; что, однако, длилось не очень долго.

Горькій плачъ семейныхъ и видимо порывающіяся узы близкаго, дорогого родства побороли минутную стойкость духа и твердость здраваго сужденія. Чувства сказались и подъ напоромъ душевныхъ волненій разразились обильнымъ потокомъ слезъ и воплей сѣтованія.

Успокоивъ, насколько это было можно, плачущихъ, я обѣщалъ имъ на завтра вмѣсто обѣдни, отправлять которую за великопостнымъ временемъ было нельзя, отнѣть въ ихъ домѣ молебенъ о недужномъ. На томъ и разстался я съ скорбящимъ семействомъ и довольно уже поздно вернулся въ свой домъ.

Но вотъ настало незабвенное и знаменательное «завтра». Къ немалому удивленію, Илья былъ живъ еще и состояніе его здоровья было безъ всякой перемѣны.

Приказавъ, кому слѣдуетъ, взять изъ церкви икону Скорбящей Божіей Матери, я послѣ утренняго богослуженія, отправленнаго по сему случаю нѣсколько ранѣе обыкновеннаго, съ причтомъ прибылъ въ домъ больного. Кромѣ семейныхъ и родныхъ участвовать на молебнѣ пожелали сосѣди и другіе знакомые семейству больного.

Приступая къ таинству, я предварительно выяснилъ предстоящимъ значеніе молебнаго пѣнія, указавъ при семъ на важность спасительной вѣры, какъ главнаго и необходимаго условія успѣха нашихъ прошеній къ Богу, а затѣмъ пригласилъ всѣхъ усерднѣе молиться о недужномъ.

— Молись и ты, несчастный страдалецъ! обратился потомъ я къ больному. Молись мысленно, въ сердцѣ своемъ!

Слова обращенія къ недужному, казалось, имѣли мало смысла, такъ какъ относились почти уже къ трупу; тѣмъ не менѣе, за всею очевидною невозможностью, мнѣ хотѣлось однако какъ-нибудь убѣдиться въ дѣйствительности сознанія больного, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вызвать его къ дѣятельному участію во внутренней молитвѣ. И, повидимому, я не ошибся въ этомъ.

Что-то заискрилось въ неподвижномъ взорѣ его. Блеснула слеза, за ней другая, третья, и цѣлый градъ ихъ неудержимымъ потокомъ полился изъ глазъ и оросилъ изможденное лицо страдальца.

— Добрый признакъ! Господи благослови! воскликнулъ я и осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ.

Перекрестились и всѣ за мной.

— Благословенъ Богъ нашъ! началъ я. Послѣдовало молебное пѣніе, которое на этотъ разъ, въ виду исключительной важности случая, отличалось особенною, какъ будто, выразительностью въ произношеніи молитвословій и глубокою сердечною молитвенною настроенностью какъ самихъ совершителей чиноспослѣдованія, такъ и всего предстоящаго народа.

Отпѣли уже большую половину молебна. Прочитано было Евангеліе, прикладывая которое къ устамъ больного, я замѣтилъ, что съ послѣднимъ совершалось что-то необыкновенное: полные слезъ глаза его были красны и ярко блестѣли; темно-багровый доселѣ цвѣтъ лица его быстро мѣнялся, принимая различные оттѣнки, губы тряслись и блѣд-

нѣли; лицевые мускулы нервно дрожали и двигались въ страшныхъ конвульсіяхъ. Казалось, теперь только наступилъ роковой кризисъ предсмертной агоніи.

Пароксизмъ продолжался, впрочемъ, недолго и уступилъ свое мѣсто спокойному и почти нормальному отправленію физическихъ органовъ. Мускульныя конвульсіи значительно стихли; глаза приняли естественное свое выраженіе, а лице—обыкновенный тѣлесный цвѣтъ; пріостановившееся сердцебіеніе замѣтно усиливалось все болѣе и болѣе; дыханіе дѣлалось все чаще и чаще съ глубокими и продолжительными вздохами, кровообращеніе видимо возстановлялось.

Перемѣна была слишкомъ быстрая и притомъ разительная.

Какое-то невыразимое состояніе внутренно-волнуемыхъ чувствъ страха и робкой надежды охватило все мое существо и усиливалось постепенно, по мѣрѣ совершенія молебна. Было-ли то слѣдствіемъ предвзятой мысли объ исцѣленіи, видимо, какъ бы уже совершающемся, или сознаваемой еще слабой увѣренности въ ожидаемомъ, объяснить не умѣю, а вѣрнѣе это было послѣднее, потому что совсѣмъ не въ ряду чинопослѣдованія я какъ-то невольно, но и совершенно сознательно, громко воскликнулъ: вѣруемъ, Господи! Помози нашему невѣрію!

Оканчивался молебенъ. Еще разъ преклонили колѣни при чтеніи заключительной молитвы о недужномъ. Сдѣланъ и отпускъ. Осѣняя крестомъ больного, я привѣтствовалъ его выраженіемъ благопожеланія. И вдругъ! О, дивное чудо! Замкнутыя доселѣ безмолвіемъ уста больного раскрылись и произнесли слова благодарности къ Богу.

— Слава Тебѣ, Господи! Благодарю Тебя, Отецъ Небесный!—довольно внятно послышалось изъ устъ больного, который при семъ осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ.

Кровь какъ бы застыла въ жилахъ, благоговѣйный трепетъ объялъ всѣхъ присутствующихъ, всѣ были поражены происшедшею съ больнымъ перемѣною.

Прошло нѣсколько минутъ. Предстоящій народъ заволновался и затѣмъ плотною стѣною сомкнулся вокругъ постели больного. Всѣмъ хотѣлось ближе видѣть ожившаго, слышать его слова и полнѣе убѣдиться въ происшедшемъ исцѣленіи. Посыпались всевозможныя благопожеланія и разспросы.

Илья, хотя и слабымъ голосомъ, началъ бесѣдовать съ окружающими —и затѣмъ, движимый чувствомъ благодарности къ Богу, такъ дивно воздвигшему его отъ одра смертной болѣзни, тутъ же далъ добровольный и притомъ публично произнесенный обѣтъ пожертвовать посильную свою лепту на благоукрашеніе храма, помочь одному очень бѣдному семейству матеріальнымъ приношеніемъ и, по совершеномъ своемъ выздоровленіи, немедленно отправиться въ Кіевъ на поклоненіе святымъ мощамъ.

Побесѣдовавъ кое о чемъ еще немного, Полниковъ началъ изнемогать въ неокрѣпшихъ голосовыхъ своихъ нервахъ и чувствовать душевное утомленіе.

Благоразуміе требовало оставить его въ покоѣ. Народъ по немногу сталъ расходиться; отбылъ съ своимъ причтомъ и я, занятый размышленіемъ знаменательной повѣсти Ильи и его чудеснаго исцѣленія.

Проходитъ три дня послѣ описаннаго событія; мнѣ пред-

ставилась поѣздка въ приходъ и какъ разъ въ ту мѣстность, гдѣ живетъ Полниковъ Илья.

Интересуясь состояніемъ его здоровья, я захожу къ нему въ домъ и сверхъ всякаго ожиданія застаю Илью за работою у столярнаго верстака.

— Здорово, Илья! Ты ли это воскресшій изъ мертвыхъ?

— А кто же больше? Вѣстимо я,—съ улыбкой отвѣчалъ мнѣ Полниковъ: другого Ильи у насъ и въ семействѣ нѣтъ.

И, принявъ благословеніе, Илья сообщилъ мнѣ, что онъ теперь совершенно здоровъ. И дѣйствительно, необыкновенная свѣжесть его лица, бодрость стана и свѣтлая улыбка, сіяющая на челѣ его, вполнѣ подтверждали правдивость его словъ.

— Ну, и слава Богу!—говорю. Поблагодари теперь Господа за оказанную Имъ милость тебѣ: въ слѣдующій субботній или воскресный день возьми, да и отслужи благодарственный Богу молебенъ; да не забудь исполнить своихъ обѣщаній.

— Забыть? Какъ это можно? Кто Бога забываетъ, того и Богъ не милуетъ,—возражалъ Илья.

— Такъ и ладно, коли знаешь; послѣ этого мнѣ одно только и остается напомнить тебѣ: неисполняющій должнаго завѣдомо отвѣтствуетъ предъ Богомъ больше, чѣмъ неисполняющій по невѣдѣнію.

Разстался я съ Ильей и съ тѣхъ поръ очень долго не видался съ нимъ: но Полниковъ забылъ и про свои обѣты и про молебенъ. Полушутливый и полусерьезный тонъ пред-

шествовавшей бесѣды Ильи сталъ казаться мнѣ подозрительнымъ и я сомнѣвался уже въ искренности его убѣжденій.

Наступаетъ Пасха. При свиданіи съ Ильей я напоминаю объ его нравственномъ долгѣ; но такъ какъ время для объясненія было коротко, да притомъ и неудобно, то я и не добился отъ Полникова никакого опредѣленнаго отвѣта. Мѣсяца два или три спустя снова вижусь съ Полниковымъ и опять затрогиваю интересующій меня вопросъ.

— Послушай, говорю, Илья! Прошло довольно времени и ты не только не исполнилъ своихъ обѣтовъ, а доселѣ не озаботился даже и отслужить благодарнаго Богу молебна за свое исцѣленіе. Право, какъ-то стыдно и даже страшно становится за тебя. Вѣдь ты самъ же говорилъ: «кто Бога забываетъ, того и Богъ не милуетъ». Положимъ, что Богъ несказанно милосердъ, въ чемъ ты имѣлъ уже случай убѣдиться; но Онъ же и строго справедливъ.

— Знаю, батюшка! всѣ мы подъ Богомъ ходимъ; да вотъ все не справлюсь какъ-то... то недостатки наши, а то и недосуги домашніе,—отговаривался Илья.

— Что касается недостатковъ твоихъ, то это совсѣмъ невѣрно: ты вѣдь не изъ послѣднихъ, не бѣднякъ какой; а слово недосуги—пустая отговорка: по нашимъ житейскимъ суетамъ, пожалуй и умирать некогда, а вѣдь придется же; разсуждалъ ли ты о недосугахъ, когда лежалъ на краю могилы?

— Оно хотя и взаправду такъ,—видимо сознавался Илья, а какъ-то все не сладишь, да ужъ когда-нибудь справлю свое.

— Это опять все въ долгій ящикъ, а скажи-ка мнѣ: кто поручится за будущее? И силы могутъ измѣнить тебѣ, и хозяйство твое разстроиться можетъ, и радъ бы радехонекъ исполнить тогда обѣтъ свой, да будетъ уже поздно: а совѣсть еще при жизни будетъ мучить и терзать тебя..

— Ужъ коли невозможно будетъ мнѣ исполнить свое, такъ вѣдь и Богъ за то не взыщетъ,—оправдывалъ тѣмъ себя Илья. А сказать-то тебѣ по совѣсти: и молебны-то эти всѣ и дары-то наши нужны ли Богу, когда Онъ—Духъ? Было бы вотъ тутъ-то!—и при этомъ ударилъ себя въ грудь.

— Однако, далеко же ты зашелъ, Илья! Ошибаешься! По твоему выходитъ, что ты былъ бы совершенно безотвѣтственнымъ за нарушеніе своего обѣта, если бы въ будущемъ для тебя настала невозможность исполнить таковой, хотя бы притомъ предстояли и самыя благопріятныя условія для исполненія въ настоящемъ; но вѣдь ты не потому бы тогда не исполнилъ своего долга, что настала уже невозможность, а что не хотѣлъ пользоваться возможностью, когда она тебѣ дана была; а что до вопроса объ угодности Богу наружной нашей благодарности Ему, то объ этомъ разсуждаешь ты ложно. То правда, что Богъ Духъ и ищетъ сердечныхъ нашихъ расположеній любви и благодарности къ Нему; но Онъ не отвергаетъ и внѣшнихъ нашихъ жертвъ и благотвореній въ ознаменованіе этой любви и благодарности; наоборотъ, даже требуетъ того, когда говоритъ устами боговдохновеннаго писателя: «прославьте Бога въ душахъ и тѣлесѣхъ вашихъ»; слѣдовательно, то и другое тѣсно связаны между собою и одинаково обязательны для насъ и понятно почему. Человѣкъ имѣетъ отъ Бога душу и тѣло; значитъ и славословить Бога и благодарить Его онъ долженъ полнымъ своимъ

существомъ, т.-е., не душею только, не сердцемъ, но и тѣломъ, т.-е., тѣлесными подвигами и другими всевозможными дѣлами благотворительности, угодными Богу.

— По твоему сказу ровно бы и такъ, да это-то вотъ какъ?—не унимался возражать Илья. Иной, повидимому, человѣкъ совсѣмъ благочестивый: скромникъ такой, малаго ребенка не обидитъ и молитвенникъ усердный, ни одного праздника Христова не пропуститъ, чтобы не побыть у службы Божіей, а до нищей-то братіи какой угодникъ! Послѣдними пожитками дѣлится всегда, а глядишь, этотъ благодѣтель-то за гумномъ и послѣднюю суму отбилъ у нищаго, и въ амбаръ залѣзъ къ сосѣду, а то и похуже того, что сдѣлалъ. Вотъ тебѣ и благочестіе! Эхъ, батюшка! поживши на своемъ вѣку—таковыхъ я видывалъ не мало. Значитъ, и сходится по моему: благодарность-то нужно носить тутъ-то вотъ, въ сердцѣ, а наружное-то дѣло, по часту, лишь людей морочитъ, да Бога гнѣвитъ.

— Какъ видно, ты, Илья умѣешь разсуждать-то, только мнѣ все думается, что эти рѣчи не твои. Кто же втолковалъ тебѣ такія мысли?

— Кто? Вѣстимо самъ дошелъ. Небойсь! Поживешь, научишься! —самодовольно отвѣчалъ Илья.

— Похвально научаться только доброму; хорошо изъ жизни почерпать сужденія зрѣлыя, убѣжденія здравыя, полезныя и душеспасительныя, а не такія пагубныя и зловредныя, какія ты усвоилъ себѣ. Приведенный тобою примѣръ вѣдь нисколько не доказываетъ твоего положенія, а наоборотъ, только подкрѣпляетъ высказанную мною мысль. Кто на показъ только дѣлаетъ доброе дѣло, а втайнѣ творитъ всякія

беззаконія, тотъ несомнѣнно человѣкъ очень дурной, у него грязное сердце; а если грязное сердце обнаруживаетъ себя всегда въ дѣлахъ беззаконія, хотя и скрываемыхъ иногда подъ маскою добродѣтели, то почему же сердце доброе и благодарное не можетъ и не должно по твоему открывать себя въ дѣлахъ христіанскаго благочестія? Дѣлать добро безъ сочувствія сердечнаго къ нему, а только по хапжеству или по другимъ какимъ низкимъ разсчетамъ—возможно, а не дѣлать онаго по чистому влеченію благодарнаго сердца, по моему, совсѣмъ нельзя и такъ же, какъ нельзя обнаруживать въ своемъ лицѣ нашихъ глубокихъ сердечныхъ радостей и горя. Выходитъ, по твоему-то и не сходится. И если я не вижу теперь твоей благодарности на дѣлѣ, то отсюда и заключаю, что ты никогда не питалъ и не питаешь оной и въ сердцѣ своемъ.

Поликовъ болѣе ужъ не возражалъ, а только, смѣривъ меня долгимъ своимъ взглядомъ, развелъ что-то руками и отошелъ въ сторону.

Видно было, что высказанная мною правда не совсѣмъ-то по вкусу пришлась философствующему моему собесѣднику.

Кто-то вошелъ въ хату и прерванный разговоръ болѣе не возобновлялся.

Бесѣда съ Поликовымъ глубоко засѣла мнѣ въ голову и не мало волновала мой умъ. Либеральныя сужденія Ильи о внѣшнихъ обнаруженіяхъ нравственнаго долга благодарности шли окончательно въ разрѣзъ съ ранѣе высказанною имъ признательностью когда-то чувствительнаго его сердца. Сколько не подыскивалъ я причинъ для объясненія такого непонятнаго для меня разлада мыслей Ильи, никакъ не могъ

найти ихъ; одни только предположенія и догадки открывались предо мной.

Скоро однакожъ недоумѣніе разрѣшилось и загадочный ларчикъ открылся самъ собою.

Псаломщикъ П., какъ-то при свиданьи съ Ильей, напомнилъ послѣднему о пожертвованіяхъ на храмъ по его обѣту, на что Полниковъ категорически отвѣтилъ, что онъ одолженъ исцѣленіемъ своимъ исключительно мѣстной бабкѣ, извѣстной знахаркѣ и ворожеѣ С.; а потому и не считаетъ себя обязаннымъ тѣми обѣтами, которые онъ сдѣлалъ тогда ошибочно, по невѣдѣнію, и въ напоминаніяхъ о нихъ своими попами онъ усматриваетъ лишь корыстолюбивые ихъ разсчеты.

Разумѣется, такого оскорбительнаго заблужденія Полникова нельзя было оставить безъ вниманія; я постарался развѣдать дѣло и объясниться съ Ильей. Полниковъ признался въ высказанныхъ имъ П. убѣжденіяхъ и, не смотря на ихъ нелѣпость и очевидную навязанность совнѣ, они такъ крѣпко засѣли ему въ голову, что выбить ихъ не было никакой возможности. Илья на все отвѣчалъ какъ-то нехотя и уклончиво; вмѣсто открытаго сознанія въ своемъ заблужденіи онъ весьма часто прибѣгалъ къ обычной, увертливой фразѣ: „мы-де люди темные“. Какъ не разубѣждалъ я Полникова, а кончилъ только тѣмъ, что высказалъ свое глубокое сожалѣніе по поводу заблужденія его и нарушенія даннаго Богу обѣта.

Проходитъ ровно годъ, насталъ Великій постъ. На дворѣ стояла оттепель. По скату дорогъ бѣжали потоки отъ таявшаго снѣга. Я сидѣлъ на крылечкѣ своего дома и вслуши-

вался въ тихое, мелодичное журчанье этихъ потоковъ. Неожиданно изъ-за-угла строеній появляется псаломщикъ П.; запыхавшись и въ страшномъ волненіи подбѣгаетъ ко мнѣ и говоритъ, едва переводя дыханіе:

— Батюшка! слышали новость-то?

— Какую?

— У Полниковыхъ-то что!

— Ты хочешь, вѣроятно, сказать, что сынъ за отца отправился на богомолье по святымъ мѣстамъ? Знаю. На масляной недѣлѣ онъ приходилъ ко мнѣ и говорилъ объ этомъ.

— Какъ! Развѣ Сергѣя нѣтъ дома?—воскликнулъ П.— Боже мой! Какое несчастіе! И сынъ въ отсутствіи! Вотъ она кара-то Божья!

— Да о чемъ ты говоришь? О какой карѣ?—переспросилъ я П., не понимая въ чемъ дѣло.

— Илью-то нашего вѣдь лошадь загрызла,—пояснилъ мнѣ П.

— Какъ такъ, загрызла!?

— Да такъ и загрызла, сбила его съ ногъ, да и давай рвать и кусать, ровно собака; до смерти, говорятъ заѣла.

— Полно! Вѣрно-ли это? Ты разсказываешь что-то ужасное! Какъ же я то ничего не слыхалъ объ этомъ?

— Да вѣдь это случилось только что сейчасъ, самъ я, впрочемъ, не видалъ. а слышалъ тамъ, на селѣ изъ двадцати достовѣрныхъ устъ.

Какъ громомъ поразило меня такое извѣстіе. Мнѣ жалко было нераскаявшагося старика. Я поспѣшилъ отправиться на мѣсто происшествія и слухи оказались справедливыми: только Поликовъ былъ живъ еще, но окончательно безнадеженъ и отправленъ въ больницу.

Вотъ что разсказывали мнѣ очевидцы несчастнаго событія.

Въ обѣденное время, когда настало время задавать скотинѣ кормъ, Илья понесъ въ конюшню сѣно лошади. Кроткій всегда и смирный Сивко казался что-то безпокойнымъ: то храпѣлъ онъ и испуганно жался въ уголъ конюшни, то грозно потряхивалъ своей гривой и наступалъ на Илью, то снова отскакивалъ и опять наступалъ. Вмѣсто того, чтобы выйти изъ конюшни, Ильѣ показалась забавной потѣхой такая шутка Сивка, онъ вздумалъ погладить своего любимца, не предполагая, конечно, того, что этотъ любимецъ сдѣлается его убійцей; но Сивку не по шерсти пришлась такая любезность его хозяина. Онъ набросился на старика, схватилъ его за руку, и, какъ мячъ, отбросилъ его въ сторону, а затѣмъ подпрыгнулъ къ нему, началъ бить его копытами своихъ переднихъ ногъ и рвать зубами, какъ хищный звѣрь. Присутствующіе при этой сценѣ семейные никакъ не могли отбить старика отъ бѣшеной лошади; на крикъ сбѣжались сосѣди и также не въ силахъ были выручить Илью, потому что разъяренное животное малѣйшія даже попытки къ защитѣ старика отражало страшными ударами заднихъ ногъ. Барахтаясь и отбиваясь отъ своего страшнаго злодѣя, Илья подползъ подъ ясли и завалился какъ-то за кормовой чанъ. Достать теперь его лошади никакъ нельзя; не тутъ-то было! Разсвирѣпѣвшее животное принимаетъ совсѣмъ несестествен-

ное положеніе; становится на переднія колѣни, протискиваетъ голову между чаномъ и стѣной конюшни, достаетъ несчастнаго и доканчиваетъ свою жертву. Дѣло было уже совсѣмъ плохое. Сбѣжавшіеся люди ухватились кто за вилы, а кто за топоръ: но Сивко, видно, смекнулъ грозившую ему опасность, бросилъ истерзаннаго уже Илью, спокойно повернулся грудью къ народу, покорно далъ обарканиться и вывесть себя изъ конюшни.

Полникова замертво вынесли изъ конскаго стойла. Лице и голова его были сильно изранены и залиты кровью; руки изъѣдены и по локоть почти оторваны; грудь измята и ребра поломаны. Въ общемъ, какъ передавали, это былъ обезображенный и обезформленный кусокъ живого мяса. Несчастнаго отправили въ Кирсановскую больницу, гдѣ онъ и отдалъ Богу душу свою.

Разсказъ истиннаго происшествія мною оконченъ.

Илью похоронили, а Сивко, какъ слышалъ я, хотѣли убить или сбыть въ другія руки; но ни того, ни другого съ послѣднимъ пока не случилось. Безсознательный убійца доселѣ остается на старомъ дворѣ и здравствуетъ; по прежнему онъ кротокъ, какъ ягненокъ; усердно трудится на пользу своему молодому хозяину и служитъ живымъ напоминаніемъ кары Господней.

Священникъ *Михаилъ Островитяновъ.*

(„Воскресный День“ годъ 1888, № 24-й).

Ученье—свѣтъ, а неученье—тьма.

Лѣтній солнечный день. Обѣдня только что отошла. Священникъ, сказавши за литургіей краснорѣчивое поученіе прихожанамъ, собралъ сходку близъ церкви на лужайкѣ и уговаривалъ мужиковъ отвести землю подъ училище, объ открытіи котораго давно хлопоталъ батюшка и согласился на нѣкоторыя пожертвованія съ своей стороны на доброе дѣло. Долго, убѣдительно и здѣсь говорилъ батюшка, представлялъ мужикамъ, какъ ихъ ребятишки, научившись грамотѣ, будутъ вразумительно читать слово Божіе, вмѣсто разгула будутъ находить утѣшеніе въ книгѣ, запасутся для жизни полезными и необходимыми познаніями. Давно сказано: „ученье—свѣтъ, а неученье—тьма“,—сказалъ въ заключеніе батюшка.

Молча и почтительно выслушали мужички все, что имъ толковалъ священникъ.

— Ну, православные, теперь обсудите хорошенько все, что я говорилъ вамъ, и скажите мнѣ ваше рѣшеніе.

Сказавъ это, священникъ удалился.

И вышелъ Пахомъ, по прозванью „горланъ“.

— Православные, ежели примѣрно разсудить, такъ выйдетъ, что намъ школа совсѣмъ не къ рукамъ. Жили безъ всякихъ такихъ затѣй, не хуже людей были. Спросите-ка стариковъ, какіе такіе порядки были допрежъ насъ. Ни этихъ школъ, ни чугунокъ, ни разныхъ разностей не было, а были сыты...

— Знамо дѣло не къ чему... Пахомъ Савельичъ правду говоритъ. Вы разочтите по пальцамъ: первое дѣло землю

отдай, второе—приплати учителю, да отопи, да сторожа найми—во что это въѣдетъ... А Богъ ее знаетъ, будетъ-ли прокъ отъ школы-то.

— Теперича,—заговорилъ третій,—Прохоръ Андрепчъ за эвто самое мѣсто даетъ 300 рубликовъ подъ заведенье... Шутка ли триста рублей въ годъ? Ихъ на землѣ не поднимешь... А они всѣ чистоганомъ пойдутъ въ оброкъ, да угощенье опять съ него же. Съ нуждишкой тамъ какой придешь—все какъ-никакъ, а выручитъ. Такъ ли я говорю, Прохоръ Андрепчъ?

Передъ міромъ вышелъ плотный мужикъ, съ окладистой бородой, съ плутоватымъ выраженіемъ въ лицѣ, въ суконной поддевкѣ и, поклонившись всѣмъ, сказалъ:

— Не только что въ нуждѣ, а во всякое время будемъ рады...—Полное ублаготвореніе... Не обезсудьте, православные, примите для перваго разу честное угощенье: кланяюсь вамъ тремя ведерками...

— Позвольте, православные и мнѣ сказать слово,—выступая передъ толпой, заговорилъ мужичекъ, просто, по крестьянски, но чисто одѣтый. Слышалъ я все, что говорили вамъ, только не слѣдъ бы намъ идти и противъ батюшки. Оно, конечно, для школы потратиться придется, да вѣдь безъ траты и соломинки не достанемъ. А школа намъ нужна: одно слово—въ потемкахъ ходимъ, безъ грамоты, какъ безъ рукъ. Свое, примѣрно сказать, хозяйство и то обрядить не умѣемъ, какъ слѣдуетъ...И почиталъ бы иной разъ, что полезное да нужное...

Но не успѣлъ мужикъ кончить своей рѣчи, какъ вдругъ раздались нѣсколько голосовъ: «Ну ишъ и плати самъ!»

«ишь въ баре захотѣлъ!» «Что его слушать: ишь указчикъ міру нашелся»! и т. д...

Прохоръ Андреичъ поставилъ имъ обѣщанныя три ведерки. Къ вечеру перепились мужики, перессорились, передрались...

Грустно стоялъ подъ вечеръ у своего дома священникъ. Разбились всѣ его мечты...

Доносились до него изъ села разгульныя пѣсни, крикъ, брань, да пронзительные вопли бабъ, избитыхъ обезумѣвшими отъ пьянства мужьями.

Смотритъ батюшка въ синюю даль и видитъ коляску. Какой-то поздній гость ѣдетъ прямо къ нему. «Кто бы это могъ быть»?—думаетъ священникъ. Вскорѣ коляска подъѣхала къ дому священника, и изъ нея вышелъ бравый офицеръ, увѣшанный орденами. Вѣжливо поклонившись, офицеръ спросилъ у него, какъ бы ему отыскать избу Пахома Савельева.

Священникъ указалъ ему на одинъ изъ домовъ, лежавшаго за рѣчкой селенія.

— Позвольте полюбопытствовать,—спросилъ батюшка, зачѣмъ вы его разыскиваете;—по дѣлу что-ль какому?

— По семейной надобности,—отвѣчалъ офицеръ. Задумался батюшка.

— Если у васъ точно есть до него надобность, такъ сегодня лучше не совѣтую вамъ попусту трудиться. Слышите, какой разгулъ идетъ въ деревнѣ?...

— Что же вы мнѣ посовѣтуете?

— Переночуйте, если будетъ угодно, у меня,—приглашалъ батюшка, обрадовавшійся случаю подѣлиться своимъ горемъ съ образованнымъ человѣкомъ,—и завтра пораньше я пошлю за нимъ.

Офицеръ охотно согласился на предложеніе священника.

За самоваромъ офицеръ разсказалъ священнику слѣдующее:

— Я былъ взятъ въ семью Пахома Савельева его родителями изъ воспитательнаго дома. Признаться, тяжелы были мои дѣтскіе годы. Пріемышъ въ чужой семьѣ занимаетъ всегда послѣднее мѣсто. Помню я—голодать и побои терпѣть приходилось не разъ... Своимъ дѣтямъ ласка, а мнѣ—упрекъ. Да что же вамъ много говорить? Сами знаете... Когда мнѣ минуло 10 лѣтъ, судьба моя вдругъ измѣнилась. Какъ сейчасъ помню, принесъ я здѣшней помѣщицѣ покойной Аннѣ Ивановнѣ Погорѣльской—царство ей небесное—блюдо съ набранной въ лѣсу земляникой. Барыня вышла сама, взяла у меня ягоды, дала мнѣ гривенникъ, а потомъ разговорилась со мною. Понравился ли я ей или что другое побудило ее обратить на меня вниманіе, только чрезъ недѣлю призываетъ она меня къ себѣ и спрашиваетъ: хочу ли я учиться? Стою передъ ней и не понимаю ея вопроса. Хочешь, говоритъ, я устрою тебя въ Москвѣ, въ учебное заведеніе? Будешь ли прилежно учиться? А сама пристально смотритъ на меня своими добрыми, голубыми глазами. Не помню хорошенько, что я отвѣтилъ ей,—только по осени взяли меня изъ семьи, въ которой я выросъ и опредѣлили въ кадетскій корпусъ. Анна Ивановна внесла за меня за все время моего ученья и скоро скончалась. Разумѣется, я всю жизнь не забуду ея благодѣянія. Учился я отлично, вель

себя смирно и успѣшно окончилъ курсъ. Вскорѣ меня произвели въ офицеры.

— Вы, какъ видно, участвовали и въ послѣдней войнѣ за освобожденіе славянъ?

— Какъ же,—и переправа черезъ Дунай совершилась на моихъ глазахъ, и подъ Плевной ходилъ въ аттаки, и черезъ Балканы переходилъ. Побывалъ и въ Константинополѣ... Потомъ пришлось года четыре прослужить въ Польшѣ... Наконецъ, захотѣлось побывать, такъ сказать, и на родинѣ, повидаться съ родными... Хоть и не родные они мнѣ, и много-таки пришлось и потерпѣть въ дѣтствѣ, однако, думаю, все-таки они мнѣ вмѣсто отца и матери были, растили меня... стариковъ захотѣлось повидать, да сыновей... Знаете, дѣтскіе годы памятны, вмѣстѣ играли, шалили... Можетъ быть и нуждаются... Скажите, пожалуйста, всѣ ли живы, здоровы и какъ живутъ?

— Старики-то уже померли, а братья подѣлились. Къ сожалѣнію, ничего не могу сказать вамъ хорошаго.

Офицеръ грустно помолчалъ.

— Возьмите, напримѣръ, нынѣшній случай... Давно, съ самаго поступленія моего сюда въ священники мечталъ я о школѣ. Вы вѣдь знаете, конечно, въ какомъ невѣжествѣ живетъ еще большинство нашего народа. Ходятъ, напримѣръ, въ церковь, но больше, такъ сказать, по привычкѣ. Слышатъ священныя пѣсни, но, какъ я убѣдился, мало понимаютъ ихъ... Люблю я и поученія говорить, да на долго ли? Да что уже говорить о храмѣ? Въ своемъ-то быту крестьянскомъ не умѣютъ жить, какъ слѣдуетъ: вѣчныя ссоры, перебранки, пьянство... Повѣрите-ли? Простыхъ, самыхъ прос-

тыхъ понятій объ отношеніи ближнихъ другъ къ другу хорошенько не понимаютъ, а о томъ, чтобы какъ-нибудь улучшить свое хозяйство, пріобрѣсти бы какое познаніе да приложить къ дѣлу—и говорить нечего. Оттого—нищета, разореніе... Нѣтъ, думаю, безъ школы ничего не подѣлаешь... Хотя молодые-то подростки воспитаются въ страхѣ Божіемъ, да научатся уму-разуму. Началъ хлопотать, уладилъ все, нашлись благодѣтели для добраго дѣла. Сегодня собралъ своихъ прихожанъ на сходку, долго говорилъ съ ними о пользѣ науки и просилъ ихъ отвести порожнюю землю близъ храма подъ школу, да взять на себя кое-какія пустяшныя обязательства...Что-жъ вы думаете? Отказались отъ всякаго содѣйствія, а землю отдали подъ заведенье... И кто же первый «горланилъ» на сходкѣ? Кто не далъ и заикнуться, кому бы то ни было, въ пользу добраго дѣла? Все—Пахомъ Савельевъ съ братомъ. Конечно, не въ нихъ тутъ дѣло... Всѣмъ орудуетъ сосѣдней деревни кабатчикъ, у котораго они, какъ говорится, «завсегдатаи».

— Такъ они, судя по вашимъ словамъ, пьяницы?

— Хуже, я вамъ доложу, во всей деревнѣ нѣтъ... А всѣмъ міромъ вертятъ. Остальные стоятъ и слова противъ нихъ сказать не могутъ... Да и жены не лучше мужей...

Хорошо же, батюшка... Очень радъ, что мнѣ удалось поговорить съ вами. Я васъ покорнѣйше попрошу на утро снова собрать сходку... Можетъ быть ваше дѣло и выгоритъ.

Дѣйствительно, по приглашенію священника, на другой день собралась сходка. Вышелъ священникъ съ офицеромъ къ мужикамъ.

— Что же, православные, какъ вы рѣшили вчера на счетъ школы?

Стоятъ мужики, почесываются, съ ноги на ногу переминаются. Выходитъ Пахомъ и заявляетъ отъ лица всѣхъ:

— А такое рѣшеніе положили міромъ—не быть школѣ, а землю отдать Прохору Андреевичу подъ заведеніе за 300 рублей въ годъ.

— Не хорошо вы поступили,—замѣтилъ офицеръ.—Не перемѣнить ли вамъ своего рѣшенія? Разсказывалъ мнѣ вашъ отецъ духовный все дѣло. Хорошее дѣло, православные. Сами знаете: ученье—свѣтъ, а неученье—тьма.

— Не во гнѣвъ будь сказано твоему благородію — дѣло-то уже рѣшенное,—возразилъ Пахомъ.

— Рѣшенное, да не подписанное. Подумайте братцы...

— Ты хотя и царскій слуга, а тоже это дѣло до тебя не касающее,—съ запальчивостью отвѣтилъ Пахомъ.—Что міру предоставлено... міръ—великое дѣло.

— А вотъ я вамъ разскажу какой случай, православные... Вотъ я теперь, какъ видите, офицеръ, слуга царю и отечеству... А знаете кто я былъ въ дѣтствѣ? Взяли меня по одному году изъ воспитательнаго дома и росъ я до десяти лѣтъ въ крестьянской семьѣ. Семья-то большая: сами хозяева, да шесть человѣкъ дѣтей, старшаго-то сына звали, кажется Пахомъ... Сами знаете, какая доля пріемыша въ крестьянской семьѣ... Только вотъ Господь Богъ взыскалъ сироту: нашлась добрая душа...

— Батюшка ты нашъ, родимый,—бросился Пахомъ къ офицеру. Вотъ радость-то: привелъ Богъ повидать...

— Такъ это ты, Пахомъ? Здравствуй... Помнишь, какъ за бабками-то ссорились?

— Какъ не помнить, отецъ родной, все помню, все до единой чуточки...

Мигомъ разлетѣлась вѣсть о неожиданномъ открытіи. Сдвинулась толпа, окружила офицера, протѣснились бабы, закричали, зашумѣли.

— Постойте, дайте мнѣ рѣчь свою кончить... Ну вотъ видите, православные, чтобы со мной было? Выросъ бы я во тьмѣ, пастухомъ бы прожилъ всю жизнь, да можетъ быть всему бы плохому научился... Да не думайте, что я офицеръ, получилъ отъ царя награды за службу родинѣ,—не думайте, что этому болѣе всего радуюсь... Высоко званіе слуги царскаго, еще краше милость царская. Но есть у человѣка еще одно сокровище, которое выше всѣхъ почестей и славы міра сего—это душа его христіанская... Болѣе всего благодарю я Создателя за то, что Онъ сподобилъ меня просвѣтиться свѣтомъ ученія... Вникъ я въ слово Божіе, принялъ къ сердцу всѣ заповѣди Божіи, хожу съ открытыми глазами... Понимаю, что я долженъ послѣ Господа Бога болѣе всего любить царя и отечество, а потомъ всѣхъ православныхъ христіанъ... Я уже не говорю о томъ, что я пріобрѣлъ много полезныхъ познаній и благодаря имъ вышелъ въ люди... Вотъ, раздумавши разъ какъ-то, и рѣшилъ я самъ съ собой... родныхъ у меня нѣтъ, а есть у меня люди, которые за мѣсто родителей моихъ заботились обо мнѣ въ дѣтствѣ, есть братья названные... Дай-ка навѣщу свою родину, да взгляну на всѣхъ, да можетъ быть въ нуждѣ какой и помощь окажу... И положилъ я на это дѣло 600 рублей серебромъ...

— Кормилецъ ты нашъ, болѣзный, кровный, родной,—

закричало вдругъ нѣсколько голосовъ. Впереди всѣхъ былъ Пахомъ съ братомъ, жены ихъ и дѣти.

— Вотъ не чаяли радости-то... Богъ послалъ...

— Ужъ какъ мы любили-то тебя... Каждый, можно сказать, день вспоминали о тебѣ: гдѣ-то-молъ теперь кормилецъ-то нашъ?

— Да что-жъ ты, батюшка, стоишь-то здѣсь, пойдемъ, родимый, къ намъ на старое-то пепелище взглянуть...

— Погодите, дайте мнѣ прежде рѣчь мою окончить... Вотъ и надумался я: истрачу-молъ эти 600 руб. на нихъ... Буду живъ и здоровъ, Богъ и царь не оставятъ меня своей милостью... Исправлю-молъ все крестьянство ихъ, а главное—позабочусь, чтобы дѣтокъ-то своихъ обучили... Самъ я въ люди вышелъ чрезъ это, чрезъ науку-то, можетъ быть и имъ пригодится... Наука-то, молъ, во всякомъ быту полезна, только, чтобы страхъ Божій въ сердцѣ былъ... Да вотъ пріѣхалъ сюда и съ грустью вижу, что здѣсь никакой науки-то и не хотятъ, хотятъ оставаться во тьмѣ, въ невѣжествѣ... Школу открыть своему духовному отцу не даютъ, а ставятъ вмѣсто нея питейное заведеніе...

Да мы это такъ, родной, мы шуткой,—заговорилъ было Пахомъ.

Но въ это время раздалось нѣсколько голосовъ.

— Что ты, Пахомъ Савельичъ, какое шуткой, да ты первый вчерась горланилъ тутъ; кабы не ты сбилъ съ толку, такъ мы бы...

— Ну вотъ видите, православные, такъ вы не противъ школы? А я и радъ: слышалъ я, что вамъ за мѣсто сосѣд-

ній кабатчикъ сулитъ 300 руб. въ годъ... Такъ уступите-ка это мѣсто подъ школу... А я 600 руб... Жертвую ихъ вамъ и дѣтямъ вашимъ... Да не забывайте и меня въ молитвѣ помянуть: копилъ-молъ добрый человѣкъ, себѣ сколько лѣтъ отказывалъ во всемъ...

По мѣрѣ того, какъ офицеръ оканчивалъ свою рѣчь, Пахомъ и вся его родня, только что предъ тѣмъ чуть не задушившіе его въ объятіяхъ, мало по-малу куда-то—то одинъ, то другой исчезали...

— Такъ какъ, братцы, согласны?

— Чего-жъ лучше, ваше благородіе... Вѣкъ Богу будемъ молить и дѣтямъ закажемъ... Знамо дѣло, ученье—свѣтъ, а неученье тьма... Безъ грамотности, какъ безъ глазъ...

Ну, батюшка, такъ отслужите намъ благодарственный молебенъ, да съ Богомъ и начинайте доброе дѣло...

Михаилъ Хитровъ.

(„Воскресный день“, годъ 1888, № 36).

„Послѣднее говѣнье“.

Великій постъ. Наступаетъ весна. Сильнѣе начало пригрѣвать солнышко. Веселѣе чирикаютъ въ поднебесьи птички. Въ воздухѣ пахнетъ весной... Протяжно и грустно звучитъ великопостный колоколъ... Черная одежда въ церкви, тихое пѣніе наводятъ на глубокую думу...

Въ небольшой приходской церкви, около клироса, въ уголкѣ каждый день становится старушка и съ ней мальчикъ, ея единственный любимый внучекъ. Оба они благоговѣйно глядятъ на образъ и горячо молятся. Старушка очень слаба и опирается на внучка. Внучекъ, высокій, стройный, одиннадцатилѣтній мальчикъ, съ серьезнымъ личикомъ и глубокимъ взглядомъ.

Кончается служба. Тихонько бредетъ старушка домой, поддерживаемая внучкомъ. Бережно ведетъ свою бабушку мальчикъ. Дойдутъ они до своей маленькой квартирки, мальчикъ раскутаетъ старушку и бережно усаживаетъ ее въ большое кресло. Накинетъ онъ теплую шаль на ея старческія плечи, и любовно прильнетъ къ тонкой и безсильной старой рукѣ. Старушка слѣпа. Ея глаза не видятъ дѣтскаго серьезнаго личика. Она ласково ощупываетъ головку и лицо мальчика и нѣжно цѣлуетъ его.

Старушка эта когда-то была очень богата. Она была дочерью богатѣйшаго купца и не знала ни въ чемъ себѣ отказа. Мать ея рано умерла. Купецъ пріискалъ дочери въ мужья богатаго князя—подагрика. Молодая, полная жизни, красивая дѣвушка сдѣлалась женой и сидѣлкой капризнаго, раздражительнаго больного. Съ ангельскимъ терпѣніемъ ухаживала она за мужемъ, терпѣливо переносила его капризы. Она дѣлила свое время между воспитаніемъ дочери и уходомъ за мужемъ. Черезъ 10 лѣтъ князь умеръ. Княгиня всю свою самоотверженную душу отдала дочери, больной и слабой. Она жила и дышала только ею. Когда, послѣ года замужества, ея дочь умерла и оставила маленькаго сына, пожилая княгиня перенесла всю свою любовь на мальчика. Зять ея уѣхалъ за-границу. Она поселилась съ внучкомъ на неболь-

шой квартирѣ, раздала почти все свое состояніе на пріюты и школы. Она воспитывала мальчика, учила его, передавала ему свою чуткую душу, свое любящее сердце.

Въ тихомъ уголкѣ, окруженный нѣжной любовью, росъ и развивался маленькій Сережа. Онъ горячо любилъ свою бабушку, свой тихій уголокъ.

Годы шли. Несчастіе обрушилось на княгиню. Она ослѣпла.

Ея кроткіе глаза перестали глядѣть своимъ ласковымъ сердечнымъ взоромъ. Маленькій Сережа долго не могъ примириться съ этимъ и часто плакалъ. Потомъ онъ привыкъ и не отходилъ отъ бабушки.

Слѣпая и слабая, она не забывала дѣлъ любви и милосердія. Вмѣстѣ съ Сережей, опираясь на его дѣтскую ручку, она продолжала быть ангеломъ хранителемъ бѣдныхъ и несчастныхъ...

Сама она таяла день ото дня.

Каждый день ходили оба въ свою приходскую церковь.

Вернется она домой, сядетъ въ свое большое кресло и отдыхаетъ. Мало силъ у старушки, не долго проживетъ она! Живутъ они въ маленькой, чистенькой квартиркѣ. Сережѣ очень нравится ихъ чистенькая, подъ дубъ отдѣланная столовая, своя маленькая, свѣтлая комната, съ окошкомъ въ густой тѣнистый садъ, и бабушкина спальня, съ цѣлымъ кіотомъ дорогихъ образовъ... Онъ любитъ сидѣть въ сумерки въ этой темной комнатѣ. Жарко топится въ сумракѣ печка... Тепло въ комнатѣ. У образовъ тихо мерцаютъ лампадки. Тѣни ползутъ по стѣнамъ. За окномъ воетъ вьюга и вѣтеръ.

Не дѣтскія, серьезныя думы бродятъ въ головѣ мальчика. Въ своемъ сердцѣ онъ даетъ себѣ слово походить во всемъ на свою бабушку... Своей дѣтской душой онъ находитъ въ ней что-то святое, великое... Онъ будетъ такой-же какъ она, добрый и честный...

Слѣпая, не мигая, куда-то смотритъ вдаль. Ея мысли тоже серьезны. Она думаетъ о своемъ мальчикѣ, о своемъ Сережѣ. Останется-ли онъ такимъ, какъ теперь, чистымъ и добрымъ? Что сдѣлаетъ съ нимъ жизнь безъ нея, когда ее похоронятъ? Больно сжимается ея старческое сердце при этой мысли.

Съ начала Великаго поста старушка стала слабѣть и хворать. Сережа былъ печаленъ...

— Сережа, будемъ говѣть на слѣдующей недѣлѣ,— сказала старушка внучку, сидя вечеромъ съ нимъ въ своей комнатѣ. Отговѣемъ—можетъ быть, мнѣ и легче станетъ...

— Сережа только крѣпко прижмется къ своей бабушкѣ и грустно молчитъ. Болитъ дѣтское сердечко за старушку...

Съ слѣдующей недѣли они начали говѣть. Каждый день становились они въ своемъ уголкѣ и горячо молились. Оба чистымъ искреннимъ сердцемъ молились другъ за друга, за всѣхъ страдающихъ и угнетенныхъ... По вечерамъ, въ маленькой спальной, зажигалась лампочка.

Сережа читалъ бабушкѣ св. Евангеліе, читалъ внимательно и усердно. Свѣтъ отъ лампы падалъ на сѣдую голову старушки, на ея доброе милое, старое лицо, освѣщалъ тонкія черты мальчика, его серьезное, строгое личико. Рука старушки покоилась на головкѣ мальчика; Сережа любилъ

читать Евангеліе. Бабушка научила его понимать святыя и правдивыя слова.

Слезы текли по щекамъ мальчика. Слѣпая прижимала его къ себѣ и успокаивала, разсказывала ему о милосердіи Божіемъ, о Его правдѣ и долготерпѣніи.

Старушка и внучекъ усердно говѣли. Слѣпая страшно ослабла. Сережа, съ горемъ въ сердцѣ, замѣчалъ, какъ слабѣла его бабушка, какъ измѣнилось ея милое лицо. Она едва могла пойти на исповѣдь. Послѣ исповѣди Сережа поѣхалъ съ бабушкой навѣстить больныхъ. День былъ ясный. Солнышко пригрѣвало землю. Старушка улыбалась.

Кротко и долго говорила она съ больными и, провожаемая благословеніями, уѣхала съ внучкомъ домой.

Въ этотъ вечеръ они долго просидѣли въ маленькой спальнѣ.

— Помни, Сережа, дорогой мальчикъ,—говорила старушка, лаская мальчика,—помни, что всѣ люди не злы въ душѣ. Сумѣй найти доброе и святое въ душѣ каждаго человѣка. Не осуждай и не вини другихъ ни въ чемъ. Никто и тебя не осудитъ. Чаще вспоминай нагорную проповѣдь Спасителя. Я стара, Сережа, и не знаю, долго ли я проживу... у тебя есть отецъ... онъ на-дняхъ вернется, я писала... Люби отца... Работай всю свою жизнь, не забывай, что Богъ далъ тебѣ жизнь для того, чтобы ты помогалъ бѣднымъ и страдающимъ... Вспомни, какъ страдалъ Спаситель и, во время Своихъ страданій, думалъ только о грѣшныхъ людяхъ. Вотъ мы исповѣдывались съ тобой сегодня! Много я грѣшила въ жизни своей, можетъ быть и зла много сдѣлала... А у тебя пока чистое сердечко. Береги его, Се-

режа, береги отъ людей и отъ зла! Это лучшее сокровище, твое богатство. Будешь ты честнымъ, хорошимъ человѣкомъ,— душа моя будетъ радоваться и славословить... Не забывай Бога и ближнихъ, Сережа!..

Тихо и слабо звучалъ голосъ старушки. Столько въ немъ было любви и доброты и горячей вѣры! Въ душѣ мальчика просыпались добрыя чувства и мысли!

— Живи, бабушка, со мной,—заговорилъ мальчикъ,— я безъ тебя не могу жить, я умру. Я не проживу, бабушка, безъ твоей руки, безъ твоего голоса. Помни, бабушка, я умру...

Горько плачетъ мальчикъ, прижавшись къ любящей груди. Изъ слѣпыхъ глазъ падаютъ слезы на голову Сережи.

На другой день они причастились. Старушка была спокойна и весела. Цѣлый день она говорила съ внучкомъ, толковала ему св. Евангеліе, ласкала его. Горячо поцѣловала она мальчика предъ сномъ. Дрожащей рукой, она перекрестила Сережу. Слезинка упала на чистый дѣтскій лобъ... Бабушка послѣдній разъ цѣловала своего ненагляднаго мальчика...

На другой день Сережа проснулся спокойный и веселый... Ясное солнышко заглянуло въ его окошко. Весенній, чистый воздухъ лился въ открытую форточку. Гдѣ то въ синемъ небѣ пѣлъ жаворонокъ... Сережа вбѣжалъ къ бабушкѣ и удивился.

Она лежала на креслѣ, откинувшись назадъ. Ея рука держала св. Евангеліе.

Сережа взялъ за руку. Тяжело упала холодная рука. Бабушка не дышала... Ея сердце перестало биться безко-

нечной любовью и добротой... Она умерла... Сережа безъ памяти упалъ около своей бабушки.

Черезъ нѣсколько дней похоронили добрую старушку. Отецъ Сережи устроилъ богатые похороны. Но лучшей наградой ей были слезы бѣдняковъ, шедшихъ за ея гробомъ.

Прибавилось на кладбищѣ одной могилкой... Засыпали землей добрую бабушку Сережи... Поплакали, разошлись и успокоились. Не успокоилось только одно бѣдное, надорванное дѣтское сердечко.—Сережа не можетъ забыть свою бабушку. Столько ласки, доброты, столько самоотверженной любви потерялъ онъ!

Разрывается отъ боли дѣтское сердечко! По цѣлымъ часамъ плачетъ мальчикъ надъ свѣжей могилкой...

Льются чистыя, дѣтскія слезы! Орошаютъ могилу.— Весело грѣетъ солнышко съ яснаго неба... Звонкую, весеннюю нѣсню поетъ жаворонокъ... Тихо покоится въ сырой землѣ на вѣки уснувшее честное сердце!

В. П..ва.

(„Воскресный день“ № 12 за 1888 г.).

Несчастная мать.

„Любяй сына своего, участитъ ему раны, да возвеселится въ послѣдняя своя“ (Сир. 30,1).

Надъ глубокимъ обрывомъ, въ трехъ верстахъ отъ одного губернскаго города, пріютился богатый женскій монастырь.

Густолиственные, тѣнистые сады красиво окаймляютъ бѣлыя стѣны монастыря. Огромныя, вѣковыя деревья мона-

стырской рощи глядятся въ свѣтлое зеркало большого, чистаго пруда. Шумный водопадъ, искрясь и сверкая, падаетъ внизъ по уступамъ глубокаго обрыва.

Тихій, лѣтній вечеръ. Послѣдніе лучи заходящаго солнца красноватымъ, причудливымъ свѣтомъ обливаютъ монастырь. Въ монастырскомъ храмѣ кончается всенощная.

Сквозь открытыя окна заглядываютъ въ храмъ вѣтви душистой сирени, льется чистый свѣжій воздухъ угасающаго дня. Стройно несется пѣніе монастырскихъ пѣвчихъ... Громко звучитъ мягкій голосъ священника. Тихо мерцаютъ лампады предъ старинными образами.

Недалеко отъ игуменскаго мѣста стоитъ, отдѣльно отъ другихъ, высокая женщина. Величаво лежитъ на ней черная одежда. Изъ-подъ чернаго платка глядитъ строгое, словно застывшее прекрасное лицо. Глаза, устремленные на ликъ Скорбящей Божіей Матери, полны горячей мольбы и благоговѣнія. Въ каждой чертѣ ея лица застыло мучительное горе и отчаяніе... Это особа, уважаемая всѣмъ монастыремъ. Она извѣстна своей строгой жизнью, своимъ благочестіемъ и добротой... Живетъ она при монастырѣ, въ своей большой, особой келліи, и хотя не исполняетъ никакой должности, но пользуется особыми правами и особеннымъ вниманіемъ игумены.

Скоро кончается всенощная. Послѣдній лучъ солнышка золотитъ рѣзьбу алтаря. Женщина неподвижно стоитъ предъ образомъ... мысли ея далеко, далеко, на лицѣ выраженіе тоски и страха. Съ игуменскаго мѣста зорко глядятъ на нее глаза сѣдой, суровой игумены.

Двадцать лѣтъ тому назадъ на ней не было этой черной одежды. Ровно 20 лѣтъ назадъ, послѣ одного ужаснаго

дня, въ такой же тихій, лѣтній вечеръ, она пріѣхала сюда, въ этотъ монастырь и на колѣняхъ просила позволить поселиться ей при монастырѣ. Тогда она была убита и измучена... Она внесла деньги въ монастырь и получила особую келлію. Она мучила себя надъ работой, была послушна и покорна, работала болѣе другихъ; она силилась заглушить въ себѣ то, что грызло ея сердце... Все было напрасно... Много, много лѣтъ прошло, много воды утекло... На лицѣ ея застыло выраженіе вѣчной тоски и муки... И сердце по прежнему грызетъ давнишняя кручина и мука безысходная...

Ея мысль невольно уносится въ прошлое... Темнокудрый, бойкій мальчикъ, любимый сынъ, и надежда и гордость матери... Вѣчное баловство и проказы...

Темныя, сѣрыя стѣны тюремной каморки... холодный, враждебный взглядъ несчастнаго колодника. Словно и теперь застонало что у нея въ груди, при этомъ воспоминаніи... Софья Ивановна схватилась рукой за сердце, пошатнулась и тихо вышла изъ церкви... Долгимъ, изумленнымъ взоромъ проводила ее сѣдая игуменья. Софья Ивановна тихо шла по усыпанной пескомъ дорожкѣ... Сегодня ровно 20 лѣтъ, какъ она здѣсь. Сегодня у нея нѣтъ силъ молиться, она страдаетъ, невыносимо страдаетъ... Свинцовымъ камнемъ лежитъ на сердцѣ тяжкое, горькое воспоминаніе. Когда же будетъ конецъ этой мукѣ? Когда возьметъ Господь измученную душу изъ тѣла? Когда забудется это ужасное прошлое? Никогда, никогда! Звучитъ внутри, въ сердцѣ Софьи Ивановны. Она проводитъ рукой по сухимъ глазамъ и тихо идетъ въ монастырскую рощу. Ей надо уйти куда-нибудь сегодня, уйти отъ самой себя, отъ мучительныхъ мыслей и думъ. Она пользуется особымъ правомъ гулять по всѣмъ окрестностямъ монастыря, когда ей угодно,

и сегодня она рада этому. Софья Ивановна идетъ по рощѣ, глаза ея блуждаютъ, губы дрожатъ. Темнѣетъ... Чернѣются деревья... Лунные лучи дрожатъ въ зеркалѣ пруда. Впереди, тамъ крутой обрывъ, заросшій кустами... Она идетъ къ обрыву, садится на уступъ и оглядывается. Тишина кругомъ. Сзади въ лунномъ сіяніи блеститъ монастырь и чернѣется роща. Гдѣ-то тихій звонъ... плескъ воды... Впереди за обрывомъ ложбина съ маленькой деревушкой... Все залито лунным сіяніемъ... Горятъ безчисленныя звѣзды... Долго, долго сидѣла она неподвижно, скрытая кустарникомъ, не замѣчая тихаго шороха около себя.

Когда она встала и подняла лицо, оно было страшно. Въ лучахъ луны ея черная фигура, съ мертвенно-блѣднымъ лицомъ, казалась привидѣніемъ. „Ты погубила меня, ты, мать моя... уйди отъ меня“—слышатся ей горькія слова кругомъ въ воздухѣ, въ шопотѣ деревьевъ, въ порывѣ вѣтерка...

— „Не могу, не могу, Господи прости и помилуй,— не могу... силъ нѣтъ“—бормочутъ блѣдныя губы. „Лучше смерть,—чѣмъ эта мука вѣчная“. Тамъ въ глубинѣ темнаго оврага, ей будетъ хорошо и спокойно... Она умретъ тихо, никѣмъ не замѣченная... ея могилой будетъ эта темная пропасть... Тамъ не будетъ тоски, муки и угрызеній... Пора на темное дно, въ вѣчную могилу, на покой!“

„Господи, прости и не осуди!“—шепчетъ измученная женщина и быстро подходитъ къ концу уступа и глядитъ внизъ... Еще одно движеніе... Но въ это время твердая рука легла на ея плечо. Тихо вскрикиваетъ несчастная на порогѣ къ преступленію и закрываетъ свое побѣлѣвшее лицо

руками. Передъ ней стоитъ строгая фигура игумены. Глубокимъ состраданіемъ свѣтятся ея глаза.

„Несчастная, что ты хотѣла дѣлать?—говоритъ тихій и твердый голосъ—ты искушаешь Господа Бога. Онъ отвращается отъ самоубійцъ... Я слѣдила за тобой, пришла сюда... я вижу... ты тяжко страдаешь... Многіе годы жила ты здѣсь въ строгомъ подвигѣ и молитвѣ... Ты не нашла покоя... Скажи мнѣ, что съ тобой, что лежитъ на душѣ твоей? Долго молчала ты, мы не спрашивали тебя... Сегодня, ты хотѣла умереть“...

„Скажи мнѣ теперь, что гнететъ тебя? Помолимся вмѣстѣ Милосердой Заступницѣ“...

Софья Ивановна подняла голову и до земли поклонилась игуменьѣ. „Простите и благословите, матушка... Тяжело согрѣшила я предъ Господомъ... Вашей рукой спасъ Онъ меня отъ страшной смерти... Я скажу вамъ все: грѣшна и преступна я, окаянная. Нѣтъ мнѣ благословенія Божія... Ни молитвой, ни постомъ не замолить мнѣ своего грѣха... Давно это было. Родители мои рано выдали меня замужъ за добраго и хорошаго человѣка. Мужъ мой скоро умеръ. Осталась я вдовой, съ сыномъ на рукахъ. Средства у меня были и скучать мнѣ было некогда—я безъ памяти любила моего сынка, Петю. Лицемъ онъ на отца походилъ, а глазами на меня. Умный мальчикъ, живой и бойкій былъ. Всю свою жизнь, всю свою душу положила я въ Петю. И баловствомъ своимъ загубила я его“.

Голосъ несчастной прервался рыданіями.

„Мальчикъ дѣлалъ все, что хотѣлъ. Я ему ни въ чемъ не отказывала, баловала его, какъ могла. Отъ дурныхъ това-

рищей пріучился Петя брать потихоньку... Началъ онъ у меня таскать лакомства разныя. Просила я его, уговаривала, плакала. Ничего не помогало. У моей бабушки, у прислуги начали пропадать разныя вещи. Рѣшилась я наказать сына. Но увидала я слезы на его личикѣ, увидала его страхъ... руки у меня опустились. Такъ и не могла я наказать его. Только просила, да плакала, да утѣшала себя, что все это дѣтскія шалости и что съ годами все это пройдетъ. А Петя росъ и продолжалъ воровать. Отдала я моего мальчика учиться. Изъ двухъ училищъ его выгнали за воровство. Я совсѣмъ потеряла голову. Что мнѣ было дѣлать. Наказывать его было поздно, онъ выросъ. Просьбы и слезы не дѣйствовали... Тяжело мнѣ жилось. Но надежда, что Петя исправится, не покидала меня.

19-ти лѣтъ Петя попался за кражу со взломомъ... Его посадили въ тюрьму и присудили къ ссылкѣ... Какъ я не умерла тогда,—не знаю...

Я видѣла моего Петю на скамьѣ подсудимыхъ съ блѣднымъ, испитымъ лицемъ... я видѣла его въ тюрьмѣ... сердце мое разрывалось“...

„Продолжай свою исповѣдь,—говорила игуменья,—Господь помилуетъ тебя и проститъ!“

Послѣ нѣкотораго молчанія Софья Ивановна заговорила прерывающимся голосомъ:

„Когда его увозили, я вымолила позволенье повидаться съ нимъ безъ свидѣтелей. . Я бросилась въ тюрьму къ сыну... Я не помню, какъ я вошла къ нему... Я хотѣла обнять его... наглядѣться на него... Онъ сурово отстранилъ меня...

„Зачѣмъ ты пришла сюда? —сказалъ онъ мнѣ.—Ты пришла полюбоваться твоимъ сыномъ, твоимъ любимцемъ? Любуйся...

Я упала передъ нимъ на колѣни... я горько рыдала. Онъ строго глядѣлъ на меня... На лицѣ его было такое отчаяніе и такая холодность ко мнѣ.

Ты сама, мать моя, погубила меня... Своимъ баловствомъ ты потворствовала моей порочной наклонности... Еслибъ ты любила меня, ты остановила бы меня, внушила бы мнѣ честныя правила... Я былъ бы истиннымъ человѣкомъ... Теперь твой любимецъ—преступникъ... Уйди... Оставь меня... Я не хочу видѣть тебя... Я не могу простить тебѣ зло, которое ты мнѣ сдѣлала неумѣніемъ и воспитаніемъ.

Онъ отвернулъ отъ меня свое блѣдное, исхудалое лице и отошелъ.

Больше я не видала моего Петю. Онъ не захотѣлъ проститься со мной... Тогда сердце мое разбилось... я устала и истерзалась... я пришла сюда искать покоя и тишины... Сегодня ровно 20 лѣтъ, какъ я здѣсь... И нѣтъ мнѣ покоя... Господь не проститъ мнѣ... Я загубила сына... Я убила его сердце и душу... Онъ тамъ, далеко, страдаетъ въ тяжкой ссылкѣ... А я прошу только смерти у Бога... Матушка, простите, поддержите, помогите... Помолитесь за меня“...

Тяжкій стонъ вырвался изъ ея наболѣвшей груди...

На глазахъ игумены блестѣли слезы... Лице ея было блѣдно и строго. Она долго молчала и печально глядѣла на несчастную мать, изнывшую въ тоскѣ и страданіи.

„Встань,—тихо заговорила она,—встань и надѣйся... многомилостивъ Господь. Проститъ онъ и тебѣ твое тяжкое согрѣшеніе... Молись Заступницѣ Небесной... Не плачь, Господь видитъ твое раскаяніе... и приметъ твою молитву“.

Тихій звонъ разнесся въ чистомъ, вечернемъ воздухѣ и замеръ вдали... Софья Ивановна приподнялась и поцѣловала руку игумены.

„Слышишь, Софья, звонъ этотъ! Господь напоминаетъ тебѣ, что къ Нему ты должна нести твои скорби и муку, что Онъ упокоитъ всѣхъ труждающихся и обремененныхъ... Твой сынъ искупаетъ свои преступленія... Въ далекой ссылкѣ, быть можетъ, онъ одумается и пойметъ, что ты слишкомъ любила его, что твое материнское сердце за него болѣло, что ты невольно причинила ему зло... Быть можетъ, сердце его обратится къ Господу... и онъ пришлетъ тебѣ слово— любви и прощенія... Иди къ себѣ съ миромъ отдохни и отдай все въ руцѣ Божіи... Господь съ тобой, иди, молись и уповай на милосердіе Божіе!“

Надежда проснулась въ измученномъ сердцѣ... Она начала молиться... „Господи, прости его, сохрани и помилуй, смягчи его сердце и помоги ему до конца!...“—тихо звучала горячая материнская молитва за несчастнаго сына.

Съ тѣхъ поръ Софья Ивановна вся ушла въ молитву и раскаяніе. Слухъ о ея строгой жизни и подвигахъ разнесся по окрестностямъ.

Вѣра П—ова.

(„Воскресный день“ 1888 годъ № 13-й).

Безропотная страдалица.

Холодна и свѣжа весенняя ночка... Село спитъ. Яркая луна освѣщаетъ сельскую улицу и ласково засматриваетъ въ разбитое оконце маленькой бѣдной избушки... Бѣднота въ ней и нужда неотвязная! Гдѣ-то на селѣ поетъ пѣтухъ... Въ разбитое окно льется свѣжій весеннiй воздухъ.

Далеко за селомъ звенитъ колокольчикъ... У окна сидитъ женщина. Оперлась она головой на руку, тоскливо смотритъ куда-то въ даль, да думаетъ горькую думушку, Тихо, тихо кругомъ... плечи ея вздрагиваютъ отъ холода, едва прикрытыя бѣднымъ платышкомъ. А она не шевелится, точно замерла, бѣдная, въ своемъ тяжкомъ раздумьѣ. Тяжела ея жизнь, не красна ея доля!

Съ дѣтства не видала она привѣта да ласки! Рано умерли родители ея. Бѣдной неутѣшной сиротой оставили они маленькую Ѳеню. Взялъ ее въ работницы богатый староста. Не по силамъ работала сиротка; много толчковъ и колотушекъ видѣла она на свою сиротскую долю.

Много горькихъ слезъ пролила бѣдная на сельскомъ кладбищѣ, припавъ лицомъ къ дорогимъ могилкамъ!

Хорошей, честной, серьезной дѣвушкой, незамѣнимой работницей выросла Ѳеня! Обиды да несправедливость людскія не озлобили ея молодого сердца... много доброты, любви и ласки сберeглось въ молодой душѣ.

Не по своей охотѣ выдали Ѳеню замужъ.

Не долго горевала дѣвушка. Твердой волей съумѣла она смирить свое горячее сердечко. Усердно занялась Ѳеня новымъ хозяйствомъ, стала вѣрной помощницей мужу.

Лѣнивый, разгульный человѣкъ былъ мужъ Ѳени, Егоръ. Не хотѣлъ онъ замѣтить усердія и доброты своей жены. Съ утра до ночи сидѣлъ онъ въ кабакѣ, пропивалъ тамъ все, что могъ, и приносилъ домой злобу да ругань пьяную.

Ни мольбами, ни ласками не могла Ѳеня отучить мужа отъ пьянства. Грубо требовалъ онъ съ нея денегъ, не замѣчалъ ни слезъ, ни худобы бѣдной женщины.

Пошло прахомъ все бѣдное хозяйство, сколоченное на трудовыя деньги сиротскія. Продали лошадку, потомъ корову... Все до послѣдняго гроша пропивалъ грубый, недобрый Егоръ.

Горько потянулась жизнь... Изъ силъ выбивалась бѣдная Ѳеня. Пошли у нея дѣти... маль-малъ меньше... А Егоръ и знать ничего не хотѣлъ. По прежнему сидѣлъ онъ въ кабакѣ съ пріятелями, пьянствовалъ да безчинствовалъ...

Дома у него бѣдность страшная... Плачутъ ребята... Молча, добивая свои послѣднія силы, работаетъ для нихъ исхудавшая, какъ тѣнь, Ѳеня.

Съ утра до поздней ночи бѣгаетъ она по селу.., гдѣ полъ вымоетъ, гдѣ постряпаетъ, гдѣ постираетъ... Поздниимъ вечеромъ плетется она домой, едва держась на ногахъ, да несетъ своимъ бѣднымъ ребяткамъ краюху черстваго хлѣба.

И не успѣетъ бѣдная женщина расправить усталыя кости да отдохнуть на жесткой лавкѣ... вваливается въ избу пьяный, злой Егоръ. Брань..., побои..., плачъ бѣдныхъ голодныхъ дѣтей... нищета горькая... Буйствуетъ пьяный Егоръ, колотитъ, чѣмъ попало, и жену и дѣтей...

Молчитъ бѣдная Ѳеня, старается услужить мужу да успокоить ребятокъ.

Какъ тѣнь, бродитъ она, измученная да усталая. Ласково уговариваетъ мужа, съ материнской нѣжностью ласкаетъ дѣтей... Только иногда, при взглядѣ на ихъ худыя, дѣтскія личики, на ихъ слезы горькія... словно передернется что въ ея блѣдномъ лицѣ, да крѣпче сожмутся запекшіяся губы...

Давно ужъ живетъ такъ Ѳеня; попривыкла она къ своей жизни, всю душу, всѣ послѣднія силы отдаетъ дѣтямъ да пьяницѣ-мужу.

Ясна и свѣтла весенняя ночка... Послѣ дневной работы едва добрела домой бѣдная женщина... Ноютъ и болятъ всѣ кости... Утѣшила и накормила, бѣдная, голодныхъ ребятокъ черствымъ хлѣбомъ, смоченнымъ горькими слезами... Спятъ бѣдные ребятишки, наплакались и наголодались они вдоволь... Прикрыла ихъ бѣдная мать кое-какимъ лохмотьемъ, перекрестила, долго, долго поглядѣла на худенькія дѣтскія лица... и тяжело вздохнувъ, отошла и сѣла къ окну. На исходѣ ночь, а не вернулся еще домой пьяный, безпутный мужъ... Ждетъ его бѣдная женщина, голодная и измученная... боится лечь, подкрѣпить свои слабыя силы... Думаетъ она горькую думушку о бѣдныхъ дѣткахъ своихъ. Мало осталось въ ней силъ, расшаталось крѣпкое здоровье. Скоро заснетъ, бѣдная, вѣчнымъ сномъ. Что будетъ тогда съ ея ребятишками! По себѣ она знаетъ, какъ горька сиротская бѣдная доля. Но нѣтъ зла и ропота въ душѣ Ѳени. По прежнему кротость и доброта живутъ въ ея наболѣвшемъ сердцѣ.

Не винитъ она мужа, не клянетъ свою горькую жизнь,— она думаетъ и заботится только о своихъ дорогихъ дѣткахъ.

Жалость къ пьяницѣ-мужу наполняетъ бѣдное сердце, забота о семьѣ тяготитъ его. Съ надеждой на милость Божію вглядывается бѣдная женщина куда-то вдаль, словно хочетъ увидать что-то радостное и свѣтлое... Предразсвѣтный вѣтерокъ потянулъ въ окно... Стукнула дверь избы... Домой возвращается съ гульбы своей пьяный Егоръ.

— Ѳедосья!... аль дрыхнешь... зажигай свѣтъ, да ѣсть подавай!—слышитъ бѣдная женщина грубый голосъ.

Тихо встаетъ она съ лавки, зажигаетъ лучину, помогаетъ раздѣться мужу, шатаясь отъ усталости, бродитъ по избѣ. Но нѣтъ зла на ея усталомъ лицѣ. Съ кроткой улыбкой подаетъ она послѣдній кусокъ хлѣба пьяному мужу.

Тихо и ласково возражаетъ она на его требованія лучшей ѣды.

— Ничего нѣтъ больше, Егоръ... самъ знаешь... тихо звучитъ слабый голосъ несчастной женщины.

Ругается пьяный мужикъ, требуетъ денегъ и хлѣба.

— Щенята твои все жрутъ—сама кушаешь, барыня..., а обо мнѣ и ни думушки!...

Встаетъ Егоръ, трясется отъ злости... Со всего размаха ударяетъ онъ бѣдную женщину... Съ крикомъ падаетъ Ѳеня на полъ... Кричатъ и плачутъ проснувшіеся ребята... трясутся отъ страха.

Бьетъ Егоръ своихъ бѣдныхъ, ни въ чемъ неповинныхъ дѣтей... Плачъ, стонъ, ругань! Бѣдная несчастная семья!

Со стономъ поднимается съ полу несчастная женщина... тихо успокоиваетъ дѣтей, укладываетъ спать пьянаго мужа.

Вся долгая ночь проходитъ въ этомъ страданьи, да мукѣ... А на утро опять и холодъ и голодъ... и плачъ дѣтей..., и ругань..., и тяжелая непосильная работа...

Изодня въ день тянется такая жизнь... Перестала плакать и думать Ѳеня. Съ страшнымъ усиліемъ принимается она съ утра за работу и, какъ машина, работаетъ цѣлый день, не покладая рукъ.

Ни слова, ни вздоха не вырывается изъ худой, измученной груди. „Словно каменная... и ни жалости въ ней, ни тоски!..“ болтаютъ объ ней сельскія кумушки.

А Ѳеня словно застыла на своей работѣ. Съ кротостью и покорностью несетъ она тяжелый свой крестъ... Догораютъ послѣднія силы...

Въ Великомъ постѣ, ранней весной, похоронили бѣдную Ѳеню. Спокойная и кроткая лежала она въ простомъ, деревянномъ гробѣ. На вѣчный отдыхъ отошла измученная, человѣческая душа!

Въ уголкѣ сельскаго кладбища покоится бѣдная Ѳеня!

Весеннее солнышко пригрѣваетъ бѣдную могилку, птички звонко поютъ свои весеннія пѣсенки,—сиротки горькими слезами обливаютъ могилку матери...

Она покорно, безъ ропота и злобы, до конца, кроткая и спокойная несла свой тяжелый крестъ! Тяжелъ былъ ея удѣлъ,—но и великая милость Божія ожидаетъ въ другой жизни безропотную страдалицу!

Вѣра П...ва.

(Журналъ „Кормчій“ за 1888 годъ, № 5).

Слезы сиротскія вопіютъ къ небу.

Разсказъ.

Холодный осенній вечеръ. Съ мрачнаго свинцоваго неба мороситъ мелкій дождь. Угрюмо и печально выглядываетъ маленькая деревушка, построенная въ котловинѣ. Словно убитыя непосильнымъ горемъ да нуждою, скрпвились и почернѣли маленькія избушки. На самомъ краю деревушки, ближе къ лѣсу, стоитъ полуразвалившаяся лачуга. Стекла въ окнахъ повыбиты и заткнуты тряпками, ворота развалились, убогое деревцо около избушки ползаетъ своими мокрыми вѣтками по сгнившимъ бревнамъ,—тоска, горе, нужда!

Снаружи горько глядѣть на эту избенку, а внутри еще хуже, еще больнѣе. На лавкѣ, въ переднемъ углу лежитъ умирающая. Тоскливыми, мутными глазами обводитъ она сырыя, черныя стѣны, развалившуюся печку, изломанный столъ. Все это она привыкла видѣть во всю свою недавнюю, горькую жизнь, все это ей хорошо знакомо.

Шестнадцати лѣтъ выдали ее замужъ въ ближнюю деревню за молодого мужика Абрама. И сколько она съ нимъ горя видѣла, сколько муки пережила, какъ только все вынесла! Колотилъ и мучилъ ее пьяный, злой мужикъ. Исхудала въ щепку, извелась въ одинъ годъ когда-то круглолицая, полная Анисья. Словно не живая, а машина, продолжала она ходить и работать.

Въ домѣ была бѣдность, да горе постоянное! Родились двое дѣтей, еще горче стало житье Анисьи. Послѣдніе гроши пропивалъ въ кабакѣ Абрамъ, свою злость да бѣдноту вымещалъ на бѣдной женѣ да ребяткахъ. Измучилъ онъ, до нищеты довелъ свою семью, и померъ отъ пьянства.

Осталась бѣдная Анисья съ двумя ребятками въ своей лачугѣ. Тихо догорала ея жизнь. Съ разбитой грудью, больная, она билась и работала изо всѣхъ силъ для своихъ дѣтей, и съ каждымъ днемъ таяла, какъ свѣча. Злая чахотка въ конецъ свалила ее, она не могла встать и работать. Холодъ и голодъ въ бѣдной лачугѣ! Горькіе стоны больной да плачъ ребятишекъ!

Эти слезы дѣтскія надрываютъ сердце больной, въ клочки рвутъ и терзаютъ измученную душу. Каждую каплю крови отдала бы несчастная за своихъ дѣтишекъ; какъ волъ работала бы она, не покладая рукъ, чтобы только согрѣть и накормить бѣдныхъ малютокъ,—нѣтъ, она теперь уже не можетъ встать, не можетъ двинуть рукой, не можетъ отъ слабости вымолвить слово. Она только глядитъ на своихъ ребятокъ и—какъ глядитъ! Есть-ли на свѣтѣ что нибудь ужаснѣе, отчаяннѣе, горче этого взора умирающей! Столько въ немъ любви сердечной, столько муки и страданія, столько горя, сердце надрывающаго, въ этихъ потухающихъ глазахъ! Не радостна была ея жизнь,—она бы рада умереть и отдохнуть, если бы не ребятишки. На кого она кинетъ ихъ? Кто приласкаетъ, приголубитъ горькихъ сиротъ? Что съ ними будетъ?

Ея братъ, Андрей, обѣщалъ ей призрѣть и устроить ребятокъ,—онъ мужикъ богатый, и ему ничего не будутъ стоить бѣдныя сироты.

Болитъ и надрывается за дѣтей сердце матери. Плохо вѣритъ она въ хорошую жизнь бѣдныхъ сиротокъ. Плохо, тяжко имъ будетъ безъ матери! Вся ея надежда на Бога! Онъ, Милосердый, побережетъ бѣдныхъ, беззащитныхъ дѣтей! Онъ оградитъ и защититъ ихъ.

Умирающая съ тоской глядитъ на бѣлокурыя головки дѣтей; сухія, посинѣвшія губы ея тихо и невнятно шепчутъ святую молитву за своихъ дѣтей...

Глухой стонъ вырывается изъ измученной груди...

— Тяжко тебѣ, маменька?—тихо говоритъ дочка, бѣлокурая девятилѣтняя Таня. Водицы что-ли испить?

И дѣвочка, худая, съ блѣднымъ, не дѣтскимъ, лицомъ успокаиваетъ братишку, что горько плачетъ отъ голода и холода...

— Не плачь, Ванюша,—шепчетъ дѣтскій голосокъ, не бойсь, маменька вотъ встанетъ... хлѣбушка дастъ... гулять пойдешь... рубаху тебѣ сошьютъ. Ишшки... маменькѣ трудно... вонъ дядя Андрей придетъ, тебѣ коня принесетъ...

Шестилѣтній Ваня тихо засыпаетъ на плечѣ у сестры, со слезами на голубыхъ глазахъ.

А Таня смотритъ на мать, и слезы градомъ льются по блѣднымъ щекамъ...

— Маменька... родная... шепчетъ дѣвочка, горько плача. И болитъ и надрывается ея дѣтское сердечко.

Снова стонъ вырывается изъ груди больной... эти слезы дѣтскія въ конецъ убиваютъ ее. Больная судорожно поднимается... машетъ рукой... что-то хочетъ сказать, крикнуть... кровь волной льется изъ горла... она опрокидывается на изголовье...

Еще разъ она съ усиліемъ открываетъ вѣки... кладетъ руку на головку Тани... губы шепчутъ послѣднюю молитву, молитву матери за бѣдныхъ, горькихъ сиротъ...

Потомъ глаза тихо закрываются, рука тяжело падаетъ вдоль тѣла... тяжкое хрипѣнье... она умерла. Перестало биться горячее материнское сердце; кончена горькая, безрадостная жизнь!

Долго не вѣрила бѣдная Таня смерти матери, долго звала ее нѣжными именами, долго плакала надъ умершей и цѣловала холодныя безсильныя руки и мертвое, строгое лицо... Безъ чувствъ лежала бѣдная сиротка около трупа матери. Что было послѣ,—она не видала и не помнила.

За деревней вырыли холодную, глубокую яму, въ простомъ, деревянномъ ящикѣ снесли туда ея изстрадавшуюся мать, засыпали холодной землей... и оставили бѣдныхъ дѣтей одинокими сиротами.

Плачетъ осенній дождикъ надъ мокрой землей, плачутъ бѣдные ребятки въ семьѣ богатаго дяди. Не видятъ они привѣта и ласки, ждутъ бѣдныхъ сиротокъ нинки и колотушки.

Съ утра до поздней ночи на работѣ ребятки,—тяжело достается имъ чужой кусокъ! Доитъ корову, стираетъ бѣлье, шьетъ и вяжетъ маленькая Таня, обливаясь слезами; постоянно на побѣгушкахъ, да на посылкахъ у всей семьи маленькій Ваня. Слушается ребенокъ, молчитъ, да терпѣливо выноситъ нинки да толчки. Только худы и серьезны не по лѣтамъ дѣтскія лица сиротъ, грязна и оборвана ихъ одежда, да тамъ въ глубинѣ дѣтскаго сердца, живетъ не дѣтская скорбь да кручина. Уйдутъ они на дорогую могилку, упадутъ на землю, и долго долго лежатъ. Плачетъ надъ могилкой осеннее небо мелкимъ дождемъ, тихо качаются мокрыя вѣтки ивы, горько рыдаютъ бѣдныя сироты

надъ могилой матери... Печально идетъ горькая жизнь дѣтей!

Прошла осень, наступила зима, холодная, снѣжная.

Родился у Андрея еще ребенокъ. Прибавилось въ семьѣ хлопотъ, да заботъ. Много возни съ тремя дѣтьми. Косится семья на сиротъ, жалко ей куска хлѣба для нихъ. Жадный и богатый дядя, со дня на день, становится злѣе да сварливѣе. Чаще сыплются колотушки на дѣтей.

Сойдутся бѣдные въ уголкѣ, обнимутся и долго, долго плачутъ.

Не взлюбила жена Андрея маленькаго Ваню, не втерпежъ стали ребенку ея нападки. Что ни сдѣлаетъ Ваня, все не ладно. Щипки, толчки, пинки такъ и сыплются на ребенка. Пошевелиться боится мальчикъ, ходитъ какъ тѣнь да отъ всѣхъ прячется.

—Голышъ, негодяй, объѣдать насъ умѣешь!—кричитъ Андрей на ребенка.

Ударилъ онъ разъ Ваню изо всѣхъ силъ. Зашатался мальчикъ, на полъ упалъ. Не выдержала Таня. Измучилась бѣдная дѣвочка за брата, смѣло подошла къ богатому дядѣ.

— Ты, дядя, не моги бить братишку... ты богатъ, а мы сироты... грѣшно тебѣ! аль не помнишь, какъ маменька умирала, да тебѣ завѣщала насъ не обижать?.. Мы тебѣ работаемъ, не даромъ хлѣбъ ѣдимъ... Богъ накажетъ тебя!! Твердо и смѣло звенитъ дѣтскій голосокъ; серьезно и строго глядятъ глаза ребенка...

Взбѣленился мужикъ, не перенесъ онъ дѣтской правды,

забылъ онъ совѣсть. Въ глухую зимнюю ночь онъ выгналъ бѣдныхъ ребятокъ изъ дома.

Дико завывала на улицѣ снѣжная вьюга, дрожали отъ холода и плакали несчастныя дѣти. Тихо побрели они, одинокія и брошенныя, побрели—куда глаза глядятъ. Снѣгъ засыпалъ имъ глаза, вѣтеръ рвалъ лохмотья. Посинѣвшіе отъ холода, они шли по полю.

Далеко разстилалось снѣжное поле... мрачно и уныло было кругомъ, двѣ маленькія, дѣтскія фигурки тихо брели, утопая въ сугробахъ и дрожа отъ страха и холода.

Вотъ они за деревней, на кладбищѣ, у могилы матери.

„Маменька, родимая, спаси насъ, помолись за насъ!“ рыдаютъ несчастныя, брошенныя сироты. Глухо раздаются эти дѣтскія рыданія на пустомъ кладбищѣ.

Усѣлись бѣдные ребятки на могилку, плачутъ. Ванюша крѣпко прижался къ сестрѣ и тихо дремлетъ. Обняла его дѣвочка, а сама улыбается.—Тепло ей вдругъ стало... легко на сердцѣ... Видитъ она свою мать... веселое у ней лицо... крѣпко нѣжитъ она и ласкаетъ своихъ дѣтокъ... Тепло у нихъ въ избѣ, самоваръ кипитъ... печка топится... Ванюша смѣется... славно... тепло... Тихо дремлетъ и Таня. Мирно и тихо засыпаютъ дѣти подъ пѣсни вьюги и вѣтра... Дивные сны они видятъ... А снѣгъ ласково покрываетъ дѣтокъ своимъ бѣлымъ одѣяломъ, и грѣетъ ихъ и погребаетъ въ снѣжной могилкѣ... Спите на вѣки, бѣдныя сиротки!

Не скоро хватились на деревнѣ пропавшихъ дѣтей; всѣмъ они чужія, никому не были нужны.

Спокоенъ на видъ Андрей: никто не знаетъ, что сдѣ-

лалъ онъ темною ночью. Но, подъ часъ, не хорошо становится у него на душѣ: мучитъ его совѣсть, чувствуетъ, что не пройдетъ ему это даромъ; наказанъ будетъ онъ рано или поздно за тяжкій грѣхъ свой.—Бывали минуты, когда готовъ былъ онъ все отдать, лишь-бы вернуть дѣтей; но ужъ поздно!.. Гдѣ ихъ искать? Пропали они безъ вѣсти, съ той самой ночи, когда выгналъ онъ ихъ безжалостно изъ дому!

Настала весна; стаялъ снѣгъ съ полей; стаялъ онъ и съ могилокъ на погостѣ: двѣ маленькія, обнявшіяся фигурки лежали на одной. Набрели на нихъ случайно мужики деревенскіе и признали пропавшихъ сиротъ. Знали на деревнѣ, какъ жилось горемычнымъ у дяди, и поняли, что тутъ не безъ грѣха!..

Дошелъ слухъ и до начальства. Снарядили слѣдствіе. Никто не сталъ стоять за неправое дѣло, отвернулись всѣ отъ Андрея. Съ горя и стыда захворала, а затѣмъ сошла въ могилу жена его. Долго судили его, но, за недостаточностью уликъ, онъ былъ оправданъ. Но не легче ему отъ этого. Судъ Божій—не судъ людской; и свершилось надъ нимъ наказаніе Божіе. Перемерли одинъ за другимъ его дѣти, затѣмъ сгорѣлъ домъ. Рушилась семья, рушилось хозяйство—остался Андрей бобылемъ, безпріютнымъ нищимъ. Больной и бездомный скитается, несчастный, по свѣту, питаясь подаяніемъ. Нѣтъ ему покоя на душѣ за обиду горькую, что нанесъ онъ бѣднымъ сиротамъ. Всю свою жизнь будетъ онъ мучиться, бродить по свѣту и нести наказаніе Божіе за тяжкую вину свою. «Вопіютъ къ небу слезы сиротскія!»

Вѣра П....ова.

(Журналъ „Кормчій“ за 1888 годъ, № 1-й).

Сила родительскаго проклятія.

Великая сила дана Господомъ слабому слову родителей. Онъ утверждаетъ и исполняетъ на дѣтяхъ ихъ благословеніе; Онъ же попускаетъ исполняться и клятвенному слову ихъ. Объ этомъ ясно свидѣтельствуетъ Слово Божіе: благословеніе отчее утверждаетъ домы чадъ, клятва же материня искореняетъ до основанія (Сир. 3, 9). И это слово Божіе непремѣнно исполняется и всегда во всей своей силѣ. Для примѣра можно указать на исторію несчастнаго Хама, сына Ноева: страшное проклятіе, произнесенное отцомъ и до сихъ поръ имѣетъ силу надъ несчастнымъ потомствомъ Хама. И теперь народы, имѣющіе своимъ родоначальникомъ Хама, остаются во мракѣ невѣжества и понынѣ они находятся въ рабскомъ подчиненіи у другихъ народовъ—потомковъ Сима и Іафета.

Ужасны бываютъ послѣдствія клятвы родительской. Вотъ одинъ изъ многочисленныхъ примѣровъ, подтверждающихъ это: у одной бѣдной вдовы былъ единственный сынъ. Мать надѣялась имѣть въ немъ добраго кормильца и опору въ своей старости, но сынъ своими грубыми поступками часто доводилъ бѣдную мать до слезъ. Разъ онъ побилъ ни за что жену: мать со слезами стала уговаривать его; но раздраженный сынъ бросился на мать съ бранными словами, схватилъ ее за грудь и тряхнулъ съ такою силою, что бѣдная женщина больно ударилась о стѣну головой... Стоны матери, крикъ жены и плачъ дѣтей заставили его выпустить изъ рукъ мать-старушку и уйти изъ дома. Тогда, глубоко оскорбленная мать, вся въ слезахъ, падаетъ, на колѣни предъ иконой и говоритъ: „Господи! Ты видишь, какъ

обижаетъ меня мой родной неблагодарный сынъ, чѣмъ онъ платитъ мнѣ за мою любовь, за мои о немъ попеченія: да будетъ онъ отнынѣ проклятъ, да не будетъ ему ни моего, ни Твоего благословенія!“ И что же? Судъ Божій совершился. Въ тотъ же самый день оскорбитель сынъ почувствовалъ дрожь во всемъ тѣлѣ; эта дрожь съ каждымъ днемъ усиливалась все болѣе и болѣе, и дошла, наконецъ, до того, что онъ, дотолѣ сильный и здоровый работникъ, не могъ владѣть не только сохой или косой, но даже ложкой,—съ трудомъ передвигалъ ноги и не иначе принималъ пищу, какъ изъ рукъ жены и дѣтей... Правда, онъ испросилъ прощенія у матери,—которая вскорѣ затѣмъ умерла, сталъ тихъ и смиренъ какъ дитя; но жизнь его часъ отъ часу становилась тягостнѣе. Былъ онъ и у святыхъ угодниковъ,—въ Кіевѣ, Почаевѣ и другихъ мѣстахъ, но Богу не угодно было, не смотря на его слезныя мольбы, даровать ему исцѣленіе... Такъ прошло 13 лѣтъ; наконецъ, болѣзнь его до того усилилась, что онъ почти не могъ ходить; позвали къ нему священника; онъ исповѣдался и причастился Святыхъ Таинъ. Это укрѣпило его настолько, что онъ сталъ свободно говорить, и поучивъ довольно дѣтей и родныхъ, какъ тяжекъ грѣхъ непочтенія къ родителямъ, мирно скончался... (Странникъ за 1864 г.).

Вотъ что значитъ клятва родительская! Да хранитъ Богъ каждаго отъ этого ужаснаго несчастія! Дѣти! Помните сказанное въ Словѣ Божіемъ. Благословеніе отчее утверждаетъ домы чадъ, клятва же материня искореняетъ до основанія (Сир. 3, 9).

Родители, ради Бога, ради вашего же счастія, ради спасенія душъ дѣтей вашихъ, берегитесь произносить на

нихъ слово клятвенное! Это мечъ-обоюдоострый. Онъ убьетъ дѣтей вашихъ, но и васъ самихъ не минуетъ за то гнѣвъ Божій.

Д. Б—въ.

(Воскресное чтеніе 1895 г. № 31—32 $\frac{30 \text{ іюля}}{6 \text{ августа.}}$).

Знаменательное сновидѣніе матери о судьбѣ ея сына.

Мать казненнаго декабриста Кондратія Рылѣева заранѣе предвидѣла печальную судьбу своего сына, раскрывшуюся ей во снѣ. Вотъ что она разсказывала въ кругу своихъ знакомыхъ объ этомъ вѣщемъ знаменательномъ снѣ:

„Конѣ было всего три года, когда онъ, дорогой любимый мой мальчикъ опасно, безнадежно занемогъ. Вѣроятно то былъ крупъ или дифтеритъ,—доктора не объяснили мнѣ; они, созванные на консиліумъ, только качали головой, сознавая всю невозможность выздоровленія ребенка. Онъ не проживетъ и до утра,—сказали они нянѣ, плакавшей о Коничкѣ. Мнѣ, видя мое полное отчаяніе, они не рѣшались говорить объ этомъ, но развѣ я не замѣчала сама всей опасности положенія бѣдняжки. Онъ, задыхаясь, метался на постелькѣ, сжимая тоненькія исхудавшія, бѣдныя ручки, уже не узнавая меня, своей матери.

—„Радость, счастье, сокровище мое, неужели ты уйдешь отъ меня?! Уйдешь!.. нѣтъ, это невозможно, немыслимо!.. Развѣ могу я пережить тебя!.. шептала я, обливая слезами эти дорогія мнѣ ручки.—Развѣ нѣтъ спасенія!.. Есть оно, есть... Спасеніе одно милосердіе Божіе... Спа-

ситель, Царица небесная возвратятъ мнѣ моего мальчика, возвратятъ, и снова онъ, здоровенькій, весело улыбнется мнѣ!.. А если нѣтъ!.. О, Боже, поддержи меня несчастную!..

И въ страшномъ отчаяніи своемъ упала я предъ ликами Спасителя и Богородицы, освѣщенными мерцающимъ свѣтомъ лампады, и жарко, горячо молилась о выздоровленіи моего крошки. Молилась такъ, какъ никогда потомъ не могла сосредоточиться пламенно на молитвѣ. Тогда я всю душу свою вложила въ слова не заученнаго обращенія къ Господу.

Не знаю, сколько времени длился молитвенный экстазъ мой... Помню только, что всѣмъ существомъ моимъ овладѣла какая-то непонятная, свѣтлая радость, какое то тихое чувство покоя... Меня точно что-то убаюкивало, навѣвая сонъ. Вѣки мои отяжелѣли. Я едва поднялась съ колѣнъ и, сѣвъ у кровати больного, облокотясь на нее, тотчасъ же забылась легкимъ сномъ. До сихъ поръ не могу отдать себѣ отчета, былъ-ли то сонъ, или я дѣйствительно услыхала о, какъ ясно услышала чей-то незнакомый, но такой сладкозвучный голосъ, говорящій мнѣ:

— Опомнись, не моли Господа о выздоровленіи... Онъ Всевѣдущій, знаетъ зачѣмъ нужна теперь смерть ребенка... Изъ благости, изъ милосердія Своего хочетъ Онъ избавить его и тебя отъ будущихъ страданій... Что, если я тебѣ покажу ихъ. Неужели и тогда будешь ты, все-таки молить о выздоровленіи!..

— Да... да... буду... буду... все... все... отдамъ... приму сама какія угодно страданія, лишь бы онъ, счастіе моей жизни, остался живъ!.. говорила я, съ

мольбой обращаясь въ ту сторону, откуда слышался голосъ, тщетно стараясь разглядѣть, кому онъ можетъ принадлежать.

— Ну, такъ слѣдуй за мной...

— И я, повинуясь чудному голосу, шла, сама не зная куда. Предъ собой видѣла я только длинный рядъ комнатъ. Первая изъ нихъ по всей обстановкѣ своей была та же самая, гдѣ лежалъ мой умирающій ребенокъ.

Но онъ уже не умиралъ... Не слышно было болѣе свиста, или какъ бы предсмертнаго хрипа, выходившаго изъ горлышка... Нѣтъ, онъ тихо, сладко спалъ, съ легкимъ румянцемъ на щекахъ, улыбаясь во снѣ... Крошка мой былъ совсѣмъ здоровъ! Я хотѣла подойти къ кроваткѣ его, но голосъ звалъ уже меня въ другую комнату.

Тамъ крѣпкій, сильный, рѣзвый мальчикъ; онъ начиналъ ужъ учиться, кругомъ на столѣ лежали книжки, тетради.

Далѣе, постепенно, видѣла я его юношей, затѣмъ взрослымъ... на службѣ...

Но вотъ ужъ предпослѣдняя комната. Въ ней сидѣло много совсѣмъ незнакомыхъ мнѣ лицъ. Они оживленно совѣщались, спорили, шумѣли. Сынъ мой съ видимымъ возбужденіемъ говоритъ имъ о чемъ то. Но тутъ снова слышу я голосъ, и въ звукахъ какъ бы болѣе грозныя, рѣзкія ноты.

— Смотри: одумайся, безумная!.. Когда ты увидишь то, что скрывается за этимъ занавѣсомъ, отдѣляющимъ послѣднюю комнату отъ другихъ, будетъ уже поздно!.. Лучше покорись, не проси жизни ребенку, теперь еще ангелу такому, не знающему житейскаго зла...

Но я съ крикомъ: „Нѣтъ, нѣтъ, хочу, чтобъ жилъ онъ“... задыхаясь, спѣшила къ занавѣсу. Тогда онъ медленно приподнялся,— и я увидѣла висѣлицу!..

Я громко вскрикнула и очнулась. Первымъ движеніемъ моимъ было наклониться къ ребенку, и, какъ выразить удивленіе мое... онъ спокойно, сладко спалъ, ровное, тихое дыханіе смѣнило болѣзненный свистъ въ горлѣ; щечки порозовѣли, и вскорѣ, просыпаясь, онъ протянулъ ко мнѣ ручки, зовя „маму“. Я стояла какъ очарованная, и ничего не могла понять и сообразить... Что это такое?... Все тотъ же ли сонъ или радостная дѣйствительность?.. Но вѣдь все точно какъ было во снѣ тамъ, въ первой комнатѣ...

Все еще не довѣряя глазамъ своимъ, я кликнула няню и вмѣстѣ съ нею убѣдилась въ чудѣ исцѣленія приговоренпаго къ смерти младенца. Няня передала мнѣ рѣшеніе докторовъ о невозможности его выздоровленія. И надо было видѣть изумленіе одного изъ этихъ эскулаповъ, пріѣхавшаго на другой день освѣдомиться о часѣ кончины мальчика, когда няня вмѣсто трупа показала ему спокойно сидящаго на постелькѣ Коню, здороваго и веселаго.

— Да вѣдь это-же чудо, чудо!..—твердилъ онъ.

Время шло, а сонъ мой исполнялся съ буквальною точностью во всѣхъ, даже самыхъ мелкихъ подробностяхъ... и юность его, и наконецъ, тѣ тайныя сборища.

„Болѣе не могу продолжать!.. Вы поймите... эта смерть... висѣлица... О, Боже!“..

(Воскресное чтеніе 1894 г. № 43—44).

Сила молитвы.

Зная по опыту, какъ отрадно и утѣшительно дѣйствуютъ на душу разсказы устные и печатные о нѣкоторыхъ выдающихся обстоятельствахъ въ жизни людей вѣрующихъ, гдѣ особенно поразительно ясно является сила молитвы и милосердіе Божіе, или Матери Божіей, нашей заступницы, я для утѣшенія многихъ скорбящихъ душъ хочу передать слышанный отъ очевидца разсказъ.

Въ нашемъ приходѣ особымъ уваженіемъ издавна пользуется одинъ крестьянинъ пожилыхъ лѣтъ, человѣкъ грамотный , трезвый, честный и умный, занимающій съ пользою одну изъ общественныхъ должностей. Но не всегда онъ былъ такимъ, какъ оказывается. Жена его, скромная, простая женщина, однажды, разговорившись о своемъ житьѣ-бытьѣ, между прочимъ упомянула, что смолоду она видѣла много горя, и слезъ пролила не мало, потому что мужъ ея велъ очень безнравственную и нетрезвую жизнь. Собесѣдница ея такъ удивлена была ея словами, что сначала подумала, что разсказчица, вѣроятно, была такъ несчастлива въ первомъ бракѣ, и что рѣчь идетъ не объ настоящемъ ея мужѣ, этомъ уважаемомъ человѣкѣ. «Нѣтъ, родимая», отвѣчала она, «я дѣвушкой сиротой выдана была за него вдовца и съ той поры живу съ нимъ».

— «Да что же это такое было съ нимъ? И отъ чего онъ могъ не только исправиться, но и заслужить всеобщее уваженіе?» спросила ее собесѣдница.—«Ахъ, это матушка Царица Небесная заступилась. А какъ это все было-то, сейчасъ тебѣ разскажу, родимая ты моя!»

«Было это дѣло осенью; холода большіе наступили, и трое моихъ дѣтокъ лежали въ оспѣ почти при смерти. Это ли не великая скорбь для материнскаго сердца?! Но скорбь эта не одна была у меня въ то время: муженекъ мой имѣлъ въ сосѣдней деревнѣ красильное заведеніе и тамъ большею частью проживалъ, тамъ же въ мѣстномъ трактирѣ по часту и пропивалъ свой заработокъ. И вотъ, какъ сейчасъ помню, наступилъ праздникъ Казанской Божіей Матери; рано по утру приходитъ къ намъ въ домъ сосѣдка наша и разсказываетъ, что мужъ мой опять запилъ на пропалую, пропилъ даже съ себя всю одежду и остался совсѣмъ въ одной рубашкѣ.

Не въ первый разъ уже случалось мнѣ слышать и видѣть его безобразное пьянство, но въ этотъ-то разъ, при смертной болѣзни моихъ дѣтушекъ, ужъ очень это поразило меня, я упала на лавку и зарыдала съ отчаяніемъ въ сердцѣ. Сосѣдка испугалась даже за меня; принялась было меня уговаривать, но, видя, что не въ силахъ успокоить меня, вспомнила, что нынче праздникъ-то большой и затѣмъ уговорила меня идти съ нею въ церковь помолиться Богу—«авось либо тебѣ полегчаетъ, отлегнетъ хоть маленько отъ сердца-то», говорила она, «а за ребятами свекровь покуда походитъ». Не зная, куда мнѣ дѣться отъ своего лютаго горя, я встала, рыдая, и пошла въ церковь. Въ церкви, когда мы пришли туда, пѣли очень умилительно «Заступница усердная!..» Слезы полились у меня рѣкою, я упала на колѣни и плакала и молилась, а сердце мое точно разрывалось на части отъ горя. Никого не видѣла я вокругъ себя, слышу только, наконецъ, сзади: «что это она такъ плачетъ-то? или у ней отецъ съ матерью умерли?»—«Нѣтъ»,

говорятъ другіе, «у ней давно нѣтъ ни отца ни матери, житье ей очень плохое, мужъ-то ея...» Я еще горче заплакала, еще горячѣе молилась: «Матушка! Заступница Ты моя! Какъ же мнѣ жить-то?!... Не уйду отъ Тебя, заступись! Вступись за меня сироту горькую!!...» И вступилась же Царица небесная! Услышала мою слезную, горькую молитву. Ахъ! и сейчасъ не забуду: пришла это я домой-то, гляжу и глазамъ не вѣрю: мужъ-то мой дома и не пьяный. У меня вдругъ какъ-то сорвалось: что же это, Господи!... Аль вытрезвляешься?—«Да», отвѣтилъ онъ тихонько, а самъ смотритъ таково боязливо. И разсказалъ онъ, родимая ты моя, что какъ всталъ онъ утромъ, такъ и отправился прямехонько въ трактиръ опохмѣляться; подошелъ къ самой двери, взялся уже за скобу, только вдругъ точно кто крикнулъ на него: «воротись, ступай домой!» Онъ не оглядываясь, бросился бѣжать, въ испугѣ, не раздумывая, кто бы могъ такъ отогнать его, и такъ пришелъ домой, не понимая, что съ нимъ дѣлается. Когда же я съ горя и радости вмѣстѣ, плача, стала разсказывать, какъ была я въ церкви, и какъ молила Царицу небесную, Заступницу, то и поняли мы съ нимъ со страхомъ и великою радостію, что это никто, какъ Она матушка, Заступница наша, попечалилась о насъ предъ Богомъ и воротила его отъ погибели-то этой. И съ этого дня, родимая ты моя, хоть бы онъ каплю какую взялъ въ ротъ по сіе время, а ужъ этому больше 25-ти лѣтъ теперь будетъ.

Такъ вотъ, вѣдаешь, мы каждый годъ въ Казанскую-то (22 окт.) и служимъ молебенъ съ этихъ поръ, какъ обѣщались. И икону Казанской Божіей Матери мы въ ту же пору задумали написать въ память нашей радости и благо-

дарности Заступницѣ. Самъ мужъ-то и въ Москву тогда за ней ѣздилъ. А еще какъ ждали-то то мы его съ иконою, вотъ удивительное тоже дѣло было! Сижу я всю ночь и огонь у меня горѣлъ, все жду его; только вдругъ дѣвчурка моя глядитъ на меня и спрашиваетъ: «матушка, пріѣхалъ тятя-то?» — «Нѣтъ» — говорю, «не пріѣзжалъ еще». — «Да какъ же не пріѣзжалъ, я его сейчасъ вотъ тутъ видѣла въ бѣлой. пребѣлой рубашкѣ! А икона-то новая на лавочкѣ стояла, гдѣ-жъ она!?» Мнѣ жутко даже стало, я принялась увѣрять дѣвочку свою, что ей приснилось. — «Нѣтъ, матушка я не спала, а все глядѣла и на тебя, и на батюшку, и на икону». Вскорѣ и въ самомъ дѣлѣ пріѣхалъ мужъ мой съ иконою. И возрадовались же мы всѣ, что привелъ Господь намъ получить такую радость въ своемъ домѣ.

Такъ-то, родимая, закончила свою истинную повѣсть разсказчица, и по гробъ буду помнить, какую милость великую сотворила намъ Заступница наша, Царица небесная».

(Кал. Еп. Вѣд.).

Трое нищихъ.

(Изъ разсказовъ простолюдина).

Бредутъ сумерками трое нищихъ по глухимъ улицамъ города—возвращаются къ себѣ на ночлегъ.

— Ходилъ, ходилъ день-деньской, сказалъ одинъ нищій, дрожа отъ холода, гдѣ не былъ?... Всѣхъ обошелъ, а ничего почесть не набралъ.

— И у меня сума тоже пустая, сказалъ другой, а всѣ ноги отбилъ ходивши, измерзъ весь, а толку никакого.

— Плохо нынче подаютъ милостыню, промолвилъ третій нищій,—люди скупы стали, Бога забыли. Просишь, просишь, а ничего не выпросишь. Время, знать, такое пришло. Очерствѣло человѣческое сердце; изсохла въ немъ жалость къ ближнему. Вотъ, прежде, бывало, не въ примѣръ лучше подавали, чѣмъ теперь. Люди были милостивѣе и сердобольнѣе нынѣшнихъ.

Потужили нищіе и поплелись своей дорогой.

Шли, шли они и опять заговорили между собою.

— Если бы я былъ богатъ, братцы, сказалъ одинъ нищій, ну хоть бы къ примѣру, молвить, у меня много скотины было, то я бы не только овцой, теленкомъ бы цѣлымъ подавалъ...не то, что теленкомъ, я бы по цѣлой коровѣ дойной давалъ нищимъ!

— А я если бы былъ богачемъ, сказалъ другой, ну, хотя бы у меня много, примѣрно, хлѣба было, то я бы не то-что по большущему куску, я бы по цѣлому караваю, да не то-что по караваю, а по цѣлой телѣгѣ ржи подавалъ бы бѣднымъ.

Ну, а я, проговорилъ третій нищій, если бы я былъ богачемъ и имѣлъ много денегъ, то не копѣйками, а рублями, да не то-что рублями, а цѣлыми пригоршнями отдавалъ бы деньги нищимъ.

Отъ Бога ничего нельзя утаить, и Богъ слышалъ весь этотъ разговоръ трехъ нищихъ.

Прияли они каждый на свой ночлегъ, поглодали корочекъ, запили водицей, помолились Богу и легли спать.

Проснулся утромъ одинъ нищій и надивиться не можетъ, что такое случилось. Легъ онъ бѣднымъ, а всталъ богачемъ. И домъ у него большой, и теплынь въ домѣ такая, все равно, что лѣтомъ въ жаркій день. Вышелъ онъ на дворъ, дворъ у него просторный и конца не видать, а скотины на дворѣ всякой считать не пересчитать—и коровы, и свиньи, и овцы!.. Перекрестился онъ, поблагодарилъ Бога и зажилъ въ богатствѣ.

Проснулся другой нищій и видитъ, что лежитъ онъ не въ ветхой избенкѣ и не на голой лавкѣ, на которой вчера заснулъ, а въ богатыхъ покояхъ, на мягкой пуховой постели. Всталъ онъ, глянулъ въ окно, а кругомъ дома все какъ есть одоньями хлѣба заставлено и конца не разглядишь одоньямъ! И сказываютъ ему, что это все его.

Когда проснулся третій нищій, увидалъ онъ себя въ такихъ высокихъ хоромахъ, что и подняться туда трудно. И куда онъ не оглянется, стоятъ все большущіе сундуки съ деньгами и въ каждомъ изъ нихъ серебро и золото такъ и блестятъ. Глазамъ своимъ не вѣритъ онъ, а слуги, которые стоятъ возлѣ него, докладываютъ ему, что это все его и ждутъ отъ него приказаній. Помолился нищій Богу и сталъ жить припѣваючи.

Живутъ нищіе такимъ манеромъ годъ, живутъ два и не видятъ, какъ время летитъ. И тепло имъ въ трескучіе морозы, когда иные дрогнутъ на улицѣ въ рваной одежонкѣ и сытно, и весело, и заботушки никакой нѣтъ. И всякій хвалитъ ихъ, и всякій превозноситъ, всякій на перерывъ считаетъ за честь познакомиться съ ними, а завидитъ на улицѣ, за версту шапку скидаетъ.

Тогда Богъ призываетъ къ себѣ ангела и говоритъ ему: лети ты на землю, отыщи ты тамъ трехъ нищихъ, которыхъ Я, по ихъ желанію, сдѣлалъ богатыми. Они жаловались на нищету свою и сѣтовали на то, что нынче мало стали подавать милостыню бѣднымъ и обѣщались, если станутъ сами богатыми, подавать нищимъ, не жалѣя для нихъ ничего. Ступай къ нимъ и испытай ихъ, такъ ли они живутъ и такъ ли они пользуются каждый своимъ богатствомъ, какъ обѣщались. Прилетѣлъ ангелъ на землю и пришелъ онъ въ рубищѣ прежде всего къ тому нищему, у котораго, когда онъ разбогатѣлъ, было много всякаго скота на дворѣ.

— Дай мнѣ, говоритъ онъ ему, Христа ради, коровку съ молокомъ. У тебя такъ много коровъ, что ты не изубытчишься отъ того, если отдашь мнѣ одну. А у меня малыя ребятишки, одинъ одного меньше, а капельки молочка нѣтъ. Нечѣмъ мнѣ ихъ поить и нечѣмъ кормить.

Посмотрѣлъ разбогатѣвшій нищій на него и говоритъ ему:

— Вишь, что выдумалъ—отдай я ему цѣлую дойную корову?... я нажилъ ее, и ты самъ наживай. Жалко ему стало отдать корову нищему.

— Вѣдь у меня дѣти малыя, а молочка у нихъ капельки нѣтъ, сказалъ опять ангелъ.

— И ихъ посылай наживать, отвѣчалъ богачъ и подалъ ему только небольшой кусочекъ мяса.—Дѣтей, пожалуй, пришли ко мнѣ, прибавилъ онъ, дамъ имъ молочка, а дойную корову не дамъ.

Отошелъ отъ него ангелъ и въ томъ же рубищѣ пошелъ

къ другому нищему, у котораго, когда онъ разбогатѣлъ, видимо-невидимо стояло вокругъ дома одоньевъ съ хлѣбомъ.

— Подай мнѣ милостыню Христа ради, сказалъ ему ангелъ.

Разбогатѣвшій нищій подалъ ему маленькій кусочекъ хлѣба.

Ты бы мнѣ, молвилъ ему ангелъ,—подалъ четверточку ржи. У меня много малыхъ дѣтей, а хлѣба въ домѣ совсѣмъ нѣтъ и кормить мнѣ ихъ нечѣмъ.

— Вишь ты, отвѣчалъ ему богачъ, что вздумалъ—цѣлую четверть ржи, чтобы я тебѣ далъ! Нѣтъ, этого много съ тебя. Я нажилъ себѣ самъ, поди и ты наживай.

— Дай мнѣ только четверть ржи, сказалъ ему опять ангелъ.—Вѣдь у тебя много одоньевъ съ хлѣбомъ—конца имъ не видно. А у меня дѣти малыя, ѣсть хотятъ: а нечего имъ дать.

— Посылай и дѣтей наживать, отвѣчалъ на это богачъ.

Замолкъ ангелъ и пошелъ къ третьему нищему, къ тому самому, у котораго теперь сундуки были полны золотомъ и серебромъ, и который жилъ въ такихъ высокихъ хоромахъ, что и къ окну близко подойти нельзя было. Сталъ онъ внизу подъ окномъ и началъ громко просить, чтобы ему подали милостыню. Богачъ, услыхавши голосъ нищаго, сжалился надъ нимъ, и видя у себя цѣлые сундуки съ деньгами, взялъ горсть золота и бросилъ ему въ окно. Тогда ангелъ зашелъ съ другой стороны дома, къ другому окну и опять сталъ громко просить милостыню. Богачъ, взглянувши въ окно, бросилъ ему двѣ горсти денегъ и только, улыбнувшись, сказалъ нищему: «какой ты наяливый!»

Ангелъ посмотрѣлъ на него и высыпалъ ему подъ окно обратно всѣ деньги.

— Не я назойливый, сказалъ онъ, а ты. Я просилъ у тебя милостыню и ты подалъ мнѣ щедро; не пожалѣлъ для меня цѣлой горсти золота. Я хотѣлъ испытать тебя и съизнова сталъ просить еще подать мнѣ. Ты опять не отказалъ и подалъ мнѣ вдвое противъ прежняго. Иди и будь спокоенъ. Богатство, которое тебѣ далъ Богъ, останется при тебѣ для того, чтобы ты имъ дѣлился съ бѣдными и убогими.

И разбогатѣвшій нищій остался богачемъ. Изъ другихъ же двухъ нищихъ, сдѣлавшихся богатыми, одинъ проснулся утромъ и увидалъ, что онъ лежитъ опять въ холодной, старой избенкѣ, а на дворѣ у него пусто и ничего нѣтъ— ни единаго скирда хлѣба. Другой, у котораго полонъ дворъ былъ всякой скотины, лежалъ утромъ на голой лавкѣ, а на дворѣ у него ни единой скотины не оказалось. Какъ былъ онъ нищимъ, такъ опять нищимъ и остался.

Господь наказалъ ихъ обоихъ за то, что они, ставши богатыми, сдѣлались скупы и алчны, и забыли своихъ малыхъ братій.

(Сарат. Губ. Вѣд. 1893 г. № 23).

Сила вѣры.

I.

Въ бѣдно-убранной комнатѣ мелко-чиновничьяго семейства умиралъ послѣдній ребенокъ. Въ семьѣ было четверо дѣтей; трое изъ нихъ умерли раньше: теперь умиралъ отъ «круна» четвертый—любимый самый и послѣдній... Мать цѣлыми днями просиживала у изголовья умирающаго, и истощивъ уже всѣ слезы, смотрѣла воспаленными, полными жалости и скорби глазами на высохшее, сморщенное и поблекшее личико своего отходящаго ангела. Докторъ былъ сегодня утромъ и рѣшительно объявилъ, что «наукѣ больше ничего не остается дѣлать въ данномъ случаѣ, но..., что для Бога, конечно, все возможно...».

Отецъ съ утра въ должности; какъ ушелъ, такъ и не приходилъ еще..., а ужъ начинаетъ смеркаться и на дворѣ поднялась такая мятель, что и не приведи Господи!...

Ребенокъ сталъ тяжело дышать; воздуху не доставало ему: въ комнатѣ было и тѣсно, и темно, и душно...

— Мама! сдѣлай вѣтерокъ,—прохрипѣлъ съ величайшимъ усиліемъ умирающій, и бѣдная мать начала колыхать воздухъ, размахивая развернутымъ носовымъ платкомъ надъ головой маленькаго страдальца. И слегка освѣженный этимъ вѣяніемъ ребенокъ начиналъ засыпать, а мать продолжала надъ нимъ сидѣть съ тою же скорбью въ глазахъ и жалостью, съ тѣмъ же ущемленнымъ въ груди наболѣвшимъ сердцемъ.

И стали навертываться ей разныя думы о томъ, какъ чудесною помощью святыхъ угодниковъ не разъ спасались и возвращались къ жизни умирающіе. И несчастная мать

тихо опустилась на колѣни у кроватки больного и начала жарко молиться.

Не разъ уже и прежде этого она маливалась такъ, но никогда еще молитва не облегчала до такой степени ея души, какъ теперь. Она положила послѣдній земной поклонъ, встала, глубоко вздохнула и перекрестила спавшаго ребенка.

Послѣ того, вспомнивъ, что завтра воскресенье, она затеплила лампадку передъ образомъ Богоматери и, еще разъ набожно и съ вѣрой воззрѣвъ на ликъ Пресвятой Дѣвы, опустилась на стулъ, на которомъ въ неустанномъ бдѣніи проводила и день и ночь уже пятыя тяжелыя сутки.

II.

Въ эти самые часы, когда скорбная мать мучительно ждала съ минуты на минуту смерти возлюбленнаго своего ребенка, отецъ, томимый тяжелымъ предчувствіемъ, работалъ надъ годовымъ отчетомъ въ своей конторѣ. Два раза покушался онъ отпроситься домой ранѣе урочнаго часа и оба раза тщетно: строгій и,—Богъ ему судья,—безчувственный сердцемъ начальникъ, когда бѣдный отецъ умиравшаго ребенка сталъ приводить ему мотивы, рѣзко оборвалъ его: «у меня, батенька мой, тоже есть дѣти, и дѣти эти такъ же, какъ и ваше, болѣютъ; а видѣли ли вы меня когда-нибудь, чтобы я бросилъ мой служебный постъ раньше положеннаго времени?»—Это было въ первый разъ, а когда въ другой разъ, не видя конца предпраздничной работѣ, несчастный чиновникъ, измаявшись отъ мучительныхъ думъ, попытался снова разжалобить каменное сердце начальника, тотъ безъ всякой уже деликатности оборвалъ его: «у васъ умираетъ, говорите вы, ребенокъ... Что-же, поможетъ ему ваше при-

сутствіе?... Ну, если вы вѣруете въ чудеса, пошлите телеграмму отцу Іоанну Кронштадтскому: можетъ быть, его молитвою спасется вашъ ребенокъ...».

Слова эти были произнесены съ нескрываемымъ чувствомъ невѣрія и какой-то злобной ироніи; но бѣдный отецъ умиравшаго сына принялъ ихъ въ свое сердце тепло и съ глубокой вѣрой. Онъ немедля написалъ телеграмму по извѣстному адресу на имя отца Іоанна и, какъ только вырвался съ должности, бѣгомъ бросился на телеграфную станцію лично сдать ее. Телеграмма, какъ и можно представить себѣ, начертана была подъ вліяніемъ горячаго чувства вѣры, въ ней стояло только нѣсколько словъ: «молитесь о выздоровленіи умирающаго отрока Димитрія!»

И за эту короткую телеграмму бѣдный чиновникъ заплатилъ чуть не послѣднія деньги.

III.

Когда телеграмма летѣла электрическою искрою по проволокамъ на тысячеверстное разстояніе, совершая ежедневное чудо человѣческихъ рукъ, другое, нечеловѣческое чудо совершалось въ бѣдно-убранной, тѣсной и душной комнатѣ, гдѣ лежалъ умирающій ребенокъ.

Мать сидѣла молча и неподвижно; ребенокъ неровно и тяжело дышалъ; свѣтъ лампады, ровно сіяя на металлической свѣтлой ризѣ иконы, проливалъ на лица этой печальной сцены ровный и тихій свѣтъ. Вдругъ дверь тихо отворилась... такъ тихо, что даже пламя лампадки не всколыхнулось и продолжало ровно горѣть. Въ комнату вошелъ священникъ. Мать, удивленная и обрадованная этимъ же-

ланнымъ и неожиданнымъ явленіемъ, встала ему на встрѣчу и поклонилась. Священникъ поднялъ руку и благословилъ ее. Затѣмъ онъ подошелъ къ кровати больного ребенка и, остановивъ на немъ долгій, внимательный, исполненный восторженной вѣры и любви взоръ, перевелъ этотъ взоръ на образъ— и слова пламенной молитвы стали слетать съ его устъ. Онъ долго и прилежно молился и, наконецъ, возведя очи вверхъ, какъ бы къ видимому имъ тамъ Богу благодати, священникъ простеръ руки къ Нему и, постоявъ такъ нѣсколько времени, медленно опустилъ ихъ на спавшаго все время ребенка...

Мать стояла на колѣняхъ позади священника и, слѣдуя его примѣру, тоже молилась и клала земные поклоны. Когда она встала и поднялась на ноги и оглянулась вокругъ—въ комнатѣ уже никого не было. Лампада теплилась по прежнему ровно; дверь была заперта; ни одного звука не было слышно ни кругомъ, ни около... Ребенокъ спалъ, но дыханіе его было ровнѣе и спокойнѣе, въ немъ не слышалось болѣе хрипѣнья и стоновъ. Мать, не зная что думать о случившемся, сѣла на свое обычное мѣсто у изголовья ребенка; но тутъ она вдругъ почувствовала, что сонъ сковываетъ ея члены,—она закрыла глаза и погрузилась въ глубокое, полное забытье.

IV.

Утромъ на другой день, когда мать проснулась и взглянула на подушку больного ребенка, просіявшій взоръ ея встрѣтился съ улыбкой ея Мити: мальчикъ лежалъ словно преображенный. Личико его было, правда, худо и блѣдно,

но на немъ отражалось теперь чувство жизни: глазки свѣтились тихимъ сіяніемъ какой-то глубокой, затаенной радости. Онъ держалъ въ рукахъ свой шейный крестикъ и забавляясь разсматривалъ его. Отецъ уже успѣлъ покормить его молокомъ и стоялъ тутъ же у кровати, радостными глазами и улыбкой безъ словъ поздравляя жену съ спасеннымъ ребенкомъ.

— Ну, слава Тебѣ, Господи!—вырвалось изъ души матери,—видно молитва священника сильнѣе, чѣмъ всѣ эти докторскія микстуры!—и она разсказала пораженному удивленіемъ мужу о томъ, какъ вчера вошелъ къ нимъ неизвѣстный священникъ и молился надъ изголовьемъ умиравшаго ихъ мальчика. Отецъ спасеннаго ребенка молча выслушалъ разсказъ жены; потомъ онъ подошелъ къ комоду и долго тамъ рылся по ящикамъ, разбирая въ нихъ что-то и ища; наконецъ, найдя въ пачкѣ писемъ и бумагъ завалявшуюся фотографическую карточку, онъ взялъ ее, поднесъ женѣ и спросилъ:—ты видѣла когда-нибудь это лицо?—Жена, вмѣсто отвѣта, схватила карточку, взглянула на нее долгимъ, удивленнымъ взоромъ, и медленно проговорила:—Господи Іисусе Христе, да вѣдь это онъ и былъ вчера и молился здѣсь!...—Это отецъ Іоаннъ Кронштадтскій, его молитва и спасла нашего Митю!—И онъ разсказалъ женѣ о посланной имъ вчера телеграммѣ.

Въ тотъ же самый день и въ тотъ же часъ Богъ посѣтилъ и семью гордаго начальника того бѣднаго чиновника, о которомъ идетъ рѣчь. Въ то время, когда онъ былъ въ клубѣ, играя пятый роберъ, ему вдругъ дали знать, что младшій мальчикъ его заболѣлъ приступомъ глисть. Когда онъ пріѣхалъ домой, ребенокъ былъ уже трупомъ...

Это произошло въ городѣ М-искѣ, въ прошломъ году, зимою,—въ то самое время, когда газеты наши извѣщали о пребываніи о. Іоанна въ Архангельской губерніи.

(Свѣтъ, 1892 г., № 302).

Отецъ и дѣти.

(Разсказъ).

Боринъ имѣлъ троихъ дѣтей. Много заботъ и хлопотъ стоило отцу (мать умерла рано) поддержать жизнь и здоровье своихъ дѣтей, дать имъ образованіе, направлять и ободрять ихъ во время ученія, опредѣлить и укрѣпить ихъ на первыхъ шагахъ жизни.

И вотъ выросли сыновья, кончили ученье, поступили на службу и поженились. И не могъ нарадоваться отецъ, глядя на счастье своихъ дѣтей. Какіе они всѣ бравые молодцы, какія добрыя ихъ жены, какъ прекрасны и милы ихъ малютки!

Весело отдыхалъ отецъ въ кругу своего семейства. Ему пріятно было видѣть трезвую, осмысленную и бодрую дѣятельность своихъ сыновей; ему нравилась хлопотливая расторопность ихъ добрыхъ женъ; какъ шумъ бурливаго ручейка, какъ щебетанье веселой попрыгуньи-птички, его забавляли дѣтскій смѣхъ и говоръ. Глядя на эту семью, всѣ сознавали, что есть еще счастіе на землѣ. Такъ-же думалъ и самъ счастливый отецъ, и все чаще и чаще онъ по долгу засиживался у того или у другого изъ своихъ сыновей. Ему не хотѣлось уже ѣхать къ себѣ домой; его

не тянуло въ этотъ большой, роскошный домъ. Тамъ пусто, тамъ скучно. Какъ тяжело ему было оставаться одному! Глубоко вздыхая, онъ то садился въ кресла и пробовалъ что-нибудь читать, то ходилъ по комнатѣ изъ угла въ уголъ. Наконецъ, онъ не выдержалъ. Сидя однажды въ кругу своей семьи, держа на колѣняхъ своихъ двухъ маленькихъ внуковъ, которые поминутно цѣплялись въ его сѣдую бороду, онъ сказалъ своимъ сыновьямъ:

— «Дѣти мои! Вы видите сами, какъ я люблю часто и по долгу бывать съ вами, въ вашемъ семейномъ кругу, среди вашихъ милыхъ дѣтей, моихъ дорогихъ внуковъ. Скучно мнѣ одному, и меня невольно тянетъ къ вамъ сюда,— сюда, гдѣ такая тихая радость жизни, гдѣ рѣзвые голоса дѣтокъ будятъ мое сердце, мою мысль. Я улыбаюсь имъ, я смѣюсь съ ними, какъ улыбаются и радуются восходящему дневному свѣтилу. И вы поймете, что мнѣ хочется быть ближе къ вамъ, около вашей радости, жить вашей жизнію... Мнѣ уже немного осталось жить»...

— «Что вы, что вы. папаша»? заговорили всѣ.

— «Такъ, такъ, дорогія дѣтки! Обманывать себя не будемъ. Старикъ уже я, и на закатѣ дней своихъ я хочу быть и умереть среди васъ. Все, что я имѣю. все свое имущество и капиталъ я раздѣлю поровну между вами, а самъ поживу, сколько мнѣ осталось, у моего старшаго сына. Думаю, что онъ не откажетъ мнѣ въ этомъ послѣднемъ пріютѣ».

— «Помилуйте, помилуйте, папаша! Что вы это говорите»?

И каждый изъ сыновей началъ просить добраго отца къ себѣ на жительство; съ особымъ соревнованіемъ ихъ просьбу подхватили и молодыя жены... Но отецъ рѣшилъ поселиться у старшаго сына.

Весело жилось отцу у старшаго сына. Хорошо ему было и у другихъ сыновей, когда случалось бывать у нихъ. Всѣ его любили и почитали. Его встрѣчали и провожали съ глубокимъ уваженіемъ, каждый спѣшилъ встать, идти къ нему на встрѣчу, помочь раздѣться. какъ нибудь и чѣмъ нибудь услужить. Предъ нимъ всѣ разступались, и на семейномъ обѣдѣ убѣленный сѣдинами старикъ занималъ первое мѣсто. Вели тихую бесѣду, говорили ласковыя рѣчи, давали другъ другу совѣты и указанія, какія кто могъ, и слово отца было для всѣхъ закономъ. Величавая и торжественная картина семейнаго счастія!

Наконецъ. отецъ объявилъ о раздѣлѣ имущества и далъ каждому сыну по ровной части. Всѣ благодарили отца и радовались такому раздѣлу имущества. Всѣ были, повидимому, довольны и жизнь пошла обычной своей колеей.

Приближалось лѣто. Пошли толки о дачахъ, о лѣтнихъ поѣздкахъ, увеселеніяхъ и пр. Всѣмъ хотѣлось, какъ можно, веселѣе провести лѣтнее время. Желанія и фантазіи разыгрывались до большихъ размѣровъ... Не разъ слышалъ эти восторженные толки и старикъ-отецъ отъ своихъ сыновей, особенно же отъ ихъ женъ. Не понравилось ему это...

И вотъ однажды. сидя за чаемъ, отецъ сказалъ своему старшему сыну:

— «И зачѣмъ вамъ такъ сорить деньгами? Нанимать такую дорогую дачу? Воздухъ тамъ плохой, народу много.

погулять именно на чистомъ и свѣжемъ воздухѣ—негдѣ. А вѣдь больше всего нужно заботиться о здоровьи. Лучше бы нанять дачу поскромнѣе, но въ сосновомъ лѣсу, недалеко отъ рѣки; оно бы было и спокойнѣе, и полезнѣе. Я бы хотѣлъ, чтобы вы такъ сдѣлали».

— «Да и я такъ думаю, сказалъ сынъ. Что же вы подѣлаете съ нашими женами? Онѣ уже который разъ падали въ истерику, въ обморокъ; уже сколько разъ у нихъ переболѣли головы, побывали всѣ эти мигрени; сколько разъ онѣ призывали небесную кару на этихъ мучителей, тирановъ, деспотовъ-мужей, и все-таки стоятъ на своемъ. Что съ ними подѣлаешь? И вѣдь добьются своего, не смотря на то, что мужья ихъ такіе тираны».

Сынъ посмотрѣлъ ласково на свою Сопю, но она не удостоила его своимъ вниманіемъ и ничего не сказала. Все время за чаемъ только и бесѣдовали отецъ съ сыномъ.

Что было послѣ между супругами, неизвѣстно...

Только утромъ старикъ отецъ невольно услышалъ долетавшія до него слова:

— «Скажите пожалуйста, живетъ сколько времени у насъ, далъ намъ одинаковую съ другими часть и еще мѣшается въ наши дѣла? Странно! Этого еще не доставало...»

Умолкъ старикъ и больше отъ него не слыхали ни слова...

И всѣ, какъ будто, стали забывать о своемъ отцѣ. Побывали на дачѣ, пришла осень и всѣ возвратились въ городъ, въ свои дома. Старикъ осунулся, пожелтѣлъ и все чаще и чаще удалялся въ свою комнату.

Но изрѣдка его все же навѣщали. Тогда онъ оживалъ, бодрость, какъ будто, къ нему возвращалась, онъ говорилъ; но говорилъ, больше все о посторонних̀ъ предметахъ и почти всегда со своими сыновьями. Женамъ было некогда за многими хлопотами, да и не о чемъ было говорить со старикомъ отцомъ.—«О чемъ съ нимъ говорить-то? спрашивали онѣ; интересы у насъ разные...».

Такъ шло, такъ тянулось время.

Однажды, какъ-то случайно, заѣхала къ Сонѣ Наташа, жена младшаго брата, мужа Сони. Спрашиваетъ,—нѣтъ дома ни Сони, ни мужа ея. Въ это время выходитъ къ ней старикъ-отецъ и проситъ ее посидѣть у него, пока вернется Соня.—«О чемъ говорить съ нимъ, подумала Наташа? Вѣдь это скука будетъ страшная! Дай-ка я сама буду безъ умолку болтать все, что придетъ въ голову. Все-таки веселѣе будетъ! А тѣмъ временемъ и Соня пріѣдетъ». Все это быстро мелькнуло въ головѣ Наташи и чуть не быстрѣе полилась рѣчь скорая, живая... Наташа говорила и говорила, точно боясь, что ее остановятъ.

Старикъ понялъ и, опустивъ голову, слушалъ болтовню молодой женщины.

Мелькомъ какъ-то Наташа взглянула на столъ и увидѣла незнакомую ей доселѣ шкатулочку.

— «А это что у васъ за шкатулочка, папаша?»

При этомъ Наташа захотѣла приподнять ее, шкатулочка оказалась довольно тяжела, Наташа съ изумленіемъ посмотрѣла на отца.

— «Дитя мое, сказалъ старикъ грустно,—ты порхаешь и веселишься, не чувствуешь еще всей превратности жизни» (Наташа готова была уже зѣвнуть. Вѣроятно что-то неинтересное и въ шкатулкѣ-то у него, подумала она. А впрочемъ, что дальше будетъ. Посмотримъ. И сдержала зѣвоту). — «Въ этой шкатулкѣ, которую ты видишь, я собралъ все, что могъ, на черный день. Кто знаетъ, что будетъ со мною!» (Э-э-э, сообразила мигомъ Наташа. Да вѣдь это, должно быть, все деньги? Вотъ прекрасно!... Что же тутъ и разговаривать-то?)—«Я старъ... А тяжело молодымъ жить и переносить недомоганье, а подъ часъ и капризы стариковъ. Зачѣмъ стѣснять молодую жизнь? Хотя и тяжело, а придется, видно мнѣ, на старости лѣтъ жить одному. А если нѣтъ, то эти крохи останутся тому, у кого я окончу свои дни...»

— «Ахъ, что вы, что вы, папаша. Затараторила Наташа. Да вы переѣзжайте къ намъ.—У насъ и комната такая есть, какъ разъ для васъ. окна въ садъ, отдѣльный ходъ, обои темненькіе. мебель вся мягкая».

Старикъ улыбнулся.—«Право, право переѣзжайте. Я мужу скажу. Нѣтъ,—несносная эта Соня! До сихъ поръ нѣтъ. До свиданія, папаша. Такъ вы у насъ, рѣшено!»

И прежде, чѣмъ старикъ успѣлъ что нибудь сказать, Наташа была уже за дверьми.

— «Скорѣе, скорѣе, Иванъ, поѣзжай домой», сказала кучеру Наташа.

— «Ну, и барыня! Что это съ ней? подумалъ Иванъ.—Говорила давече—по магазинамъ поѣдемъ, а теперь домой. Извѣстно, баре!» И погналъ лошадей.

Пріѣзжаетъ Наташа домой и о, радость! у ней давно уже сидитъ, ожидая ее, Соня. Дѣло въ томъ, что Наташа забыла, что вчера еще просила Соню заѣхать къ себѣ и вмѣстѣ отправиться по магазинамъ.

— «Ахъ душечка! А я и забыла! Гдѣ я была, какъ ты думаешь? А ну, отгадай! Да нѣтъ, нѣтъ. Не старайся. Молчи, молчи, молчи. Вѣдь я была у тебя. А что? Не ожидала? Ну вотъ! Я такъ и знала. Какъ это хорошо! Я ее жду, а она меня. Ха-ха-ха!... Ахъ Боже мой, что я у тебя видѣла!... Вотъ ужъ не скажу! Ни за что не скажу! А, какъ это тебѣ покажется! Вѣдь папаша къ намъ хочетъ переѣхать! Такой добрый, право! Нѣтъ, нѣтъ, ты ужъ и не говори! Это душечка, уже рѣшено! А что, рада? А сказать, что я у тебя видѣла?»

— «Ну, говори—что ли», сказала Соня.

— «Да что тамъ? Такъ себѣ, не важное, видишь ли! Я была у тебя и говорила все время съ папашей. Такой, право, добрый. Такъ мнѣ много интереснаго разсказывалъ, все смѣшилъ и смѣшилъ. Я чуть было со смѣху не умерла. Оттого и примчалась сюда такая веселая! Правда, веселая? Ну?»...

— «Ну, ну, уже побуждала Соня, ты скажи-ка, что ты тамъ у меня видѣла».

— «Ну вотъ, смѣшилъ, смѣшилъ меня папаша, а потомъ и показываетъ мнѣ... Сказать что ли?»

— «Да говори же ты. Ахъ Боже мой! Вотъ натура-то!»

— «И показываетъ, знаешь, шкатулку. Я, конечно,— что-жъ тутъ такого особеннаго? Шкатулка, какъ и всѣ.

Мало-ль я ихъ видала!... Ахъ душечка, посмотри, посмотри! Вотъ та самая комната, которую мы отдаемъ папашѣ. И ему она очень, очень понравилась. А тебѣ нравится? Не правда ли? Отличная... Да, что же ты? Никакъ сердишься? Нѣтъ, вѣдь я же, право, не виновата, что папаша такъ полюбилъ насъ, что хочетъ и у насъ пожить!»

— «Да будетъ тебѣ! Остановись! Ты о шкатулкѣ то скажи».

— «Ахъ да-да-да! Прости! Вотъ было и забыла. Ну, душечка, онъ возьми да и открой мнѣ эту шкатулочку. Я такъ и ахнула,—у меня въ глазахъ зарябило. Все серебро и бумажки, бумажки, серебро, билеты и акціи... Ужъ я и не помню, какъ я очнулась, какъ сѣла въ экипажъ и поѣхала домой, тутъ только я и обрадовалась, увидѣвъ тебя. Да, впрочемъ, все это не важное; ты не обращай, пожалуйста, на меня вниманія. Вѣдь я много вздору говорю,—такъ, что придетъ на умъ, то и говорю. Вотъ мнѣ и весело... Такъ что же хорошо будетъ жить папашѣ у насъ, какъ ты думаешь?»

— «Да, да, да, прекрасно, отлично», протянула Соня. А сама въ то же время думала: «ну, милашечка, меня-то ты не проведешь. Вздоръ, вздоръ, а шкатулочку-то я не выпущу. Посмотримъ чья возьметъ».

Наташа наговорила Сонѣ еще что-то, говорила много и долго; наконецъ онѣ разстались.

Пріѣхавъ домой, Соня пошла штурмомъ на папеньку. Любезностямъ и усердію не было конца. Хотя было уже поздно, но Соня успѣла распорядиться, чтобы къ обѣду было

готово любимое кушанье папаши. Старикъ-отецъ сначала изумился,—а потомъ сталъ догадываться. Соня успѣла пробраться къ папенькѣ въ комнату и видѣла шкатулку... Этого было достаточно, чтобы она удвоила свои любезности и вниманіе къ отцу.

Вечеромъ, часамъ къ 8—9-ти, собрались всѣ невѣстки съ своими мужьями. Пріѣхала и Вѣра (жена средняго сына Борина), которой Наташа уже успѣла сообщить обо всемъ. Всѣ были такъ любезны и внимательны къ папашѣ, что побывали у него въ комнатѣ.

Всѣ видѣли шкатулку и трогали ее тихонько, невзначай. Всѣ убѣдились въ своихъ предположеніяхъ.

Только мужья узнали послѣ, каждый отъ своей жены. Они хотя и отнеслись къ этому критически, съ недовѣріемъ, однако же лучъ надежды загорѣлся и въ ихъ сердцахъ.

— «Откуда же у него можетъ быть много денегъ? Вѣдь онъ раздѣлилъ же между нами все имущество? говорили они между собой. А впрочемъ, кто же его знаетъ. Вѣроятно, оставилъ и для себя что-нибудь. А, можетъ быть, оставилъ себѣ такую же часть, какую и намъ далъ. Можетъ быть, можетъ быть»,—думали сыновья.

Какъ бы то ни было, но съ этихъ поръ отецъ сталъ предметомъ всеобщаго почитанія, уваженія,—предметомъ первыхъ заботъ и первой мысли. Наташа въ особенности способствовала этому тѣмъ, что все хлопотала и упрашивала отца переѣхать къ нимъ на жительство. Вѣра также усиленно работала въ этомъ же духѣ. А Соня должна была отчаянно отражать всѣ эти нападенія. Всѣ ясно сознавали, что у кого умретъ отецъ, тому достанется и эта завѣтная

шкатулочка. А такъ какъ въ этой шкатулочкѣ и было все дѣло, то всѣ споры и пререканія происходили въ сторонѣ отъ отца. Ему не хотѣли дать замѣтить этого. Старикъ только догадывался, что между сыновьями и ихъ женами шли какіе-то споры, совѣщанія. Но о чемъ были эти споры, ему, конечно, не говорили.

А споры были дѣйствительно горячіе и интересные. Чего только не было! И плакали, и смѣялись, и обижались, и восторгались, и пріѣзжали, и уѣзжали, и мирились, и ссорились. Время было самое оживленное и разнообразное. Наконецъ, всѣ приступили къ Сонѣ, и заставили ее дать торжественное обѣщаніе, что, въ случаѣ смерти отца, она должна подѣлиться шкатулкой. На этомъ успокоились умы и сердца сыновей и ихъ женъ. Стали ждать...

А время шло, годы летѣли... Жизнь старика-отца была окружена тѣмъ возможнымъ вниманіемъ и почтеніемъ, какое только могли оказать любящія дѣти.

Вернулись прежніе. веселые и радостные дни. Старикъ ожилъ духомъ и благодарилъ Бога.

Но не далекъ былъ и часъ смерти. Лѣтомъ 1878 года старикъ умеръ на рукахъ своихъ нѣжно-любимыхъ сыновей. Всѣ облеклись въ трауръ и съ глубокой скорбію, въ торжественной процессіи, проводили отца на вѣчный покой.

Послѣ похоронъ всѣ возвратились въ домъ старшаго сына, гдѣ жилъ отецъ, и Наташа первая подняла вопросъ о шкатулочкѣ. Рѣшили, не медля, вскрыть ее. Всѣ наклонились надъ шкатулочкой.

Настала страшная тишина... Нервное содроганіе охватило всѣхъ... Звякнулъ ключъ въ замкѣ и глазамъ при-

сутствующихъ предстали... мѣдные пятаки!... Сколько ни протирали глаза Наташа и Соня, а пятаки такъ и остались пятаками. Сосчитали... всего 26 рублей.

Дѣлить было нечего, и деньги всѣ достались Сонѣ.

— «Ахъ ты болтунья, Наташа! Думала съ досадой Соня.—И гдѣ эта она видѣла тутъ бумажки и билеты, и акціи? И вправду же все вздоръ молола».

А. К.

(Воскресное чтеніе, 1891 года, № 24-й).

„Никола“ не велитъ воровать.

(Быль).

Недавно вечеромъ мы сошлись у одного знакомаго. Еще съ утра поднялась вьюга, а къ вечеру разыгрался настоящій буранъ. Невольно завязался разговоръ о мятеляхъ, о поѣздкахъ и приключеніяхъ во время ихъ. Всякъ разсказывалъ, что зналъ: или о своемъ случаѣ, или о хорошо извѣстномъ ему приключеніи. Одинъ разсказъ особенно врѣзался въ память мнѣ, потому что мѣстность, гдѣ происходило дѣло, мнѣ хорошо знакома.

Прежде, чѣмъ приступить къ разсказу, необходимо познакомиться съ мѣстомъ дѣйствія и другими обстоятельствами, поясняющими разсказъ.

Болѣе десятка лѣтъ назадъ черезъ городъ Кузнецкъ, Саратовской губерніи, была проведена желѣзная дорога, которая много заработка дала разному рабочему люду.

Только ремесленники, какъ, напримѣръ, сапожники и портные, мало пользы видѣли отъ нея, а потому домашній бытъ ихъ нисколько не улучшился.

Особенно имъ тяжело было по зимамъ въ сильные вѣтры и морозы, когда ихъ утлыя хибарки-хижины были немного теплѣе простого амбара.

Полотномъ желѣзной дороги подъѣздъ въ городъ съ юго-восточной стороны ограниченъ 4-мя будками, изъ которыхъ 1-я и 2-я отъ вокзала—вблизи самаго города, а между второй и третьей будками, отъ самаго полотна желѣзной дороги, идетъ во внутрь города глубокій, крутой оврагъ, имѣющій мосты только внутри города. Поэтому проѣзжій, угодившій на 3-ю или 4-ю будку, долженъ сдѣлать большой объѣздъ, чтобы попасть въ базарную часть города.—Какъ ни глубокъ этотъ оврагъ, но жителямъ окраины города, гдѣ онъ пролегаетъ, онъ хорошо извѣстенъ.

Особенно дѣти любили лазить по нему: лѣтомъ—за птичками, которыя дѣлали въ берегахъ его гнѣзды, а зимой—съ мороженными скамейками (ледянками), устраивали катанье на берегу его.

Однажды, наканунѣ Николы, разыгралась страшная вьюга. Даже въ городѣ ходить и ѣздить было крайне непріятно, а въ полѣ зги не видать. Тяжело было проѣзжимъ, но не легче бѣднякамъ въ ихъ утлыхъ жилищахъ. Для первыхъ въ городѣ съ вечера поднялся медленный, спасательный звонъ, а вторымъ приходилось спасаться отъ холода—на печкахъ и полатяхъ въ своихъ хибаркахъ. Таково было положеніе и сапожника О—цова, съ женою и взрослымъ сыномъ, проживающаго на окраинѣ города, близъ вышеописаннаго оврага.

— «Холодно, Семка?» спросилъ сапожникъ сына.

— «Холодно, тятя!»

— «Вотъ дровецъ бы добиться, да желѣзную печку истопить. Есть беремя, да только на утро. Плохи наши дѣла: на хлѣбъ добились, а дровъ не на-что было купить».

Долго ли, коротко ли велась такая бесѣда, не знаю, но только отецъ встрепенулся:

— «Семка! пойдемъ оврагомъ къ будкѣ за шпалами! Вотъ у насъ и будетъ топливо».

— «Пойдемъ, тятя! Чай не замерзнемъ, а по шпалѣ принесемъ».

И вотъ отецъ съ сыномъ одѣлись въ свои шубенки и пошли за шпалами, сложенными на берегу оврага, недалеко отъ будки. Дошли до оврага и хотѣли уже спуститься въ оврагъ, какъ вдругъ послышался человѣческій крикъ на другой сторонѣ оврага. Оба остановились.

Крикъ повторился.

— «Семка! это заплутался кто-нибудь».

— «Должно быть, тятя»!

«Помогите...!» раздался тотъ же голосъ.

— «Пойдемъ, тятя! Кто это заплутался рядомъ съ городомъ»?

И отецъ и сынъ были одного убѣжденія, что непремѣнно нужно идти на помощь къ зовущему. Спустились въ оврагъ, выбрались на другую сторону и окликнули заплутавшагося.

Окликая зовущаго, добрались до мужика, лазившаго по снѣгу. Оказалось, что это былъ проѣзжій, попавшій на 3-ю будку и поѣхавшій прямо на городскіе огни, почему и свалился въ оврагъ съ лошадью и съ санями.

— «Въ саняхъ остались жена съ сынишкой», объяснялъ проѣзжій: «а я вылѣзъ изъ оврага и сталъ отыскивать дорогу, да вотъ уже усталъ: пожалуйста, помогите!»

— «Мы хорошо знаемъ оврагъ, сказалъ отецъ Семки:— указывай, гдѣ вы упали въ оврагъ?»

— «Тамъ, пойдемте!» указалъ мужикъ, и всѣ трое отправились къ оврагу.

Дѣйствительно, въ оврагѣ въ снѣгу были и лошадь и сани, а въ саняхъ плакали женщина и мальчикъ.—Немало дивились и наши спасители тому, какъ благополучно еще проѣзжіе упали въ оврагъ,—выпрягли лошадь, вывели ее на берегъ, потомъ и женщину съ мальчикомъ, и на возжахъ, при помощи лошади, вытащили изъ оврага сани.

— «Давай Семка, запряжемъ лошадь и вернемся назадъ на третью будку, а оттуда на нашу (вторую) будку; довеземъ ихъ до нашей избы, обогрѣемъ ихъ, а тамъ и на постоялый дворъ», говорилъ отецъ Семки. Бѣднякъ, спасая заплутавшихся и мерзнувшихъ людей, позабылъ, что изба его холодна, и что онъ пошелъ воровать дрова.

Когда лошадь была запряжена, проѣзжіе были усажены въ сани, отецъ Семки сѣлъ на козлы, а самъ Семка прилѣпился съ боку. Вотъ уже проѣхали злополучную третью будку; повернули вдоль желѣзной дороги на вторую будку и... скоро въѣхали въ городъ. Проѣзжій мужикъ почувствовалъ, что онъ страшно зябнетъ.

Дѣлать нечего, пришлось заѣхать къ сапожнику въ его избенку. И какимъ благодатнымъ мѣстомъ эта избенка показалась озябнувшимъ проѣзжимъ! Съ какимъ удовольствіемъ они обогрѣлись на едва тепленькой печкѣ! Все это хорошо можетъ вообразить только тотъ, кому самому пришлось когда-либо испытать такія непріятности, какія претерпѣли проѣзжіе.

Проѣзжій, вѣроятно, былъ человѣкъ состоятельный: вынулъ пятирублевую бумажку, далъ отцу Семки за его услуги и попросилъ проводить себя на постоялый дворъ. Нечего и говорить, что весьма охотно исполнилъ отецъ Семки эту послѣднюю просьбу проѣзжаго, а на утро съ великою радостію встрѣтилъ съ своей семьей «Николинъ день». Послѣ обѣдни онъ выпилъ немного за здоровье проѣзжихъ, закусилъ, а вся семья позабавилась чайкомъ.

— «Никола» не велитъ воровать,—заключилъ сапожникъ свой разсказъ о ночномъ приключеніи.

(Сарат. Губ. Вѣд. 1893 г.).

Стрѣлочникъ.

(Нравоучительный разсказъ).

На одной желѣзной дорогѣ жилъ стрѣлочникъ, отставной, уже пожилыхъ лѣтъ, но еще бодрый солдатъ, Емельянъ. Его стрѣлка была въ полѣ, въ концѣ выѣзда изъ большого города. Онъ помѣщался въ ближней сторожкѣ, съ женою Ариной и съ подросткомъ сыномъ, Васей, веселымъ и шустрымъ мальчикомъ. Емельянъ женился, лѣтъ семь тому назадъ, на молодой, работящей бабѣ и служилъ вообще исправно. Прежде онъ сильно пилъ, но, женившись и получивъ хорошее мѣсто, одумался, а съ недавняго времени опять втайнѣ началъ выпивать, и не то, чтобы съ горя, или возвратился прежній запой, а такъ—попробовалъ на радости, потомъ для компаніи, да и пошелъ куликать.

Жена въ страхѣ стала уговаривать его.

— Стыдись,—говорила она ему, когда онъ, бывало, опять опомнится:—жалованье пропиваешь: пропьешь скоро вовсе и совѣсть!

Временами Емельянъ бралъ за умъ и не касался до чарки, особенно, если никто изъ товарищей не подвертывался ему и не соблазнялъ его. Онъ усердно посѣщалъ церковь, былъ грамотный, съ чувствомъ читалъ, въ часы раскаянія, житія святыхъ—и тѣмъ, хотя отчасти, сдерживалъ себя.

Передъ Спасомъ Емельянъ былъ не на очереди. У кабака онъ увидѣлъ своего кума, угостилъ его—и самъ выпилъ. Загорѣлась въ немъ опять жажда къ водкѣ; казалось,

море-бы выпилъ; только онъ пересилилъ себя. Пришелъ къ вечеру въ сторожку и давай куражиться надъ хозяйкой.

Дошло дѣло до крупной ссоры. Приказалъ Емельянъ женѣ убраться, куда хочетъ.

Заплакала Арина, видитъ, ничего съ окаяннымъ не подѣлаешь. Отерла слезы, увязала въ узелокъ одеженку, заслонила печь, взяла краюху хлѣба, перекрестила спавшаго въ уголку Васю и пошла въ городъ.

Настала ночь. Хмѣль сильнѣе сталъ разбирать Емельяна.

— Чуръ меня, чуръ!—шепталъ Емельянъ: «не пойду, не стану пить!»—Онъ перекрестился.

— Выростетъ Васька,—разсуждалъ онъ,—обучу его грамотѣ, а кумъ-десятникъ пристроитъ его на правленскій счетъ въ дорожное училище. Станетъ онъ человѣкомъ. Да, не бабѣ оборудовать такое дѣло—нашему только брату, потому къ намъ за наши услуги благоволитъ начальство. Станетъ Васька слесаремъ, кочегаромъ, а далѣе и машинистомъ; будетъ водить поѣзда и за мои хлопоты доглядитъ отца до кончины дней. Что мать? по молитвамъ только выучила сына... оно ладно, да не прокормитъ... Емельянъ вздохнулъ.

— А надо правду сказать,—какъ онъ, пострѣленокъ, ловко за нее молится, всякія молитвы знаетъ,—отъ несчастій разныхъ, отъ злого случая и тяжкой, нежданной бѣды. Выучила сына, а все-таки, треклятая баба, мужа пьяницей зоветъ, не уважаетъ, озорница... А какой я пьяница? Изъ всѣхъ слугъ первый и главный слуга! И теперь хочется вотъ выпить, да не пойду.

Емельянъ собрался въ сторожку спать, да глянулъ по направленію къ городу. Издали черезъ дорожное полотно, какъ красный глазъ, еще свѣтилось окно въ крайнемъ городскомъ кабакѣ.

— Видно, еще рано: у кабатчика гости, и все, должно быть, наши?—подумалъ Емельянъ:—пойти развѣ такъ, на зло женѣ—только поглядѣть. Пусть плачетъ, чертова баба! Обвинила—хоть не даромъ слушать бабьи укоры.

И онъ опять пошелъ въ кабакъ.

Емельянъ уже не помнилъ, какъ онъ добрелъ въ сторожку. На зарѣ его разбудилъ голосъ Васьки.

— Тятя, тятенька,—повторялъ на всѣ лады мальчикъ, теребя его за рукавъ!—твоя очередь, старшой кликаетъ давно!

Емельянъ вскочилъ, сталъ протирать глаза. Утро только что начинало брезжить въ окно сторожки. Какъ ни трещала голова Емельяна, онъ умылъ Васю, причесалъ его, одѣлъ и накормилъ вчерашнею кашей. Но все это у него плохо выходило: непривычными къ дитяти руками онъ и рубашку его облилъ водой, и больно гребнемъ дергалъ его встрепанные волосы, и насилу розыскалъ подъ лавкой и напялилъ ему на ноги сапожки.

Вася прочелъ „Отче нашъ“ и „Богородицу“ и сталъ проситься поиграть, съ деревенскими ребятами, въ ближній березовый лѣсокъ.

— Да чего ты тамъ не видѣлъ?

— Галчата, тятенька; на березѣ цѣлое гнѣздо!

— Зачѣмъ такъ рано?

— Ребята сказываютъ, что теперь они одни, матки въ разлетѣ за ѣдой... Пусти; галчата прежде были махонькіе, голенькіе, а теперь вотъ какіе, въ перѣ...

— Ну, иди, Богъ съ тобой!—объявилъ Емельянъ: только не лазь на дерево,—еще оборвешься; собакъ тоже берегись; не забодали бы коровы въ лѣсу...

— Во-на? не боюсь.

Васька побѣжалъ въ поле. На дворѣ посвѣтлѣло, хотя надъ полемъ и окраинами города былъ еще туманъ. Поверхъ тумана блеснула маковка соборной колокольни. Емельянъ бросился къ стрѣлкѣ.

Вправо забѣлѣло облако дыма, и сталъ видѣнъ вдали медленно подходящій, изъ-за пригорка, товарный поѣздъ. За дорогою, надъ березками, поднялась стая галокъ. Емельянъ вспомнилъ о Васькѣ и о галчатахъ.

— Маху далъ,—подумалъ онъ—отпустилъ сына къ ребятамъ: не напроказили бы чего,—будетъ отъ жены! Ну, да ладно; пропущу товарный поѣздъ, отзову его.

Слѣва тѣмъ временемъ нежданно послышался другой болѣе сильный свистокъ. Емельянъ удивился, соображая:—неужели время уже подходитъ отъ города скорому, курьерскому поѣзду?—Проспалъ во хмѣлю!—съ досадой подумалъ Емельянъ.

Издали въ туманѣ послышались, перекликаясь, трубы ближайшихъ къ городу стрѣлочниковъ. На ихъ сигналы

отозвался и кривенькій, сосѣдній Емельяну стрѣлочникъ-матросъ, бывшій ночью въ кабакѣ; затрубилъ о свободномъ пути и Емельянъ, а самъ зорко смотритъ влѣво, за ближайшій мостъ: вотъ, вотъ, съ нѣмцемъ-машинистомъ выскочитъ изъ-за холма на мостъ утренній курьеръ.

Громыхнули слѣва, еще въ туманной дали, тяжелыя колеса и скрѣпы поѣзда; выдвинулся грузный, троеглазый паровикъ, и длиннымъ змѣемъ, по насыпи, стала приближаться вереница вагоновъ. Дымъ валилъ изъ черной трубы и стлался надъ дорожнымъ полотномъ и его откосами. Стало слышно пыхтѣніе широкотрубнаго, американскаго силача-паровика.

Но опять, видимо, не по положенію, оттуда же, слѣва повторился свистокъ и другой. Емельянъ ухватился за рукоятку стрѣлки.

— А, понимаю!—подумалъ онъ,—меня завидѣлъ и распозналъ глазастый нѣмецъ-машинистъ; полагаетъ, не выпилъ-ли я? Врешь, не собьюсь. Вижу все какъ на ладони; вонъ—справа подходитъ товарный, съ углемъ; ему одна дорога, а тебѣ—другая.

Тревожные свистки, однако, не унимались. Поѣздъ слѣва летѣлъ по насыпи, не убавляя хода.

- Что за оказія?—подумалъ, теряясь, Емельянъ: даетъ сигналы, а тормозить не умѣютъ, да и зачѣмъ?

Онъ глянулъ вдоль дорожнаго полотна и замеръ.

Товарный поѣздъ также несся къ березамъ. Тамъ, гдѣ деревья за стрѣлкой разошлись и къ нимъ изъ-за пригорка приближался товарный поѣздъ, машинистъ съ курьерскаго оче-

видно, примѣтилъ на рельсахъ что-то живое, не то овцу, не то человѣка, потому и давалъ свистки.

— Да что же это?—воскрикнулъ Емельянъ, не помня себя,—Господи, Господи!

На полотнѣ дороги, между двухъ, на полномъ ходу близившихся другъ къ другу поѣздовъ, онъ увидѣлъ что-то красное,—точно лоскутъ кумача несло по рельсамъ и поддувало вѣтромъ. Емельянъ въ ужасѣ узналъ красную рубашку Васи.

— Бѣги, бѣги въ сторону!—хотѣлъ было онъ крикнуть сыну и не могъ.—Нѣтъ, онъ еще испугается, споткнется и попадетъ подъ колеса!—пробѣжало въ мысляхъ Емельяна,—но какъ спасти его, какъ!

Оставалось одно средство,—повернуть стрѣлку и направить курьерскій по другому пути, на встрѣчу набѣгавшему товарному.

— Столкнутся, будетъ крушеніе, великій грѣхъ!—колебался Емельянъ,—да что-жь? сынъ вѣдь! единственный сынишка... Оставалось полминуты... Емельянъ уже налегъ было ногою на стрѣлку. Курьерскій поѣздъ гремѣлъ слѣва, въ ста шагахъ, перебѣгая невысокій каменный мостикъ, за которымъ у насыпи стоялъ Емельянъ. Дымъ отъ подходившаго справа товарнаго застилалъ березы и рельсы, среди которыхъ все еще мелькала красная рубашечка Васьки. Ребенокъ, наконецъ, самъ очевидно, понялъ угрожавшую ему бѣду. Онъ на мгновенье остановился, бросился вправо, бросился влѣво и, въ торопяхъ, зацѣпясь за шпалы, упалъ ничкомъ прямо на рельсы.

— Отче! Пресвятая Богородица!.. Ариша!—гдѣ ты? Прости касатикъ, молись!—прошепталъ Емельянъ.

Оставалась секунда.

Бѣлый, какъ полотно, Емельянъ вытянулся, подумалъ: «будь, что будетъ... Всѣмъ ли погибать за одного?»—и придерживая стрѣлку, остался неподвиженъ.

Курьерскій поѣздъ промчался мимо товарнаго. Крикъ ужаса раздался на обоихъ паровикахъ. Цѣпь вагоновъ, въ дыму и выпущенномъ парѣ, налетѣла на то мѣсто, гдѣ среди рельсовъ, припалъ комочкомъ Васька.

Паръ свился въ облачко, поднялся, протянулся и, словно бѣлолилейное, легкокрылое видѣніе, понесся въ воздухѣ.

Оба поѣзда остановились. Емельянъ бросился туда. Онъ бѣжалъ, не переводя духа и стараясь не думать о томъ, почему остановились вагоны, и соскочившіе съ поѣздовъ кондукторы и кочегары столпились у откоса, какъ бы разсматривая что-то, лежавшее на землѣ.

Емельянъ, обрываясь и падая по зеленому откосу, взобрался на насыпь. Бывшіе тамъ разступились. Среди нихъ на корточкахъ, съ галченкомъ въ рукѣ, сидѣлъ, вытращя глаза и плача, измаранный грязью Вася.

— Живъ, живъ!—крикнулъ Емельянъ, подбѣгая къ сыну и подхватывая его на руки:—сыночекъ! сынъ мой!

— На каблукъ гляди, на каблукъ! кричали стоявшіе кругомъ.

Емельянъ приподнялъ сына, осмотрѣлъ его ноги и упалъ на колѣни. Онъ сталъ молиться, кладя земные поклоны.

Вася былъ невредимъ. Цѣлый поѣздъ пролетѣлъ надъ нимъ, не придавивъ его. Всѣ дивились и ахали.

Поѣзда засвистѣли опять, загремѣли и разошлись. Долго Емельянъ не могъ опомниться. Онъ смотрѣлъ вдоль дороги, крестился и шепталъ молитву.

— Она тебя спасла!—проговорилъ онъ, наконецъ, взявъ сына за руку.

— Кто, тятя?—спросилъ мальчикъ, всхлипывая.

— Материнская молитва! больше некому... Отстоимъ очередь, пойдемъ къ мамѣ въ городъ.

— Нѣтъ, тятя, меня сдвинуло что-то бѣлое... я упалъ, а оно, точно дымъ, навалило—и отпихнуло меня.

Емельянъ пошелъ къ старшему съ сыномъ проситься въ городъ. Вася бѣжалъ рядомъ съ нимъ, держа въ рукахъ оравшаго галченка.

— Эхъ. Васютка, не ладно,—сказалъ отецъ:—зачѣмъ мучишь Божью тварь?

Сынъ удивленно посмотрѣлъ на отца.

— Пусти его на волю,—сказалъ Емельянъ: пусть живетъ и за насъ грѣшныхъ Господа славитъ. Вася пустилъ галченка. Тотъ полетѣлъ въ кусты. Емельянъ не спускалъ глазъ съ неба, ему казалось, что надъ кустами

и полемъ не переставалъ парить бѣлолилейный крылатый ангелъ.

Емельянъ засталъ Арину на городскомъ плоту. Онъ прямо къ женѣ.

— Прости, Аринушка.—сказалъ Емельянъ, кланяясь ей въ ноги, при всѣхъ: былъ на свѣтѣ старый пьяница, и баловникъ, загуливалъ и не по правдѣ жилъ, пойдемъ молебенъ править.—ты своими молитвами спасла сына, спасла и меня.

Всѣ въ городѣ узнали о чудѣ надъ Васькой. Но случилось и другое чудо. Съ той поры Емельянъ хмѣльнаго не пьетъ и въ кабакъ даже съ товарищами не ходитъ. Въ сторожкѣ, у образовъ, онъ помѣстилъ новую икону. На ней изображенъ, въ бѣлой ризѣ, крылатый Георгій Побѣдоносецъ, на конѣ и съ мечемъ, надъ поверженнымъ дьяволомъ. („Сарат. Губерн. Вѣдом." № 48).

(„Воскресное чтеніе" № 45, за 1890 г.)

Проклятіе матери.

Разсказъ.

На высокомъ берегу Волги раскинулось большое, богатое село. Чистенькіе и красивые стоятъ сельскіе домики, утопая въ зелени садовъ и огородовъ: далеко видать бѣлую, каменную церковь съ тѣнистой оградой и съ блестящимъ куполомъ. На самомъ концѣ села, на небольшомъ пригоркѣ, стоитъ маленькій деревянный домикъ. Покривились его стѣны, обветшали калитка и ворота.

Цѣлый садикъ разведенъ около бѣднаго домика. Душистая сирень и липа заглядываютъ въ маленькое окно домика и скрашиваютъ его убогость и непріятность. Нѣтъ ничего любопытнаго и въ домикѣ. Деревянныя стѣны, длинная лавка, русская печь, столъ деревянный, шкафъ, бѣдная кровать съ занавѣской и нѣсколько табуретокъ составляютъ все убранство бѣдной комнатки. Въ углу горитъ лампадка передъ иконами. Полъ чисто вымытъ и посыпанъ душистой травой.

Въ этомъ домикѣ живетъ еще нестарая женщина, давно извѣстная всему селу и окрестнымъ деревушкамъ, Агаѳья, такъ зовутъ ее, ходитъ всегда въ черномъ бѣдномъ платьѣ, съ чернымъ платкомъ на головѣ. Исхудалое, блѣдное строгое ея лицо и теперь еще поразительно красиво. Черные, слегка посѣдѣвшіе, волосы выбиваются изъ-подъ платка на ея чистый, словно мраморный лобъ. большіе печальные глаза глядятъ глубокимъ, серьезнымъ взглядомъ. тонкія, правильныя губы никогда не складываются въ улыбку.

Агаѳья всегда серьезна и печальна, всѣ ея движенья тихи и красивы. Она мало говоритъ, но никогда не сидитъ безъ дѣла. Своими руками она устроила садикъ, нѣсколько грядокъ позади домика, гдѣ насадила кое-какихъ хозяйственныхъ овощей. Сама она чиститъ, поливаетъ, ухаживаетъ за своимъ садикомъ. Нѣсколько куръ расхаживаютъ по маленькому, чистому дворику. Корова ея вычищена и вымыта всегда на-диво. Все маленькое хозяйство Агаѳьюшки въ полномъ порядкѣ. Чистота и порядокъ видны во всемъ.

А между тѣмъ она немного времени посвящаетъ своему хозяйству. Она постоянно занята въ селѣ. Ея тихая, скром-

ная фигура виднѣется то въ одномъ, то въ другомъ сельскомъ домикѣ. Тутъ она лѣчитъ, тамъ помогаетъ убираться, тамъ шьетъ и кроитъ. И вездѣ Агаѳья желанная гостья,—вездѣ ей привѣтъ и почетъ. Ребятишки не боятся ея серьезнаго, строгаго лица, они чуютъ своей дѣтской душой, сколько ласки и любви скрывается въ сердцѣ этой суровой женщины и, не отставая, бѣгаютъ за ней. И Агаѳья платитъ имъ горячей любовью. Она собираетъ ихъ у себя, учитъ ихъ, журитъ, сказки имъ разсказываетъ, часто и кормитъ и поитъ.

Любятъ ребятишки бывать у Агафьи. Усядутся они на лавкѣ у стола, буквари возьмутъ и вглядываются въ спокойное, строгое лицо Агафьи. А она тихимъ голосомъ учитъ ихъ, показываетъ, толкуетъ, и большіе грустные глаза ея съ неизъяснимой любовью глядятъ на дѣтскія лица, усердно склоненныя надъ книжкой.

«Учитесь, ребятишки, учитесь,—говоритъ она, тихонько шевеля спицами чулка,—для васъ вѣдь это польза... Ученье свѣтъ, а неученье тьма... Учитесь, да родителей слушайтесь, любите ихъ пуще всего»!.. И вдругъ оборвется на этихъ словахъ тихій голосъ Агаѳьи, торопливо отвернетъ она лицо отъ ребятокъ и долго, долго сидитъ неподвижно, въ тяжкой думѣ. Опомнится она отъ раздумья... долго поглядитъ на дѣтей... и снова начнетъ толковать имъ. Устанутъ ребятишки, Агаѳья ведетъ ихъ въ садикъ, учитъ тамъ чистить, поливать, разсаживать, толкуетъ о цвѣтахъ, о уходѣ за ними. Дѣвочкамъ работу даетъ домой, мальчикамъ уроки даетъ. Чуть не со слезами уходятъ отъ нея ребятишки. Долго стоитъ Агаѳья у калитки, долго смотритъ вслѣдъ ребяткамъ, тихо вздохнетъ, вернется въ свой опустѣлый домикъ и опять примется за дѣло.

На селѣ Агаѳью всѣ любятъ. За ребятишекъ бабы несутъ ей и муки, и масла, и яицъ, и холста, и куръ. Поблагодаритъ Агаѳья, немного себѣ возьметъ, половину раздастъ бѣднымъ. Но незамѣнимѣе всѣхъ Агаѳья, когда въ селѣ есть больные. Словно ангелъ-утѣшитель является она съ своимъ спокойнымъ лицомъ, тихо утѣшаетъ родныхъ больного, горячо молится съ ними. Нѣтъ лучше сидѣлки, какъ Агаѳья. Тихая, ровная, спокойная, она цѣлые ночи и дни, не смыкая глазъ, сидитъ у больного, ласково успокаиваетъ его, никогда не забываетъ подать во время лѣкарства.

Всѣмъ легче въ домѣ становится, какъ только приходитъ къ больному Агаѳья. И многихъ больныхъ выходила и вылѣчила она своими заботами и попеченіями. Пріѣзжалъ въ село изъ ближняго города докторъ нѣсколько разъ. Подивился онъ на Агаѳью, звалъ ее въ городъ, въ больницу сидѣлкой, жалованье хорошее предлагалъ и долго уговаривалъ. Все село боялось, какъ бы не ушла отъ нихъ Агаѳья, но она поблагодарила доктора, говоря, что никакого ей жалованья не надо, что ходитъ она за больными по своей охотѣ, своей жизнью довольна и никуда изъ села не пойдетъ. Уѣхалъ докторъ, а Агаѳья по прежнему ходила по больнымъ. Если умирали, трудно было отыскать кого-нибудь распорядительнѣе ея. Она успѣвала обмыть и одѣть покойника и почитать надъ нимъ, и всѣмъ распорядиться, и утѣшить всѣхъ. Кончились всѣ хлопоты и Агаѳья тихонько исчезала, отклоняясь отъ всякой благодарности, и уходила къ себѣ, въ свой домикъ, къ своему хозяйству. Въ свои отлучки она оставляла вмѣсто себя бѣдную дѣвушку-сиротку, очень тихую и скромную. Въ селѣ не любили сиротки,

считали ее дурочкой. Только Агаѳья приласкала бѣдняжку и помогала ей, чѣмъ могла. Жила бѣдная дѣвушка у своей старухи тетки, которая ею всячески помыкала и заставляла ее исполнять всю черную работу. Цѣлый день бѣдная Таня чистила, мыла, шила, вязала, стряпала, и за все это получала пинки и брань. Худое, некрасивое лицо Тани носило выраженіе страха и тупой покорности. Она отдыхала только въ скромномъ домикѣ Агаѳьи, когда та выпрашивала ее у тетки къ себѣ погостить. У Агаѳьи Таня отдыхала душой, ея блѣдное лицо озарялось радостью и улыбкой. Всей силой своего бѣднаго сердца она полюбила Агаѳью, для которой готова была отдать жизнь. И Агаѳья ласкала дѣвушку, ободряла ее, уговаривала тетку поберечь Таню: когда Таня плакала, возвращаясь домой, Агаѳья ласково утѣшала ее и, проводивъ, опять возвращалась въ свой домикъ. Вся ея жизнь шла въ заботѣ о другихъ. Одно ея любимое отдохновеніе было пойти и помолиться въ сельской церкви. Тихо становилась она въ углу церкви и съ горячей молитвой падала на колѣни передъ образами. Темные образа слабо освѣщались свѣчами, облака ладона носились по церкви, тихо звучало пѣніе сельскихъ пѣвчихъ. Большіе глаза Агаѳьи наполнялись слезами. Темный ликъ иконы, казалось ей, строго смотрѣлъ на нее. Она припадала горячимъ лбомъ къ полу и замирала въ страхѣ и мольбѣ. Кончалась служба. Темнѣло. Агаѳья тихо шла домой, задумчивая и тихая. Только лицо ея становилось яснѣе и красивѣе послѣ этой горячей молитвы.

Агаѳья родилась въ большомъ приволжскомъ городѣ и была единственною дочерью состоятельнаго купца. Радостно было ея дѣтство до самой смерти отца. Ее баловали, любили, учили и наряжали.

Когда умеръ отецъ, красавица Агаша подростала и умнѣла. Она хорошо училась и была любимицей отца. Мать ея, женщина добрая, но недалекая, скоро снова вышла замужъ за молодого купца. Вотчиму сразу не понравилась умная, красивая и бойкая Агаша. Завладѣвъ всѣмъ состояніемъ ея матери, онъ принялся мотать его направо и налѣво. Въ два года онъ промоталъ все, что могъ. Но за эти два года, видя частыя слезы матери и утѣшая ее, Агаша превратилась въ взрослую дѣвушку. Она много пережила и перечувствовала. За ненависть къ себѣ вотчима Агаша относилась къ нему холодно и враждебно. А ему хотѣлось забрать въ руки все, что оставилъ въ приданое Агашѣ ея отецъ. Агаша умоляла мать пожалѣть ее. Тогда вотчимъ пріискалъ для Агаши жениха, своего пріятеля. Красавица Агаша, удивлявшая всѣхъ своимъ умомъ и красотой, наотрѣзъ отказала жениху. Одинокая и заброшенная въ своей семьѣ, она случайно встрѣтилась и привязалась къ молодому художнику. Скромный и честный молодой человѣкъ боготворилъ умную красавицу и жилъ мечтой жениться на ней. Вотчимъ все это разузналъ. Тогда разыгралась страшная семейная исторія. Онъ истерзалъ, измучилъ мать Агаши, требуя, чтобы дѣвушка согласилась выйти замужъ за его пріятеля. Бѣдная женщина, измученная и больная, призвала Агашу и Христомъ Богомъ умоляла ее согласиться на эту свадьбу. Дѣвушка упорно отказывалась и призналась, что у ней есть женихъ, за котораго она выходитъ. Не помня себя, мать долго умоляла Агашу, упрашивала, угрожала и, встрѣтивъ упорный отказъ, внѣ себя, больная и надломленная, она проклила дочь и прогнала ее.

Агаша, не взявъ ничего съ собой, тихо ночью ушла

изъ родительскаго дома и черезъ недѣлю обвѣнчалась съ своимъ женихомъ.

Но съ той поры Агаша ни минуты не знала душевнаго покоя. Образъ бѣдной матери, съ проклятіемъ на устахъ, не давалъ ей покоя. Кое-какъ жили они съ мужемъ, перебиваясь изо-дня въ день. Когда мать ея смертельно заболѣла, Агаша украдкой пришла къ ней и долго умоляла ее о прощеньи. Исхудалая, блѣдная, мать ея тихо отвернула отъ нея свое лицо, искаженное предсмертной мукой. И теперь Агаѳья не можетъ вспомнить эту комнату, темную, всю пропитанную запахомъ лѣкарствъ, блѣдное, изможденное лицо больной. Когда мать отвернулась отъ нея, на Агашу напало отчаяніе. Не помня себя, она выбѣжала на улицу. Первою мыслью ея была смерть. Но она вдругъ вспомнила труженика мужа, своего ребенка и, убитая, тихо пошла домой. Но жизнь ея была изломана. Проклятіе матери страшнымъ гнетомъ легло на нее. Скоро умеръ ея мужъ, потомъ оба сына: разошлась и семья и хозяйство.

Отъ красавицы Агаши осталась одна тѣнь. Но она покорилась волѣ Божіей. Она собрала немного денегъ, отправилась въ приволжское село, гдѣ жила одна знакомая ей семья, и всю себя отдала другимъ. Купивъ избенку, устроивъ садикъ, Агаѳья сдѣлалась ангеломъ-хранителемъ всего села. Но даже и такая жизнь не успокаивала Агаѳью. Прошлое терзало ее. Проклятіе матери всюду преслѣдовало ее. „И ничѣмъ, ничѣмъ не замолить мнѣ его!“ терзалась несчастная. Когда это воспоминаніе терзало и мучило ее, она бросалась на полъ передъ иконой и неудержимо рыдала.

Тогда ее нельзя было узнать. Платокъ сползалъ съ головы, черные волосы разсыпались волной по плечамъ, блѣд-

ное лицо искажалось нечеловѣческой мукой. „Господи, прости, прости и помилуй!“ стонала она, ломая руки. „Матушка, прости и пошли мнѣ прощенье! Силъ нѣтъ, не могу, жизнь мнѣ въ тягость! Прости, Господи! Пошли ты мнѣ или смерть или тяжкое испытаніе! Пошли такое горе, чтобы смирилась душа, чтобъ тоска и мука не рвала сердце! Проклятая я, проклятая, Господи!“ И несчастная принималась рыдать. Казалось, эти страшныя рыданія разорвутъ эту худую, измученную грудь... Долго, долго плакала Агаѳья. Первые солнечные лучи заставали ее въ рыданіяхъ и молитвѣ. Измученная, съ красными отъ слезъ глазами, она поднималась съ полу и бралась за дѣло. Такъ шла ея жизнь, не облегчая ея измученнаго сердца.

Агаѳья вполнѣ покорилась волѣ Божіей и тихо дѣлала свое дѣло. Она ждала, что Господь или смилуется или еще накажетъ ее.

Тоска измучила ее; вездѣ казалось ей блѣдное, отвернувшееся лицо матери. И Агаѳья таяла какъ свѣчка. Ея прекрасное строгое лицо и тонкія руки стали совсѣмъ прозрачны. Глаза глядѣли еще печальнѣе и строже. Но дѣломъ она занималась еще серьезнѣе прежняго, больше ласкала ребятишекъ и усерднѣе ходила за больными. Настала осень, темная и сырая. Свинцовое небо отражалось въ мутныхъ волнахъ Волги. Въ одну темную и дождливую ночь страшный пожаръ встревожилъ все село. Зарево отражалось далеко въ темнотѣ. Горѣла изба Агаѳьи. Все село сбѣжалось спасать общую любимицу.

Крикъ ребятишекъ, плачъ женщинъ, трескъ огня—все слилось въ одинъ хаосъ. Всѣ бросились къ избушкѣ. Въ во-

ротахъ стояла озаренная пламенемъ, вся блѣдная Агаѳья, съ иконой въ рукахъ. Лицо ея было ясно и спокойно. Она ничего не позволила взять изъ горѣвшаго дома.

„Не надо, пусть горитъ: Богъ далъ, Богъ взялъ!“ говорила она. „Такова воля Божія,—это все искушеніе“. Вся блѣдная, она стояла передъ пораженными поселянами и шептала молитвы. Домъ горѣлъ. Никто не шевелился спасать его. Только бѣдная сиротка Таня, обезумѣвшая отъ горя, вырвалась изъ рукъ державшихъ ее крестьянъ и побѣжала спасать корову.

Агаѳья хотѣла остановить ее. Но дѣвушка не дала ей сказать слова: она не дорожила жизнью ради Агаѳьи, приласкавшей и пріютившей ее. Назадъ Таня не вернулась. Когда бросились искать ее, то нашли около крыльца уже мертвою: она задохлась въ дыму.

Агаѳья, увидавъ ее, побѣднѣла еще болѣе. Склонившись надъ трупомъ дѣвушки, она долго молчала, потомъ тихо поднялась и заговорила: „Это послѣднее слишкомъ тяжкое испытаніе! Молодая жизнь эта погибла ради меня! Господи! прости теперь и помилуй!“

„Православные!—обратилась она къ крестьянамъ,—проклята я матерью и это проклятіе камнемъ лежитъ на мнѣ! Нѣтъ мнѣ ни въ чемъ благословенія! Мужъ мой и дѣти умерли, домъ и все сгорѣло... все это наказаніе Божіе за проклятіе матери. Выше и страшнѣе оно всего на свѣтѣ. Тяжкимъ гнетомъ ложится оно на всю жизнь человѣческую! Невтерпежъ мнѣ было такъ жить! истерзалась я! Просила я Бога послать мнѣ тяжкое горе во искупленіе. Теперь... нѣтъ у меня ничего кромѣ иконы этой.

Переношу и тяжкое горе. Сгорѣло все у меня, да и жизнь человѣческая погибла въ огнѣ! Буду молить, чтобы это было послѣднее испытаніе, самое горькое и тяжкое!»

«И всю жизнь мою, сколько осталось мнѣ ея, буду молиться да благодарить Господа. Почитайте родителей и бойтесь ихъ проклятія! Охъ! Тяжко, православные! Помолитесь и вы, чтобы матушка простила меня! Прощайте, молитесь и не поминайте лихомъ».

Агаѳья тихо сошла съ крыльца и исчезла въ темнотѣ ночи, прежде чѣмъ кто-нибудь могъ опомниться. Пожаръ окончился, тихо тлѣли сырыя бревна, дождикъ сѣялъ сквозь густой туманъ. Агаѳья исчезла... Больше ее никогда въ селѣ никто не видалъ.

Вѣра П—ова.

(„Воскресный День“ № 2-й, за 1888 г.).

Поучительная исторія изъ жизни села Счастливаго.

(И старымъ и малымъ).

Погулялъ я по бѣлу свѣту: былъ и въ суровыхъ сибирскихъ лѣсахъ, и на вольномъ Кавказѣ, и въ Малороссіи, видѣлъ всякіе виды, а такого славнаго да привольнаго мѣстечка, какъ село Счастливое, видѣть еще не приходилось. И до сихъ поръ я съ большимъ удовольствіемъ вспоминаю это дорогое моему сердцу село. Ѣдешь, бывало, широкою степною дорогой, поросшей густою травой, а по сторонамъ зеленѣютъ изумрудные луга, перешептывается голубая рожь, а изъ нея выглядываютъ ярко красные васильки; въ воз-

духѣ звенятъ трели жаворонковъ, крики журавлей, жужжанье золотыхъ пчелокъ, трещанье кузнечиковъ. То промелькнетъ стройная бѣлоствольная береза, то выростетъ могучій столѣтній дубъ. Вотъ вдали темной полосой обрисовался лѣсъ. Ближе, ближе... Изъ чащи его то выглянетъ, то опять скроется блестящій золотой крестъ. Вы поднимаете лошадь въ карьеръ, выноситесь на высокій бугоръ, и предъ вами открывается такая чудная, восхитительная картина, что вы невольно натягиваете поводъ и останавливаетесь. Прямо передъ вами по склону горы темнѣетъ величественный лѣсъ, зеленѣютъ сады и изъ ихъ зелени выглядываютъ бѣлыя избы села Счастливаго. Въ самой серединѣ села стоитъ каменная церковь, золотой крестъ которой, благодаря ея возвышенному положенію, виденъ далеко, далеко. За селомъ опять лѣсъ, а въ немъ словно зеркала блестятъ широкія озера. Далѣе серебряною лентой извивается Хоперъ, а за нимъ словно въ дымкѣ виднѣются опять лѣса, села, церкви, озера... А какъ много говоритъ сердцу этотъ живописный видъ, какъ тепло, отрадно, весело становится на душѣ! Хотѣлось бы всѣмъ сказать объ этомъ чувствѣ, да развѣ есть такое слово, которое бы выразило всю душу!

Эхъ, да и хорошо же жилось счастливцамъ! Земли-ли, луговъ-ли, лѣсу-ли, всего у нихъ было много, а больше—чего же и надо крестьянину! Въ полѣ они сѣяли хлѣбъ, изъ лѣсу строили себѣ избы, въ садахъ у нихъ родилось столько плодовъ и ягодъ, что они кормили ими свиней, такъ какъ сбыту никакого не было, а трудолюбивыя пчелки кормили ихъ бѣлымъ душистымъ липовымъ медомъ. Кромѣ того въ лѣсу родились всевозможные грибы и ягоды, въ озерахъ водились караси, да какіе караси! Ну, право та-

кихъ карасей не стыдно бы подать самому исправнику. Да что исправникъ! И самъ генералъ, я думаю, не побрезговалъ бы ими, особенно, еслибъ ихъ приготовила въ сметанѣ сама бабушка Мысевна, которая слыла лучшей стряпухой во всемъ селѣ и даже, говорятъ, была поварихой у батюшки.

За 20 или 30, а можетъ быть и 40 лѣтъ до событія, которое служитъ предметомъ моего разсказа, с. Счастливое было маленькимъ поселкомъ, въ немъ было не болѣе 10 душъ, и оно не имѣло никакого названія. Только потомъ жители его стали называть себя счастливцами, а поселокъ Счастливымъ. Это названіе такъ и осталось за нимъ. Селомъ же оно сдѣлалось еще недавно. Самымъ старымъ жителемъ села Счастливаго безспорно былъ дѣдушка Ефимъ, который помнилъ, когда въ Счастливомъ было только 12 душъ, вмѣсто теперешнихъ 200, и былъ однимъ изъ его основателей. Не смотря на старость, память и умъ дѣдушки Ефима превосходно сохранились, и онъ пользовался въ селѣ репутаціею нелицемѣрнаго судьи и опытнаго совѣтника. Ни одно мало-мальски важное частное дѣло (я ужъ не говорю объ общественныхъ) не обходилось безъ участія дѣдушки Ефима. Поссорились ли мужъ съ женою, вздумали ли братья дѣлиться, всѣ спѣшатъ посовѣтоваться съ дѣдушкой Ефимомъ. И тотъ, бывало, все разсудитъ; да такъ разсудитъ, что объ стороны останутся довольны и объ благодарятъ дѣдушку Ефима. Обыкновенно дѣдъ Ефимъ производилъ „судъ и расправу", сидя на большомъ камнѣ около своей избы, въ тѣни развѣсистой бѣлоствольной березы.

— „Что скажете хорошаго?" бывало спроситъ онъ, поднимая слезящіеся глаза на почтительно стоявшихъ передъ

нимъ безъ шапокъ „просителей“ и старательно разглаживая свою сѣдую окладистую бороду.

— Да вотъ, Ефимъ Антоновичъ, къ твоей милости пришли,—начинаетъ одинъ, почтительно кланяясь: будь ласковъ. разсуди ты насъ съ женою, не поладимъ никакъ мы, не знаю что и дѣлать.

— А мы вотъ съ братомъ, подхватываютъ другіе, вздумали подѣлиться, да никакъ не сойдемся. чтобы никому, значитъ. не было обидно. Когда обѣ стороны представятъ свои объясненія, дѣдъ Ефимъ начинаетъ „судъ“ или, лучше сказать, даетъ нѣсколько добрыхъ и умныхъ совѣтовъ.

—Ты, скажетъ онъ мужу: обращайся-ка, свѣтъ, ласковѣй съ женою. потому ихъ полъ слабъ. Помни, что самъ Спаситель сказалъ: любите своихъ женъ, какъ свои тѣла. А ты, скажетъ женѣ: будь покорна мужу, ибо и святое писаніе говоритъ: Христосъ глава Церкви, а мужъ глава жены. Коли и безвинно, напрасно мужъ тебя оскорбитъ, при людяхъ стерпи, а потомъ наединѣ и выскажи свою обиду.

— А вы, друзья, скажетъ братьямъ, дурь-то эфту бросьте. Посмотрите, какъ Сидоровы живутъ: пять братьевъ вмѣстѣ, не дѣлятся, и живутъ, слава Богу, справно, какъ есть настоящими хозяевами. А вы еще путемъ и хозяйства не завели, и только и есть васъ двоечка, а ужъ стали на дыбы. Что-жъ изъ того, что отца у васъ нѣтути? Старшій братъ пусть будетъ за отца. Сами подумайте: теперь у васъ четыре лошади, а раздѣлитесь, будетъ по двѣ. А на одной парѣ куда меньше сработаешь. чѣмъ на одной четверкѣ, потому артель—великое дѣло. Да и то одну пару-то, пожалуй, придется продать. чтобы справить одному брату-то домъ и все такое. Такъ-то!

Обыкновенно дѣло кончалось тѣмъ, что тѣ и другіе примирялись, благодарили старика за совѣтъ и уходили домой. Такъ тихо и мирно подъ отеческимъ попеченіемъ старика текла жизнь счастливцевъ многіе, многіе годы. Но вдругъ случилось такое обстоятельство, которое поставило жизнь счастливцевъ совершенно иначе. Это былъ очень простой, безобразный случай, на какіе уже не обращаютъ вниманія въ нынѣшней деревнѣ, но самая возможность его показывала, что жизнь счастливцевъ вступила на новый путь, сразу отрѣшилась отъ выработанныхъ вѣками обычаевъ.

Дѣло въ томъ, что одинъ отчаянный гуляка, въ своемъ обычномъ настроеніи, т. е. порядочно навеселѣ, подошелъ къ дѣду Ефиму въ то время, какъ тотъ кого-то „судилъ“, и произнесъ рацею приблизительно такого содержанія: „ты, къ примѣру сказать, что объ себѣ помышляешь и какой такой къ примѣру; ты есть аблакатъ, чтобы, значитъ, каждое дѣло разсудить? Этакъ-то, къ примѣру, и я бы разсудилъ, а ты старый хрычъ и больше ничего, и слѣдовало бы тебѣ лежать на печкѣ вмѣсто того, чтобы въ чужія дѣла носъ совать!“

Эта рѣчь произвела ошеломляющее впечатлѣніе на стариковъ: они почувствовали, что отжили свой вѣкъ, и что молодежь желаетъ обойтись и отлично обойдется безъ нихъ; молодежь же дѣйствительно была того убѣжденія, что старикамъ пора и на покой.

Правда, наружно всѣ возмутились этимъ происшествіемъ, и только заступничество самого же дѣда Ефима спасло виноватаго отъ „розгачей“, но внутренно у большинства мелькнуло въ головѣ, что-де „такъ ему и надо“.

Съ этого времени дѣдъ Ефимъ и одномыслящіе съ нимъ старики очутились въ положеніи разбитыхъ...

Была весна. Счастливцы недавно отпахались и теперь отдыхали. Молодежь водила хороводы въ тѣни зеленыхъ садовъ и на изумрудной муравѣ: старики выползали на солнечный пригекъ и, слушая пѣсни молодежи, вспоминали о своей молодости, о минувшихъ печаляхъ и радостяхъ. Все, казалось, было такъ же, какъ и десять лѣтъ тому назадъ, но самаго поверхностнаго взгляда достаточно было, чтобы видѣть, что въ воздухѣ с. Счастливаго появились новыя вѣянія.

Наканунѣ какого-то праздника въ с. Счастливомъ появился торговецъ, объявившій, что онъ скупаетъ всевозможныхъ птицъ за хорошую цѣну. Раньше, когда счастливцами заправляли старики, торговецъ, конечно, получилъ-бы отказъ, такъ какъ однимъ изъ убѣжденій старой деревни была мысль, что большой, непрощеный грѣхъ обижать Божью тварь, которая тебѣ никакого вреда не дѣлаетъ, окромя пользы, но теперь дѣло было рѣшено иначе, и добрая половина счастливцевъ, вооружившись ружьями, стрѣлами и камнями, отправились въ лѣсъ и сады, чтобы истребить бѣдныхъ невинныхъ птичекъ. Дѣдъ Ефимъ въ этотъ день прихварывалъ и вышелъ на улицу только къ вечеру. Здѣсь ему прежде всего бросилась въ глаза телѣга торговца, къ которой со всѣхъ сторонъ ребята и взрослые тащили всевозможныхъ птичекъ. Дѣдъ Ефимъ разспросилъ, въ чемъ дѣло, и когда узналъ, то покачалъ головою и сказалъ: «Эхъ, глупыши, глупыши! помните, накажетъ васъ Богъ за это, разлучитъ онъ васъ съ дѣтьми вашими, какъ вы разлучили птичекъ съ дѣтьми!..»

И что же вы думаете? Такъ вѣдь и случилось, какъ сказалъ дѣдъ Ефимъ, и при томъ такъ, что всѣ счастливцы поняли, что Богъ наказалъ ихъ не за иное что, а за истребленіе птичекъ. Впрочемъ, слушайте, разскажу все по порядку.

Наступило лѣто. Хлѣба у счастливцевъ были великолѣпные, такіе, какихъ не было давнымъ давно. До созрѣванія оставалось 3—4 недѣли. Многіе уже отточили косы, вычистили тока. У всѣхъ на сердцѣ было легко и покойно, какъ вдругъ случилось обстоятельство, которое повергло всѣхъ въ отчаяніе. Въ одинъ воскресный день, когда всѣ почти счастливцы были на улицѣ, среди безоблачнаго неба появилась какая-то подозрительная туча, мѣднаго цвѣта, которая съ поразительной быстротой и шумомъ неслась съ юга, какъ ни напрягали зрѣніе счастливцы, они ничего не могли разобрать, пока туча надъ ними не разразилась. Только тогда счастливцы поняли, что это саранча. Принялись было они бить въ чугуны и ведра, стрѣлять изъ ружей, но тотчасъ же поняли, что отвратить бѣдствіе уже нельзя. Тогда счастливцы поголовно выѣхали въ поле и принялись за истребленіе саранчи: зарывали ее въ ямы, жгли огнемъ, заминали катками, но послѣ часовой работы увидѣли, что саранча не убываетъ, а какъ будто прибываетъ и уже успѣла съѣсть добрую половину хлѣба. Тогда рѣшили прекратить безполезную работу, и тутъ то вспомнили о дѣдѣ Ефимѣ и рѣшили попросить у него совѣта. Дѣдъ Ефимъ, который одинъ только во всемъ селѣ не потерялъ головы, тотчасъ же нашелся съ совѣтомъ. «Божіе наказаніе, произнесъ онъ, и Бога прежде всего мы должны просить о томъ, чтобы Онъ избавилъ насъ отъ него, а по-

тому давайте завтра же поднимемъ иконы и попросимъ священника отслужить молебенъ, а потомъ уже, памятуя, что „береженаго Богъ бережетъ“, всѣ примемся за истребленіе саранчи».

Никто въ селѣ Счастливомъ не спалъ въ эту памятную ночь. Да и можно ли было спать, когда грозилъ голодъ.

Едва заалѣлъ востокъ, всѣ, и старый и малый, подняли святыя иконы и отправились въ поле. Лица всѣхъ были насмурны, взоры потуплены. Всѣ мысленно вспоминали свои грѣхи и просили въ нихъ прощенья у Бога. Началось трогательное колѣнопреклоненное молебствіе. Почти всѣ плакали. А когда священникъ, дрожащимъ отъ волненія голосомъ, произнесъ: «внемли, Господи, людей стенаніе, скотовъ воіеніе, младенческій плачъ, и помилуйся, не погуби насъ гладомъ и отврати отъ насъ праведное Свое прещеніе»—то всѣ пали во прахъ и зарыдали. Служба на нѣсколько минутъ прекратилась, и лишь слышались рыданія и стоны.

Богъ услышалъ молитву счастливцевъ. Къ вечеру того же дня на ихъ поляхъ появилось такое количество скворцовъ, что они покрыли собою всю землю. Милыя птички дѣятельно принялись за истребленіе саранчи: когда насытились, убивали ее, не проглатывая. Съ какою любовью смотрѣли на нихъ счастливцы, какими ласковыми именами они называли этихъ маленькихъ птичекъ, которыхъ еще такъ недавно хотѣли совсѣмъ истребить. На слѣдующій день саранча была вся уничтожена.

«Вотъ, видите, говорилъ дѣдъ Ефимъ, какъ не злопамятны птички и на сколько онѣ лучше людей. Если вы

когда-нибудь забудете ихъ услугу, и будете опять ихъ преслѣдовать, то Богъ накажетъ васъ еще сильнѣе».

Хотя урожай вышелъ довольно плохимъ, такъ какъ болѣе половины хлѣбовъ было истреблено саранчей, но счастливцы благодарили Бога и за это. Зимою почти всѣ мужики отправились на заработки въ урожайныя мѣстности, такъ что слова дѣда Ефима, что Богъ разлучитъ отцевъ съ дѣтьми, исполнились. Не забыли счастливцы услуги, которую оказали имъ птички, и уже въ первую зиму, не смотря на то, что сами жили впроголодь, каждый день насыпали имъ зернышекъ, дѣлясь съ ними послѣднимъ запасомъ. А теперь, быть можетъ, они и забыли это и по прежнему истребляютъ птичекъ ради своей глупой прихоти.

(„Воскресное Чтеніе“, 1893 г. № 41—42).

Благоразумный, хозяйственный крестьянинъ.

(Разсказъ).

Хозяйственнаго мужика можно найти не въ каждой деревнѣ черноземныхъ губерній, но за то, встрѣтившись съ нимъ и изучивши его, невольно береть охота описать эту рѣдкость, затерянную среди остальнаго крестьянства. „Средній“ крестьянинъ той же черноземной полосы довольно своеобразно смотритъ на зажиточность и богатство вообще.

— На большой дорогѣ поддѣль!.. говоритъ онъ о какомъ-нибудь односельцѣ, орудующемъ теперь на снятіи земель, на ссудѣ подъ проценты и проч.

Или:

— Съ ворягами знался. вотъ и скопилъ... Ты думаешь хребтомъ-то много намозолишь?.. Нѣтъ, братъ, этимъ манеромъ только горбы наживаютъ, а не деньги... Отъ трудовъ праведныхъ не наживешь палатъ каменныхъ... Былъ голь, первая бѣднота на селѣ, а теперь вишь ты! и посѣвы, и сладкая ѣда, и домъ полная чаша...

Двадцать лѣтъ назадъ государственный крестьянинъ села Куксова, Ѳома Евстигнеевъ слылъ подъ именемъ Ѳомахи Евстюхина. Въ то время Ѳома былъ въ ужасной бѣдности. Жилъ онъ въ кривой и гнилой лачугѣ, державшей тепло только потому, что зимой Ѳома заваливалъ ее отъ земли до крыши навозомъ. Въ этой лачугѣ тѣснилась вся семья изъ десяти человѣкъ, малъ мала меньше. На дворѣ изъ полуразрушенныхъ плетней, кое-какъ прикрытыхъ соломой, плелась скелетообразная лошадь, напоминавшая болѣе заморенную козу, которая съ тоски и безкормицы обрывала крышу и лѣниво пережевывала пучки камыша и соломы. Ни коровы, ни овецъ, ни свиней Ѳома не водилъ—не на что было купить.

— Здорово захудалъ ты, Ѳома! немножко съ упрекомъ, немножко съ сожалѣніемъ замѣчалъ ему тесть его, пріѣзжавшій иногда навѣдаться къ дочери.

— Куда подашься? отвѣчалъ зять съ веселой улыбкой на лицѣ.—Вишь сколько этого добра у меня!.. указывалъ онъ на бѣлоголовыхъ ребятишекъ. Одного хлѣба не успѣешь наготовиться... а тамъ подати... Спасибо еще кумъ Митрій выручилъ, внесъ... стало быть, три десятины взялся

у него ржи убрать... Дастъ Богъ и мы поправимся... Такъ вѣдь, Арина?..

— Ты, Ѳома, какой-то чудной! Другому на твоемъ мѣстѣ плакать бы... а ты только смѣешься!..

— О чемъ плакать-то? удивлялся Ѳома. Ты думаешь, я горюю, что у меня дѣтей много? То-есть, ни на вотъ эстолько!.. Кому другому ребята горе, а намъ съ Ариной они въ радость... Гляди, отъ дѣтей и жить начнемъ...

И Ѳома принимался ласкать свою дѣтвору, осаждавшую его со всѣхъ сторонъ.

Отъ природы онъ былъ немножко созерцатель, любившій въ праздникъ полежать на задворкахъ, въ тѣни отъ солнечнаго пригека. Тутъ, полузакрывши глаза, Ѳома предавался мечтаніямъ о будущемъ. Не озлобляясь на свою бѣдность, недостатки и на то высокомѣрное, съ оттѣнкомъ полупрезрѣнія, отношеніе, которое встрѣчалъ онъ отъ зажиточныхъ односельчанъ,—Ѳома просто любилъ рисовать картину обыкновенной трудовой семьи, въ которой каждый на своемъ мѣстѣ, при своемъ собственномъ дѣлѣ.

Разработывая эту картину во всѣхъ подробностяхъ, Ѳома составилъ цѣлый планъ, имѣющій поднять и построить его благосостояніе на самыхъ прочныхъ основахъ. Ѳома какими-то непостижимыми путями пришелъ къ умозаключенію, что истинная, дѣйствительная сила лежитъ въ знаніи, въ ремеслѣ, въ искусствѣ. Богъ его вѣдаетъ, что помогло ему самостоятельно додуматься до этой счастливой мысли. Но разъ додумавшись, Ѳома прилѣпился къ ней душой и сердцемъ, лелѣялъ ее словно святыню.

— Пусть только выростутъ Пашка, Мишка, Сенька да Гараська. думалъ мечтатель,— сейчасъ отдамъ ихъ въ мастерство... Потому мастерство нашему брату первое дѣло... Пашку обучу полушубки шить... Мишка постунитъ къ сапожнику... Сеньку къ бондарю... Гараську хорошо бы пустить по телѣжной части... Землю дѣлить будутъ, на нашу долю достанется десятинъ пятнадцать... Соломы этой, кормовъ!..

Однажды Ѳома размечтался до того, что не вытерпѣлъ, вскочилъ и побѣжалъ отыскивать Арину.

— Слышь, Оря. началъ онъ излагать женѣ свои умствованія, а вѣдь я, значитъ, такъ полагаю... мы, тово, каменную избу непремѣнно выстроимъ. а?

— Охъ, Ѳома, Ѳома!.. залилась добродушнымъ смѣхомъ Арина. Молчишь ты по-долгу, за то ужъ скажешь, такъ ровно обухомъ по головѣ... Намъ ли каменную избу строить? Хотя-бы ужъ бревенчатую-то оборудовать... Вѣдь эта—гнилье... почесть, свѣтится...

— Я тебѣ дѣло говорю, продолжалъ Ѳома, ничуть не обижаясь словами Арины. Посуди сама; кирпичъ я дѣлать умѣю... Не даромъ три года выжилъ у Струковыхъ... Ребята наши выростутъ... къ примѣру, хоть подлѣтками будутъ... Вотъ мы и примемся съ ними помаленьку кирпичики дѣлать... Нынче пять али тамъ шесть тысячъ... на другой годъ столько-же... Глядь, черезъ три-то года въ рукахъ у насъ вся изба, право!..

— Твоимъ бы ртомъ да медъ пить...

— И вовсе не дорого она станетъ, увлекся Ѳома собственной фантазіей. Каменьщика мы наймемъ одного, потому

сами помогать будемъ... Лѣсъ къ тому времени раздѣлять общественный... потолокъ, стропила, перерубы, все свое... Эхъ, заживемъ мы съ тобой, разлюбезное дѣло!..

— То есть, если сказать объ этомъ въ люди—смѣху конца краю не будетъ! пошутила Арина, втайнѣ сочувствовавшая несообразнымъ, но пріятнымъ мечтамъ супруга.

— А ты, того, не болтай зря-то, предупредилъ Ѳома. Люди сами по себѣ, мы сами по себѣ... Имъ бы только издѣваться... Путное-то слово отъ людей не вырвешь... а смѣху сколько угодно...

И вправду, каждый изъ мужиковъ расхохотался бы отъ чистаго сердца, услыхавши, что бѣднякъ тихоня-Хомаха Евстюхинъ серьезно думаетъ о возведеніи каменной избы, да еще не простой, а пяти-стѣнной, съ сѣнями и крыльцомъ. Задушевныхъ пріятелей на селѣ у Ѳомы не было, потому что молодость онъ скороталъ въ батракахъ по чужимъ людямъ, а подъ тридцать лѣтъ заводить ихъ уже поздно. Въ деревенскій клубъ, т. е. кабакъ, гдѣ завязываются знакомства и дружба, Ѳома не ходилъ, на мірскихъ собраніяхъ онъ появлялся не всегда и старался держаться подальше отъ горячихъ споровъ, сопровождавшихся бранью, укорами, обидными попреками и т. п. Сельская общественная жизнь мало занимала Ѳому, ибо своихъ дѣлъ было по горло.

— Что, Хомаха, на сходку не идешь? спроситъ его сосѣдъ, отправляющійся къ сборной избѣ.

— Тамъ и безъ меня все разсудятъ, отвѣтитъ Ѳома. У кого дома остались двое—трое работниковъ, тому болтаться до вечера легко: безъ него все сдѣлаютъ. А тутъ

вотъ управляйся со всѣмъ одинъ: ты и телѣгу почини, и рѣзки лошадкѣ нарѣжь, и соху поправь, и косу отбей... Надѣяться не на кого... Вотъ. братъ, отчего я на сходку не иду...

Къ дѣтямъ Ѳома питалъ самыя нѣжныя отцовскія чувства. Въ годовые праздники онъ вмѣстѣ съ Ариной надѣвалъ на старшенькихъ сыновей ситцевыя рубашенки, подпоясывалъ ихъ цвѣтными поясками, расчесывалъ головки старымъ деревяннымъ гребнемъ, которымъ Арина чесала ленъ и паклю, и велъ свое потомство въ церковь, гдѣ выбиралъ мѣстечко позади, попросторнѣй.

Иногда. желая доставить мелюзгѣ удовольствіе, Ѳома спрашивалъ:

— Кто хочетъ завтра со мной на пашню ѣхать!

— Я. я, я! хоромъ кричали старшіе дѣти... За ними тянулись и малолѣтнія сестренки, давно уже жаждавшія проѣхаться въ поле.

— Ладно, ладно, всѣхъ возьму... Только, чуръ. вставать рано!

— Будетъ тебѣ Хома! отговаривала Арина.—Смотри еще дождь пойдетъ... солнце нагрѣетъ голову, заболитъ.

— А мы зипуны возьмемъ отъ дождя-то, отвѣчалъ Ѳома, который самъ радовался предстоящей поѣздкѣ не меньше ребятъ.—По улицѣ, все равно, бѣгаютъ съ непокрытыми головами... не болятъ вѣдь.

Утромъ Ѳома взваливалъ на телѣгу соху, борону, сажалъ дѣтей и съ цѣлымъ возомъ живой и мертвой клади

ѣхалъ на пашню метать паръ. Пока онъ ковырялъ на своей сухопарой козѣ полнивы пару, маленькій народъ игралъ и кувыркался по межамъ въ высокой полыни и пыреяхъ, подъ жгучими лучами іюньскаго солица. Утомленныя играми и разсолодѣвшія на жару, они скучивались подъ телѣгой и сладко засыпали, поѣвши черствыхъ корокъ хлѣба, размоченныхъ въ водѣ, предусмотрительно взятой изъ дому.

Возвращеніе съ пашни, когда Ѳома шелъ рядомъ съ лошадью, а дѣтвора размѣщалась въ телѣгѣ, рядомъ съ сохой и бороной. было еще большимъ удовольствіемъ, такъ какъ на деревнѣ ихъ встрѣчали друзья, съ которыми они вступали въ обмѣнъ животрепещущими новостями.

Быстро и незамѣтно неслось время. Мечты Ѳомы стали осуществляться. При раздѣлѣ земли по новымъ душамъ онъ получилъ пашни около пятнадцати десятинъ, не считая луговъ и лѣсовъ.

— Ишь, Хомка, какой счастливый! завидывали мужики.—Шутка сказать: на пять душъ землей будетъ владѣть... Съ этакой палестиной какія дѣла можно раздѣлать, страсть!..

При этомъ, какъ водится, завистники забывали, что въ ихъ селѣ есть семьи съ надѣломъ на шесть и на семь душъ, живущія даже хуже того, какъ мы застали Ѳому въ началѣ его жизненнаго поприща. Половина надѣла въ этихъ семьяхъ была заложена деревенскимъ богатѣямъ, а на другой половинѣ хлѣбъ убирался всегда не во время, съ осыпкою, потому что въ горячую пору хозяинъ съ домочадцами принужденъ былъ работать за зимніе долги на чужихъ поляхъ.

Прибавка надѣла совпала съ тѣмъ моментомъ, когда старшему сынишкѣ—Павлу стукнуло десять лѣтъ, а самому младшему—Герасиму пошелъ пятый годокъ. Павелъ, рослый и сильный мальчуганъ, пробовалъ уже ходить за сохой, а слѣдующій за нимъ братишка—Михаилъ ѣздилъ съ бороной. Прежняя лошадка была продана татарамъ за семь рублей и вмѣсто нея куплена другая—бодрая и сильная.

— Пока что, совѣтовался съ женой Ѳома тою же осенью, пора и Мишу гонять въ школу.

— Ну, что-жъ?.. Пусть ихъ оба бѣгаютъ съ Павлушей... Все меньше дома болтаются.

— Помучатся, чему-нибудь научатся... Не теперь, такъ потомъ пригодится... бываетъ, въ солдатахъ придется служить... Насъ, слѣпыхъ-то, тоже здорово надуваютъ въ городѣ: рядишься съ кулакомъ за одну цѣну, а онъ пишетъ на дугѣ другую... хозяинъ-то и разсчитываетъ по этой цѣнѣ...

Ребята Ѳомы бѣгали въ школу съ увлеченіемъ, такъ какъ находились тамъ въ обществѣ товарищей, съ которыми можно было порѣзвиться въ перемѣну и по дорогѣ домой. Ученье ихъ, къ большому удовольствію родителей, подвигалось быстро. Чрезъ годъ они уже приносили съ собой изъ школы книжки съ разсказами и немного въ носъ и нараспѣвъ читали умиленному и восхищенному Ѳомѣ «Крымскую войну», «житіе Алексѣя Божьяго человѣка» и т. п.

— Вотъ она, наука-то что значитъ! восторгался безграмотный, но цѣнившій образованіе Ѳома. Смотри, Арина, какъ ребята-то лупятъ... ровно по заученному.

— И то, и то, Сигнеичъ! соглашалась Арина, подпершн рукою щеку.

— На четвертую весну Павлуша съ радостію принесъ отцу «свидѣтельство».

— Молодецъ, Павлуша! похвалилъ Ѳома своего первенца. Теперь ты у меня настоящій ученый... Управимся съ хлѣбомъ, отпашемся, отмолотимся... а тамъ, Господи благослови, въ другую науку—къ портному, полушубки шить...

— Ну что-жъ, батенька, дѣло! серьезно, какъ взрослый, одобрилъ парень мысль родителя.—Другая-то соха у тебя совсѣмъ налажена?

— Готова.

— Когда просо-то думаешь сѣять?

— Если Богъ пошлетъ дождичка, то хоть завтра...

И Ѳома при помощи Павлуши живо убрался съ весенней пахотой, налегая на двухъ-аршинной толщины черноземъ въ двѣ сохи «Андревны». Также быстро промелькнулъ покосъ, за нимъ уборка ржи, яровыхъ. Въ уборкѣ участвовала вся семья. Работы было по горло всѣмъ, большимъ и малымъ. Павлуша трудился почти за взрослаго мужика, гордясь тѣмъ, что идетъ наравнѣ съ отцомъ. Поздней осенью онъ поступилъ къ портному «находомъ». Днемъ мастеръ съ ученикомъ перекочевывали изъ дома въ домъ, починивая старые и сшивая новые полушубки, а на ночь расходились по своимъ дворамъ. Если мастеръ забирался на противоположный конецъ села и тащиться оттуда по сугробамъ во время вьюгъ и метелей было невозможно, то Павлуша оставался ночевать съ мастеромъ. Но это случалось рѣдко.

— Ты, Павлуша, тово... на улицы-то эти не очень зарьси, научалъ Ѳома. Улицы ни къ чему хорошему не приведутъ... Привыкнешь къ озорничеству... водку пить... къ другимъ худымъ дѣламъ... Подальше отъ нихъ, отъ улицъ-то, въ накладѣ не будешь.

Чрезъ три зимы Ѳома получилъ отъ портного одобреніе.—Если хочешь, по цѣлковому въ мѣсяцъ ему положу.

— Спасибо, Митрій Логинычъ, за всѣ твои заботы... Пусть ужъ парень займется дома... дѣла есть, отвѣтилъ Ѳома, прекрасно видѣвшій, что ремесло пошло Павлу въ прокъ.

Съ такою же точно послѣдовательностью и порядкомъ Хомака Евстюхинъ провелъ задуманный имъ планъ образованія въ отношеніи къ остальнымъ тремъ сыновьямъ. Всѣ они прошли школу и научились какому-нибудь ремеслу, такъ что «Хомакинъ дворъ» сдѣлался чѣмъ-то вродѣ сборной мастерской, куда являлись шить и починивать полушубки и поддевки, заказывать сапоги, сколачивать кадки и т. д. Въ глаза Ѳому перестали уже называть Хомакой, а величали Ѳомой Евстигнеичемъ. Да и нельзя было не величать, потому что Ѳома имѣлъ уже три лошади, двѣ коровы, десять овецъ, къ Рождеству откармливалъ по четыре-пять свиней.

— Смотри, какъ Ѳома-то разжился! удивлялись ему.— И ребята какіе вышли дошлые!.. Словно бы ни въ мать, ни въ отца...

Но удивленіе и, такъ сказать, пораженіе деревни ждало ее еще впереди. Дѣло въ томъ, что Ѳома «гнулъ

линію» о каменной избѣ съ тою же настойчивостью... Когда сыновья у него выросли, Ѳома принялся дѣлать кирпичъ. Работалъ онъ въ чужомъ сараѣ, обжигалъ въ чужомъ горнѣ. Въ первый годъ ему удалось приготовить шесть тысячъ, для обжога которыхъ въ отдѣлку «на взваръ» онъ долженъ былъ прикупить рублей на десять дровъ и хворосту. На собственныхъ лошадяхъ Ѳома перевезъ весь кирпичъ на гумно и до поры до времени покрылъ его соломой.

На другой годъ Ѳома сдѣлалъ около десяти тысячъ и тѣмъ же порядкомъ переправилъ транспортъ на мѣсто. На третій годъ Павлу предстояло брать жребій.

— Сначала выстроимъ каменную избу, а тамъ жребій бери! рѣшилъ въ семейномъ совѣтѣ Ѳома.

Спустя мѣсяца два, на мѣстѣ убогой и много разъ поправлявшейся избенки Ѳомы, красовались каменныя хоромы съ щеголеватымъ, рѣзнымъ крыльцомъ и клѣтью.

— Ну, тихоня!.. хлопали по бокамъ обыватели.—И откуда только взялъ?.. Нѣтъ, братцы, что ни говори, а должно, гдѣ-нибудь поддѣлъ!..

Теперь сыновья Ѳомы давно женаты, имѣютъ многочисленныя семьи, которыя помѣщаются въ двухъ избахъ, соединенныхъ общими сѣнями. Ѳома не нарадуется на внучатъ и часто повторяетъ дѣтямъ:

— Деритесь, да не дѣлитесь!

(„Воскресное Чтеніе“, 1893 г. № 36-й).

О томъ, какъ опасно ходить крестьянамъ въ городъ на заработки.

(Разсказъ дѣдушки Квасова).

Такъ и быть, разскажу вамъ про свою жизнь. Въ мое время мужики крѣпостными были, но нашу семью Богъ миловалъ; покойный родитель откупился, еще когда я былъ маленькимъ. Жили мы ладно. Былъ я у стариковъ одинъ только сынъ, и когда мнѣ вышли года, то задумали меня женить. Но только не то было у меня въ головѣ. Задурилъ я объ эту пору. Прослышалъ я про легкіе городскіе заработки, и надумалъ туда пойти. Сперваначалу все втихомолку думалъ, ну, а потомъ сталъ проситься. Тятька сперва отругалъ меня, а потомъ видитъ, что толку отъ меня никакого нѣтъ, потому что я по хозяйству совсѣмъ заниматься пересталъ, затосковался въ конецъ, совсѣмъ не ѣмъ и не пью, отпустилъ меня съ тѣмъ, чтобъ чрезъ годъ безпремѣнно назадъ придти. Горько убивались мои покойные родители. Обнялъ меня старикъ-отецъ на прощанье и говоритъ: «Не забудь совсѣмъ на чужой сторонѣ, да смотри—не связывайся съ тамошними гуляками, сгубятъ они тебя. Землицу-то теперича придется наймомъ убирать, такъ ты ужъ того... деньги-то прибережай, не харчь по пусту».

Ну, пришелъ я въ городъ и сталъ работишки искать. Сначала все поденно работалъ, на фабрикѣ—работа не легкая, а прибыли мало. Сталъ искать мѣстечка, и, на счастье, выпало мнѣ мѣсто дворника на постояломъ дворѣ. Жалованья по 6 рублей на мѣсяцъ. харчи хозяйскіе, а дѣловъ почти никакихъ нѣтъ. Вычисти да вымети дворъ, а потомъ

сиди весь день у воротъ, да зазывай проѣзжающихъ. Хозяева тоже попались славные.

Прожилъ я у нихъ цѣлый годъ и собрался домой побывать. Деньженокъ скопилъ полусотку. Наканунѣ ухода, пошелъ я съ пріятелями по городу походить. Ходили, ходили и пришли къ самымъ дверямъ трактира. Я было назадъ, да не тутъ-то было. «Безъ угощенія, говорятъ, никакъ нельзя разставаться. Ты ужъ не скупись». Сначала я было отказывался, а потомъ вижу, что ничего не подѣлаешь съ ними, зашелъ.

Угостилъ я ихъ, да и самъ порядкомъ наугощался. Потомъ порѣшили всѣмъ складчину четверть водки взять. Выпили эту четверть, а я уже и идти не могу. Въ головѣ зашумѣло, ноги подкашиваются, ничего не вижу и не слышу; кричу во всю глотку, а самъ не знаю что.

На другой день, поздно утромъ я проснулся у своего хозяина, на постояломъ дворѣ. Хозяинъ говоритъ: «Это ты что? тебя вчера пріятели мертвецки пьянаго привезли». Я говорю: «Это я ихъ, Кириллъ Давидовичъ, на прощаніи угощалъ». Покачалъ Кириллъ Давидовичъ головою: «развѣ тутъ мало знакомыхъ у тебя? Нельзя же ихъ всѣхъ угощать. Лучше бы берегъ деньги для домашнихъ. Небось, рубля два пропилъ?» Полѣзъ я въ карманъ посчитать, да такъ и обмеръ—у меня ни копѣйки нѣтъ. Такъ и взвылъ я... Хозяинъ тоже перепугался. «Пойдемъ, говоритъ, твоихъ товарищей поспрошаемъ, може Бога побоятся, отдадутъ. Это ихъ дѣло».

Забожились мои ребята, заклялись, что мы, дескать, и знать не знаемъ, и вѣдать не вѣдаемъ. Пожаловался я

въ полицію, но дѣло такъ ничѣмъ и не окончилось, доказательствъ не было. Затосковалъ я... Жалко денегъ...

А тутъ кто-то и подскажи: «Дуракъ же ты, братецъ, да развѣ съ такими дѣлами въ судъ ходятъ? Ты лучше кого-нибудь изъ своихъ товарищей замани въ укромное мѣсто, да тамъ и пристращай, такъ онъ тебѣ всю правду выложитъ».

Дай, думаю, попытаю въ самомъ дѣлѣ. Для храбрости, выпилъ—у хозяина одолжился. Встрѣчаю одного пріятеля, Прокофія. Пошли по городу, онъ былъ пьянѣе меня. Шли, шли и попали въ какой-то пустой переулокъ, и вдругъ меня словно бѣсъ подтолкнулъ. Кинулся я на Проньку, уцѣпилъ его за горло, повалилъ, колѣнкою въ грудь уперся, да и говорю: «Послѣдній твой часъ пришелъ. Говори, разбойникъ, кто у меня деньги вытащилъ и гдѣ они, а то я тебя...» Пронька бьется, хочетъ что-то сказать. Отпустилъ я его немного и слышу—онъ хрипитъ: «пусти... не знаю...» Взяло меня зло. Стиснулъ ему глотку еще крѣпче, грудь колѣнями давлю, а самъ кричу: «говори, злодѣй, правду, а то до смерти удавлю!..»

Вдругъ голова его какъ-то свѣсилась, будто вялая, мотается. Глянулъ я на него, да такъ и обмеръ. Лежитъ онъ, не двигается. Оторопь взяла меня, хмель какъ рукою сняло. Бросился я бѣжать безъ оглядки... До того бѣжалъ, что упалъ за городомъ, отдышаться не могу, а какъ вспомню, что я сдѣлалъ, такъ цыганскій потъ и прошибетъ, хочется дальше бѣжать.

Прожилъ я въ лѣсу дня два. Словно звѣрь, таился въ самой чащѣ, въ одномъ оврагѣ: не было у меня хлѣба ни

куска, а выйти къ людямъ боязно: такъ первый день не ѣвши и сидѣлъ.

Пролежалъ я такъ второй день, да ужъ невтерпежъ стало. Время стояло холодное, шли дожди, и я сидѣлъ мокрый, голодный и иззябшій.

Думаю: пойду—объявлюсь; пусть сошлютъ въ каторгу, авось этимъ грѣхъ свой замолю. Ну, объявился. Таскали, таскали меня по судамъ да острогамъ, и сослали потомъ въ каторгу на 20 лѣтъ. Нонѣ суды правѣе, все разбираютъ, по какимъ причинамъ, что произошло, а тогда не то было; коли убилъ, такъ и ступай въ каторгу, а за что убилъ,—про это ни гу-гу.

— Что же, дѣдушка, плохо въ Сибири-то?

— Конечно, за убійство въ хорошее мѣсто не сошлютъ.

— Что же, и на работѣ цѣпей не снимаютъ?

— Ни на минуту не снимаютъ. И на работѣ, и въ банѣ, и умрешь даже скованнымъ, а съ мертваго ужъ цѣпи скинутъ, потому что они денегъ стоятъ.

— Неловко, поди, въ нихъ?

— Обвыкнешься ничего, а спервоначалу просто бѣда. Вѣдь онѣ тоже не легкія—фунтовъ по 12 бываютъ.

— Ну, а бить-то васъ, поди, больно били?

— И не говори! Просто, вспомнить тяжело. Мнѣ, примѣрно, всыпали двѣ тысячи палокъ. Два раза били, одинъ разъ избили до полусмерти, да въ больницу положили. Залѣчили мало-мальски спину, да еще остальные всыпали. Ну инымъ тысячи четыре засыпятъ.

До обѣда на городскія работы назначаютъ, а вечеромъ потихоньку всякъ своимъ ремесломъ занимается. Я то ни къ какому ремеслу не привыченъ былъ, такъ больше все Библію читалъ. Другихъ книгъ не позволяли держать, а ее можно...

— Ну, а гдѣ жили-то вы?

— Въ острогахъ. За городомъ огорожена была тыномъ большущая площадь, за тыномъ ровъ, а по насыпи постоянно часовые похаживаютъ. Ну, вотъ, въ этой-то загородкѣ стоятъ казармы, а въ нихъ каторжники живутъ. Вырваться никакъ почти нельзя. Высвободилъ меня Господь самъ. Вотъ, какъ было дѣло. Прожилъ я въ острогѣ ужъ лѣтъ десять, только вдругъ и прошелъ слухъ, будто самъ батюшка-царь Николай Павловичъ (царство ему небесное!), дѣдушка нынѣшняго царя,—пріѣдетъ къ намъ.

Первоначально мы не вѣрили, потомъ видимъ, что кормить насъ стали лучше, начальство насъ учитъ, какъ отвѣчать батюшкѣ-царю, коли онъ чего спроситъ; ну и догадались мы, что, видно, это правда. Вотъ, одинъ разъ, утромъ (никогда не забуду я этого дня!) собрали насъ въ казарму, разставили въ ряды, а сами то начальники бѣгаютъ, суетятся; видно, тоже струхнули (одинъ, вѣдь, Богъ безъ грѣха). Немного погодя, пріѣхалъ и царь. Вошелъ къ намъ, поздоровался со всѣми и началъ распрашивать насъ о нашемъ житьѣ-бытьѣ. Струсили что-ли товарищи, али стыдно признаться. только къ кому не подойдетъ, говоритъ: сосланъ-де по подозрѣнію, вотъ въ такомъ-то дѣлѣ. Всѣхъ обошелъ и всѣ, какъ сговорились. все одно и тоже твердятъ. «Ну, а ты, старикъ, тоже по подозрѣнію сосланъ?».

— Никакъ нѣтъ, говорю я, за свои дѣла заслуженное наказаніе несу.

Вижу понравилось это Государю.—За какія же, говоритъ, дѣла?

— Да такъ и такъ, говорю, въ пьяномъ видѣ товарища загубилъ.

— Что же, небось, жаль тебѣ его?

— Еще бы, Ваше Императорское Величество, не жалѣть. Человѣкъ онъ былъ славный, а послѣ него осталась жена съ дѣтьми.

Поспрошалъ онъ меня еще о томъ, кто у меня дома есть, да и говоритъ коменданту, это нашему начальнику-то: «У васъ здѣсь сидятъ всѣ невинные, только заподозрѣнные, а этотъ одинъ виноватъ, такъ чтобы онъ не испортилъ своимъ присутствіемъ остальныхъ, освободить его и отправить на родину».

Я и ушамъ своимъ не вѣрю—стою, какъ столбъ. Потомъ опомнился, бухнулся ему въ ноги, плачу, а онъ улыбается.

Ну, какъ уѣхалъ царь, меня сейчасъ-же и расковали. Вѣрите ли, я, какъ ребенокъ малый, прыгалъ, когда сняли съ меня цѣпи,—просто не вѣрилось. Тоже легко сказать—десять лѣтъ эту самую тягу на себѣ носилъ. Просилъ было у офицера цѣпь эту на память, хотѣлъ съ собою въ гробъ положить, да не далъ. «Казенная, говоритъ, вещь: нельзя отдавать».

Ну, отправили меня по этапу домой. Привезли въ нашъ уѣздный городъ и выпустили. До нашего села отъ города было верстъ 30, да я ихъ шутя отшагалъ.

Только не на радость я вернулся. Пришелъ я въ свое село. Иду прямо къ своей усадьбѣ, глядь, избы-то ужъ и слѣдовъ не осталось. Зашелъ я къ сосѣдямъ и спрашиваю: «гдѣ же Иванъ Григорьевичъ живетъ?» — «Да онъ, говорятъ, годовъ уже восемь, какъ преставился, оба съ своею старухою на одномъ году померли».

Старикъ Квасовъ на минуту замолчалъ.

— Такъ вотъ какъ городъ-то меня вознаградилъ, закончилъ разсказчикъ. Нѣтъ,—моего совѣта идти въ городъ нѣту. Ты говоришь—года плохіе, нужда заѣла. Но только дуракъ тотъ, кто отъ нужды бѣжитъ изъ деревни въ городъ. Отъ нея не бѣгать нужно, а на мѣстѣ глушить ее, окаянную, а коли уступать ей будешь, такъ она еще хуже прицѣпится. Ты, вотъ, говоришь, земли у тебя мало, а ты надъ ней хорошенько потрудись, унавоживай ее матушку, она тебѣ вдвое больше принесетъ, такъ тогда и нужда не съѣстъ. Отчего все на разоренье пошло? Оттого, ребятушки, что хозяйствомъ мы плохо занимаемся. Все то у насъ плохое да безполезное. Да еще мало того, многіе стыдиться стали черной работы, на легкую городскую позавистились! (Саратов. Губ. Вѣд.).

В. Арефьевъ.

(„Воскресное Чтеніе“, 1892 г. № 23).

Трудолюбивый Пантелей.

(Разсказъ).

Пантелей Елохинъ былъ очень трудолюбивый крестьянинъ; его очень любили всѣ однодеревенцы, какъ за душевную доброту, такъ и за всегдашнюю его готовность услужить каждому, кто только попроситъ его. Не одна «помочь» у однодеревенцевъ при уборкѣ хлѣба на нивахъ, при молотьбѣ хлѣба на гумнѣ или кошеніи травы, не обходилась безъ Пантелея; онъ только отказывался отъ участія въ работѣ въ воскресенье и въ праздничные дни: въ эти дни Пантелей всегда бывалъ со своей семьей въ церкви у богослуженій, такъ какъ сельскій храмъ былъ въ трехъ верстахъ отъ деревни Теренькульской, въ которой проживалъ Пантелей Елохинъ со своей не малой семьей. Онъ жилъ очень бѣдно. Однодеревенцы нерѣдко его упрекали за то, что онъ отказывался отъ участія въ работѣ въ воскресные и праздничные дни; но Пантелей говорилъ своимъ однодеревенцамъ, что онъ въ праздничные дни не работаетъ по «родительскому благословенію». Онъ говорилъ, что его покойный отецъ, умирая, строго завѣщалъ ему, чтобы онъ никогда не работалъ въ праздничные дни, а также завѣщалъ, чтобы Пантелей всегда воздерживался отъ вина:—и онъ строго исполнялъ это завѣщаніе своего покойнаго отца; былъ человѣкъ «не пьющій», какъ о немъ отзывались однодеревенцы.

— «То и живешь богато,—ни коня, ни возу, говорили крестьяне; видишь самъ, что твое богомолье тебѣ мало помогаетъ».

— «Бѣдность не порокъ», отвѣчалъ Пантелей. «бѣдность и богатство отъ Господа», какъ говоритъ слово Божіе. Значитъ, Богъ знаетъ, что богатство могло бы мнѣ принести одно горе и вредъ, а потому и не даетъ его мнѣ; и я нисколько не скорблю объ этомъ. Я вполнѣ полагаюсь на благость и милосердіе Божіе:—Богъ дастъ день, Богъ дастъ и пищу. А нарушать завѣщаніе покойника—отца я несогласенъ; не нарушалъ я его еще съ молодыхъ лѣтъ, не намѣренъ нарушать его и теперь», говоритъ Пантелей.

Дѣйствительно Пантелей Елохинъ жилъ очень бѣдно, хатка его стояла, сильно наклонившись къ землѣ; лошадь онъ имѣлъ одну; хлѣбъ за послѣдніе три года родился очень плохо во всей окружной мѣстности. У Пантелея было и семейство—сынъ Василій и двѣ дочери. Василій, которому шелъ 10-й годъ, учился въ сельской школѣ, проживая въ селѣ Удольскомъ, которое, какъ выше сказано, находилось въ трехъ верстахъ отъ деревни Теренькульской, въ которой проживалъ Пантелей со своей семьей; а сынъ Василій проживалъ въ домѣ своего дѣда—отца своей матери. Хотя Пантелей былъ человѣкъ и трудолюбивый, но онъ съ своей семьей всегда испытывалъ крайнюю нужду въ самыхъ необходимыхъ средствахъ къ существованію. Не смотря, однако, на свою бѣдность, Пантелей всегда былъ благодушнымъ, что удивляло не мало какъ его жену, такъ и его сосѣдей. Меланья, жена Пантелея, борясь съ жизненною нуждою, иногда ослабѣвала, падала духомъ и плакала. Когда Пантелей видѣлъ слезы жены, то всегда старался утѣшить ее и говорилъ:

— «Перестань плакать, Меланья, перестань прогнѣвлять Бога, не тяготись бѣдностью, такъ какъ „бѣдность

не порокъ". Конечно, тяжелъ, очень тяжелъ крестъ бѣдности, но онъ для насъ спасителенъ, а богатство иногда бываетъ и погибелью для человѣка. Помнишь Петра Козина; до чего его довело богатство? Оно, употребляемое имъ неблагоразумно, довело его до многихъ пороковъ, а наконецъ—и до ужасной погибели» (Козинъ былъ убитъ въ пьяномъ видѣ). Эти слова и убѣжденія Пантелея благотворно вліяли на Меланью, и она успокоивалась и переставала плакать.

Прошло три года. Сынъ Василій кончилъ курсъ въ сельской школѣ, къ радости Пантелея и Меланьи. Много было думъ у родителей, куда теперь устроить имъ своего сына, такъ какъ они хорошо сознавали, что ему дома нечего дѣлать. Меланья совѣтовала отцу отдать Василія въ услуженіе къ какому-нибудь богатому однодеревенцу, но Пантелей и слышать не хотѣлъ объ этомъ; онъ говорилъ:

— Нѣтъ, хотя я и очень бѣдный человѣкъ, но я не соглашусь никогда отдать въ батраки своего сына; я увезу его въ городъ для обученія какому-либо ремеслу; это будетъ гораздо полезнѣе для него и для насъ.

Меланья не возражала Пантелею: она вполнѣ соглашалась съ его намѣреніемъ, хотя въ душѣ и горевала, что ей придется разстаться съ сыномъ, котораго она очень любила. Спустя два мѣсяца, Пантелей отвезъ сына своего въ губернскій городъ, и отдалъ его одному знакомому сапожному мастеру для обученія сапожному ремеслу. Чрезъ нѣсколько времени Пантелей съ женой ѣздили въ городъ узнать, какъ поживаетъ ихъ сынъ и научился ли какому-либо ремеслу. Хозяинъ похвалилъ Василія, высказавъ его роди-

телямъ, что онъ очень прилежный мальчикъ, что впослѣдствіи выйдетъ изъ него хорошій и трудолюбивый мастеръ. Пантелей и Меланья вернулись домой очень утѣшенные своимъ сыномъ и его успѣхами по ремеслу. Къ Пасхѣ хозяинъ Василія выслалъ родителямъ его 15 руб. денегъ и нѣсколько паръ обуви, изготовленной ихъ сыномъ. Пантелей и Меланья, получивъ деньги, тотчасъ же отправились въ свой сельскій храмъ и отслужили молебенъ, во время служенія котораго плакали отъ радости и благодарили Бога. Спустя годъ, хозяинъ назначилъ Василію жалованье по пяти рублей въ мѣсяцъ, которое онъ все высылалъ своимъ родителямъ, такъ какъ жилъ на готовомъ содержаніи хозяина. Пантелей, получая деньги отъ сына, купилъ себѣ другую лошадь и обзавелся новою крестьянскою снастью; за послѣднее время Пантелей сталъ еще трудолюбивѣе, и его домашнее хозяйство начало замѣтно исправляться. Урожай хлѣба у Пантелея былъ хорошій, къ тому же онъ получилъ отъ сына 100 рублей денегъ, заработанныхъ имъ; на эти деньги Пантелей перестроилъ свою ветхую хату и завелъ кое-какую домашнюю обстановку. Пантелей и Меланья были очень рады, что ихъ домашнее и крестьянское хозяйство замѣтно улучшалось, и они со слезами благодарили Бога.

Чрезъ пять лѣтъ Василій, къ душевной радости своихъ родителей, вернулся домой. Онъ открылъ въ домѣ своего отца сапожную мастерскую. Не только однодеревенцы, но крестьяне и изъ дальнихъ деревень дѣлали заказы Василію, такъ какъ онъ работалъ очень честно и добросовѣстно.

Василій на 20 году женился, взявъ за себя въ супружество дочь очень зажиточнаго однодеревенца. Пантелей жилъ еще пять лѣтъ послѣ женитьбы своего сына. Умирая, онъ

говорилъ сыну: «Помни всегда, добрый сынъ, что усердная молитва къ Богу не остается безъ благословенія Божія; никогда не работай въ воскресные дни, такъ какъ праздничная работа не имѣетъ благословеннаго успѣха: она навлекаетъ на человѣка только праведный гнѣвъ Божій. Я, какъ и тебѣ хорошо извѣстно, жилъ въ крайней бѣдности, часто нуждаясь въ кускѣ насущнаго хлѣба для своей немалой семьи; но я никогда по «родительскому благословенію» не работалъ въ праздники, за что нерѣдко получалъ даже упреки отъ своихъ однодеревенцевъ; не смотря на это, я не измѣнилъ завѣщанія моего покойнаго отца, и за это милосердый Господь на закатѣ моихъ дней благословилъ, наконецъ, меня Своею отеческою милостью и щедротами. Помни всегда, добрый сынъ, и мое предсмертное завѣщаніе: никогда не работай въ праздникъ, и милосердый Господь и тебя не оставитъ Своею отеческою милостію». Осѣнивъ себя и сына крестнымъ знаменіемъ, трудолюбивый Пантелей мирно почилъ отъ своихъ земныхъ трудовъ, горько оплаканный своими дѣтьми, усердно молящимися о своемъ умершемъ добромъ и трудолюбивомъ отцѣ.

Свящ. А. Тиховъ.

(„Воскресное Чтеніе“ 1895 г., № 39—40).

Л е д а щ і й.

Надъ селомъ занялось раннее, зимнее утро. Раздался дребезжащій, глухой звукъ стараго церковнаго колокола. Началась обѣдня. Холодно, пусто въ бѣдномъ сельскомъ храмѣ. Угрюмо смотрятъ старые потемнѣвшіе образа, озаренные слабымъ мерцаніемъ тоненькихъ восковыхъ свѣчъ. Нѣсколько человѣкъ, молящихся усердно, кладутъ поклоны передъ образами и ставятъ свѣчки. Двѣ старухи тихо отираютъ слезящіеся глаза. Въ церкви пахнетъ воскомъ и ладономъ.

Въ уголкѣ пріютился невысокаго роста, худенькій бѣлокурый мужичекъ въ армякѣ. Передъ нимъ стоитъ маленькій, укутанный въ старый платокъ, мальчикъ. Изрѣдка взглядывая на отца, мальчикъ усердно крестится и внимательно смотритъ на образъ...

Когда отецъ встаетъ на колѣни и кладетъ шапку на полъ, мальчикъ повторяетъ всѣ его движенія: кладетъ свою шапченку также на полъ, встаетъ на колѣни и своей пухлой ручкой творитъ крестное знаменіе. Лицо мужика некрасиво. Онъ худъ, изможденъ, блѣденъ.

Но теперь, когда онъ горячо молится, его худое, некрасивое лицо дышетъ какимъ-то вдохновеніемъ. Голубые глаза широко раскрыты и блестятъ. Онъ вслушивается въ каждое слово священника и слетка подпѣваетъ дьячку.

— Тятя, а, тятя!—обращается мальчикъ къ отцу, трогая его за армякъ.

— Постой, молчи, Петюша! Развѣ въ храмѣ можно говорить! Молись, молись!—Мужикъ отстраняетъ маль-

чика рукой и снова продолжаетъ молиться. Петя взглядываетъ на взолнованное, измѣнившееся лицо отца, и умолкаетъ.

Каждое воскресенье ходятъ они къ обѣднѣ, и стоятъ въ этомъ уголкѣ. Мальчикъ любитъ ходить въ церковь съ отцомъ.

Наконецъ обѣдня кончилась. Церковь опустѣла. Оба они дождались выхода батюшки, который, кутаясь въ стареньку ряску, спѣшилъ домой, и подошли подъ благословеніе.

— А, это ты, Никита... проговорилъ батюшка, съ какимъ-то сожалѣніемъ взглядывая на мужика.—И съ сынишкой.. Ну, съ Богомъ!

Никита съ сыномъ вышли изъ церкви и пошли вслѣдъ за батюшкой.

Дорогой Никита молчалъ, о чемъ-то раздумывая. На селѣ всѣ его звали «ледащимъ». Мужики не долюбливали его.

— Развѣ онъ мужикъ! говорили они про Никиту: не пьетъ, не гуляетъ. Одно слово «ледащій». Другая баба его за поясъ заткнетъ. — Бабы также смѣялись надъ Никитой.

— Вирямь «ледащій»,—говорили они: не пьетъ, не дерется; Петюшку своего нѣжитъ, словно барское дитя: книжки читаетъ, молится... Хворый, да страшный... Ну его!

— Ужъ что говорить!—похваливалась высокая старая Дарья: я вотъ и баба, а онъ супротивъ меня ничего не стоитъ!

— Откелева онъ проявился? Жену-то знать уморилъ! —тараторили бабы: ишь, Петюшка-то его, грамотѣ учится, баринъ выискался какой!

Только ребята безъ памяти любили «дяденьку Никиту». Никита жилъ въ маленькой избенкѣ, на краю села... Лѣтомъ въ его избенкѣ былъ рай. Маленькій Петя все время проводилъ въ лѣсу. Зимой избушку заносило снѣгомъ. Никита съ сыномъ сами разгребали его лопатой и прокладывали тропинку.

Никита рано лишился родителей, и, еще будучи молодымъ парнемъ, уѣхалъ въ городъ. Долго о немъ не было ни слуху, ни духу. Знали только по слухамъ, что онъ жилъ въ услуженіи, женился и скоро схоронилъ жену. Когда Никита вернулся въ родное село съ маленькимъ сыномъ, односельчане отнеслись къ нему очень недовѣрчиво. Какъ росъ Никита болѣзненнымъ, слабымъ мальчикомъ, такъ и остался хилымъ, тщедушнымъ мужикомъ. Невзраченъ онъ былъ, не могъ много работать, мало говорилъ. Тихо зажилъ онъ въ своей избенкѣ, съ Петюшой. Было у него на двѣ души земли, которую онъ кое-какъ обработывалъ. Избушка была бѣдна, покосилась на бокъ, но все въ ней дышало чистотой и порядкомъ. Никита самъ усердно чистилъ, мылъ свою избу и пріучилъ сынишку къ опрятности. Петя росъ сильнымъ, здоровымъ мальчикомъ. Онъ не зналъ брани, побоевъ. Отецъ очень любилъ его и никогда не колотилъ. Мужики рѣшительно не могли понять Никиту, что онъ за человѣкъ, и рѣшили они: «ледащій одно слово! Грамотѣ знаетъ, въ церковь любитъ ходить! И все молчитъ, молчитъ—ни тебѣ супротивнаго слова!»

Никита также сторонился отъ мужиковъ. Лѣтомъ онъ

часто съ маленькимъ Петей уходилъ въ лѣсъ, и долго молча бродилъ тамъ. И отецъ, и сынъ любили по своему наслаждаться природой.

— Должно, опасный человѣкъ онъ будетъ. Изъ города!—говорили сначала мужики; больно ужъ смиренъ!— Все село наблюдало за Никитой. Но онъ не выказывалъ никакихъ опасныхъ дѣйствій, по прежнему работалъ, читалъ, ходилъ въ церковь.

Но Никита сразу показалъ себя, когда въ селѣ вздумали открыть второй кабакъ. Откуда что взялось! Говорилъ онъ рѣчисто, хорошо, упрашивалъ, убѣждалъ мужиковъ, весь міръ. Ему на подмогу пришелъ батюшка. Міромъ порѣшили не открывать кабака. Съ тѣхъ поръ мужики еще больше стали сторониться отъ Никиты. За то бабы почувствовали къ нему уваженіе, то и дѣло бѣгали къ нему за совѣтомъ. О прежнихъ насмѣшкахъ не было и помину. Петю всѣ ласкали и совали ему гостинцы. Но мальчикъ неохотно бралъ ихъ. Молчаливый и серьезный, какъ отецъ, онъ усердно помогалъ ему въ работѣ, въ чемъ только могъ. Отбою не было въ избѣ у Никиты отъ сельскихъ ребятъ.

— Дяденька, а дяденька Никита! почитай книжку!

— Дяденька, вели Петѣ сказать сказку!

— Дяденька, возмешь въ церковь съ собой? на все село визжали и кричали сельскіе ребятишки, цѣпляясь за Никиту. Онъ успѣвалъ всякому отвѣтить, всякаго утѣшить, приласкать. Помогалъ ему и Петя. Мужики давно отступились и махнули рукой на Никиту.

— Пущай его. «Ледащій»—одно слово! На работу не гораздъ!

Время шло. Вдругъ, осенью налетѣла на село заразная болѣзнь. Люди мерли, какъ мухи. Никто не хотѣлъ обращаться къ доктору. Лѣчили разныя знахарки и ворожеи. Изъ села каждый день увозили покойниковъ. Опять выступили впередъ Никита и батюшка. Опять начали убѣждать народъ наблюдать чистоту въ избахъ и, въ случаѣ болѣзни, обращаться къ доктору. Въ грязныхъ избахъ, полныхъ дыму и смраду, лежали больные. Ихъ пичкали разной дрянью. Стоны раздавались въ каждой избѣ. Никита отрядилъ сельскаго парнишку за докторомъ, а самъ принялся за дѣло, съ помощью Пети. Его худая, невзрачная фигура появлялась всюду. Въ одной избѣ онъ успоконвалъ, въ другой—чистилъ, мылъ, въ третьей—убѣждалъ, утѣшалъ. Петя слѣдовалъ за отцомъ. Бабы ревѣли и кланялись Никитѣ въ ноги. Онъ уговаривалъ ихъ заняться чистотой, бросить всякихъ знахарокъ.

Когда въ село явился докторъ, онъ удивился дѣятельности Никиты. Этотъ невзрачный мужикъ былъ ангеломъ-хранителемъ своего села. Повинуясь ему, бабы довѣрчиво обратились къ доктору и со слезами разсказывали ему о подвигахъ кормильца, дяденьки Никиты.

Болѣзнь начала утихать. Худое лицо Никиты еще болѣе осунулось и побѣднѣло. Онъ не доѣдалъ, не досыпалъ ночей. Докторъ съ удивленіемъ наблюдалъ за нимъ.

— Ты достоенъ награды,—сказалъ онъ Никитѣ: ты себя не жалѣлъ... Я доложу начальству о тебѣ!

— Много довольны, ваше благородіе,—скромно отвѣтилъ Никита,—не для награды я дѣлалъ, а для Бога!

Докторъ уѣхалъ изъ села, рѣшившись непремѣнно похлопотать о награжденіи самоотверженнаго мужика. Но Никитѣ готовилась другая награда. Онъ вдругъ слегъ въ постель. Безсонныя ночи и непосильные труды надломили его слабый организмъ. На блѣдномъ и больномъ лицѣ появился отпечатокъ «не отъ міра сего». Черезъ недѣлю Никита умеръ, оплакиваемый всѣмъ селомъ.

— Петю моего не оставьте... добрые люди! Простите меня.—Это были послѣднія его слова.

На сельскомъ кладбищѣ, у самой церкви, похороненъ этотъ незамѣтный, скромный герой, какихъ много ютится на святой Руси.

«Міръ» похоронилъ Никиту и поставилъ крестъ на могилѣ его. На крестѣ простая надпись: «Благодѣтелю Никитѣ отъ поселянъ». Тихо шелеститъ березка на его могилѣ, которую не забываютъ поселяне.

Петя сталъ любимцемъ всего села, какъ живая память о «ледащемъ» Никитѣ.

В. П.

(Кормчій. 1894 г. № 13-й).

Говѣнье вразумило.

I.

Въ прохладномъ утреннемъ воздухѣ ранней весны звонко раздавался надъ селомъ Тихимъ рѣдкій благовѣстъ небольшого колокола. Солнце уже выплыло на синеватый небосклонъ и начинало побѣждать теплыми лучами свѣжесть утренника. На улицѣ стояла великопостная тишина. Отъ села къ церкви плелись старушки; на паперти столпилась кучка ребятокъ.

Съ высокаго узорчатаго крыльца новаго, большого трактира спустился дюжій, исправно одѣтый, мужчина, лѣтъ 45; сановито пошелъ онъ по направленію къ церкви, съ важностью откланиваясь на почтительныя привѣтствія встрѣчавшихся крестьянъ.

— «Далеко ли вы собрались, Акимъ Петровичъ?» спрашивали его болѣе словоохотливые изъ нихъ.

— «Да вотъ поговѣть надумалъ, для Бога потрудиться захотѣлъ», отвѣчалъ онъ имъ.

— «А, Акиму Петровичу, мое почтеніе!» привѣтствовалъ его встрѣтившійся около самой церковной ограды торговецъ изъ сосѣдняго села: «какъ живешь, можешь? Далеко ли прогуливаться изволишь? Ба! да ты никакъ въ церковь, на Божье дѣло поспѣшаешь? Что это съ тобой приключилось? Ты словно не особо охочь былъ до богомольства-то...»

— «Какой я богомолецъ», улыбаясь отвѣчалъ Акимъ Петровъ: «нонѣ нѣкогда, завтра недосугъ, тамъ лѣнь обу-

яетъ, такъ годъ-то и пройдетъ... Вотъ и теперь надумалъ поговѣть-то по той причинѣ, что о. Алексѣй все ладитъ: „поговѣй молъ, да поговѣй, стыдно, говоритъ, больше 10 годовъ не былъ на духу-то... не по-христіански это, не хорошо...“ индо при людяхъ стыдить сталъ. Оно признаться правда его, что не хорошо-то... вотъ и надумалъ».

— «Дай Богъ, дай Богъ... знамо оно поговѣть-то лучше, наше дѣло грѣшное, что ступилъ, то и согрѣшилъ: неровенъ часъ и того... помереть не долго. Ну, до увиданія, Акимъ Петровичъ». И встрѣшникъ, стегнувъ легонько лошадку, покатилъ своей дорогой, а Акимъ Петровъ Мамоновъ вошелъ въ церковь, пробрался сквозь рѣдкіе ряды богомольцевъ къ правому клиросу и сталъ около него.

Непривычно было ему молиться, и думы его дружно тянулись къ торговлѣ, къ хозяйству: соображалъ онъ, какъ бы удобнѣе перевезти къ празднику товарцу изъ города по наступившей уже распутицѣ, какъ бы заставить нѣкоторыхъ мужиковъ отдать ему долги и т. п. Но среди своихъ обычныхъ размышленій оглянулся онъ на собравшихся богомольцевъ, и на многихъ лицахъ этихъ бѣдняковъ замѣтилъ то, чего уже давно не появлялось на его сытомъ, горделивомъ лицѣ: вотъ старушка, опустившись на колѣни передъ образомъ Спасителя, шепчетъ: «Господи, Царь Небесный! помилуй меня грѣшницу... Мать. Пресвятая Богородица! спаси меня окаянную...», а слезы, между тѣмъ, текутъ изъ ея старческихъ очей, съ вѣрою и любовію обращенныхъ къ образу. Рядомъ со старушкой горячо и громко вздыхала молодая женщина: тутъ же около нея бѣдно одѣтый, но съ умнымъ лицемъ, крестьянинъ смиренно наклонясь, внимательно вслушивался въ чтеніе псаломщика. Съ иконостаса и стѣнъ строго смотрѣли лики св. угодниковъ...

Одинокимъ почувствовалъ себя Акимъ Петровъ среди всѣхъ этихъ простыхъ людей, собравшихся въ храмъ помолиться Творцу за свои грѣхи, вылакать здѣсь предъ Нимъ свою скорбь. Жутко стало у него на сердцѣ среди благоговѣйной, церковной тишины.

Вышелъ священникъ изъ алтаря и передъ царскими вратами звучнымъ голосомъ прочелъ молитву: «Господи, Владыко живота моего...» Всѣ клали земные поклоны... Но вотъ на клиросѣ стройно запѣли: «Во царствіи Твоемъ помяни насъ, Господи...» Вдумался Акимъ Петровъ въ смыслъ прекрасной молитвы и сладкихъ, евангельскихъ словъ, тронули они его огрубѣлое сердце, въ немъ заговорило что-то новое, небывалое.., напомнили они ему забытыя имъ наставленія давно уже умершей матери—жить по Божью, жалѣть людей, молиться о царствіи небесномъ. Рядомъ съ этими воспоминаніями въ глубинѣ его души шевельнулась совѣсть: «недостоинъ ты», заговорила она, «царствія Божія; далеко, далеко стоишь ты отъ него, а удалила отъ него твоя грѣшная, безобразная, скотская жизнь».

Палъ на колѣни Акимъ Петровъ и изъ его зачерствѣлой души вырвался первый, послѣ многихъ лѣтъ безсовѣстной жизни, покаянный вздохъ, первый молитвенный вопль...

Солнце уже высоко стояло на небѣ и обильно лило свои ласковые лучи, когда кончилась литургія «преждеосвященныхъ даровъ», и говѣльщики стали расходиться изъ церкви по домамъ. Шелъ къ себѣ домой и Акимъ Петровъ, но не такъ, какъ онъ обыкновенно ходилъ по своему селу, гордо посматривая по сторонамъ, сознавая свое превосходство и силу надъ односельчанами, но скромно, потупя го-

лову, шелъ онъ вдоль улицы. Дома онъ и не поглядѣлъ на свое обычное мѣсто-стулъ за буфетомъ, а прошелъ въ отдѣльную каморку, досталъ съ полки запыленныя, забытыя сказанія о жизни святыхъ и сталъ читать ихъ. Читалъ онъ не отрываясь до самаго благовѣста къ исповѣди. и какъ только раздался первый ударъ колокола, всталъ онъ съ лавки набожно перекрестился и поспѣшно сталъ собираться въ церковь. Въ церкви за ширмами уже ждалъ священникъ кающихся; первымъ подошелъ къ нему Акимъ Петровъ; долго, искренно бесѣдовалъ онъ съ своимъ пастыремъ, и каялся предъ нимъ въ своемъ беззаконіи какъ никогда, ни разу въ своей жизни.

II.

Сумерки накрыли Тихое. на улицѣ пусто, въ избахъ мелькаютъ огоньки. трактиръ Акима Петрова освѣщенъ слабо: посѣтителей нѣтъ. а хозяинъ задумчиво сидитъ у окна своей каморки. Картина всей его прошлой жизни отчетливо развернулась передъ нимъ: изъ простого мужика скупостью. обманами сдѣлался онъ почетнымъ богачемъ, предъ которымъ ломалъ шапку весь околотокъ; построилъ онъ себѣ большой хорошій домъ, открылъ въ немъ трактиръ, туго набилъ свой кошелекъ, забылъ Бога, а думалъ и помнилъ объ одномъ своемъ богатствѣ, ему только служилъ вѣрно и неизмѣнно: каждый вечеръ, подсчитывая дневные барыши и помышляя. какъ бы на другой день выторговать побольше, засыпалъ онъ на своихъ пуховикахъ, тревожась лишь о томъ, чтобы не расхитили его сокровища. Крѣпко уснула въ немъ и совѣсть, убаюкиваемая ненасытнымъ корыстолюбіемъ.

Только сегодня, впервые, вникъ онъ въ службу Божію, и напомнила она ему о молитвѣ, о покаяніи, разбудила его уснувшую совѣсть. и таинство исповѣди озарило его заблудшую душу свѣтомъ, и увидалъ онъ при немъ, что жить по прежнему, по безсовѣстному—постыдно, позорно... Все то, что до нынѣшняго дня радовало его, влекло къ себѣ, сегодня потеряло въ его глазахъ цѣну: забылъ онъ про свой кошелекъ и про долги мужиковъ, и про товаръ, про торговлю.

Только что прочитанныя имъ книжки о подвигахъ св. угодниковъ, которыя онъ не бралъ въ руки съ тѣхъ поръ, какъ кончилъ учиться грамотѣ у приходскаго пономаря, открыли предъ нимъ міръ добра, жизнь для Бога. для ближнихъ.

Семья вся улеглась спать, а Акимъ Петровъ, съ усталой и разгоряченной отъ непривычныхъ думъ головой, вышелъ на воздухъ. Отъ церкви неслись дребезжащіе звуки сторожеваго колокола; безконечная синева небеснаго свода опрокинулась надъ селомъ и его дремавшими окрестностями, съ высоты небесной ярко смотрѣли звѣздочки на заснувшій, грѣшный міръ.

Напротивъ трактира вросла въ землю плохенькая избенка бѣдняка Власа. у котораго на дняхъ Акимъ Петровъ взялъ за долгъ послѣднюю лошаденку, а на задахъ прилѣпилась убогая хатка вдовы Акулины, вчера только умолявшей своего сосѣда-богача Акима Петрова, дать хоть немножко соломки прокормить коровенку, послѣднюю кормилицу своихъ малыхъ сиротъ.

«Много васъ здѣсь шляется такихъ...» крикнулъ тотъ

въ отвѣтъ на ея жалобныя просьбы: «пошла, пошла!.. кто здѣсь приготовилъ про васъ соломки?»

Чѣмъ дальше и дальше смотрѣлъ Акимъ Петровъ вдоль сельскихъ слободокъ, тѣмъ больше и больше вспоминалъ онъ случаевъ того, какъ одного мужика онъ обсчиталъ, другого обмѣрилъ, того споилъ, этого прижалъ въ нуждѣ... Кругомъ тихо... ничто не мѣшало трактирщику вспоминать свои дѣянія; только гдѣ-то кричалъ ребенокъ, да голодная Акулинина корова жалобно мычала на дворѣ.

«Господи!—сказалъ самъ себѣ Акимъ Петровъ,—какъ я безсовѣстенъ, нехорошъ! и стою ли я милости Твоей? Стою ли я того, чтобы Ты допустилъ меня завтра пріобщиться св. тайнъ?...

Спустя немного времени, послышался стукъ въ окно Власовой избы. «Кто тутъ?»—крестясь, съ просонокъ, окликнулъ Власъ.—«Это я, твой сосѣдъ—трактирщикъ... выдь-ка на минутку».

Ветхія ворота заскрипѣли, и изъ нихъ показался Власъ, но увидя богача сосѣда въ смиренномъ, небываломъ видѣ, держащаго за поводъ лошадь, онъ въ удивленіи остановился.

— «Прости меня сосѣдъ», началъ Акимъ Петровъ», «за всѣ мои обиды тебѣ. да вотъ и лошадку-то свою возьми назадъ, владѣй ей на здоровье, а теперь пока прощай, счастливо оставаться...»

Изумленный Власъ постоялъ, постоялъ, посмотрѣлъ вслѣдъ удалявшемуся трактирщику, съ радостью ласково потрепалъ по шеѣ своего возвращеннаго конягу и пошелъ во

дворъ. «Охъ, Господи! дѣла, дѣла... ворчалъ онъ, затворяя ворота, видно на исповѣди опомнился нашъ тиранъ-то... вразумилъ его Христосъ, Царь Небесный». А тиранъ, между тѣмъ, отправился ко вдовѣ Акулинѣ и ее также не мало удивилъ своимъ приходомъ въ неурочный часъ. «Вотъ что, тетка Акулина», заговорилъ Акимъ Петровъ: «ты на меня не серчай за вчерашнее-то, что покричалъ-то я на тебя... корму-то ты возьми у меня, сколько тебѣ требуется, а гнѣвъ и брань мою забудь... а вотъ тебѣ за обиду, возьми, годится ребятишкамъ на баранки», и сунулъ ей въ руку рублевку...

Въ большомъ окнѣ Акимовой каморки сіяли блѣдные лучи лампадки, самъ онъ на колѣняхъ стоялъ предъ большой кіотой съ образомъ и молился...

Кончивъ молитву, снявъ съ гвоздя поддевку, положилъ ее подъ голову и, крестясь, легъ на голую лавку. Молитва, чистосердечная исповѣдь и положенное начало добрыхъ дѣлъ навѣяли миръ и отраду на грѣшную его душу. Помоги мнѣ, Господи, шепталъ онъ, сдѣлать побольше добра всѣмъ тѣмъ, кого я такъ много и такъ часто обижалъ... и не отвергни завтра меня, Милостивый, за мои грѣхи отъ Св. Таинъ...» И заснулъ вразумленный богачъ на голой, жесткой лавкѣ, такъ сладко и спокойно, какъ не спалъ онъ никогда на своихъ мягкихъ пуховикахъ.

III.

Прошло 15 лѣтъ. Село Тихое нисколько не измѣнилось: мало измѣнился и домъ Акима Петрова; не видно только

надъ его крыльцомъ расписанной зеленой вывѣски... Зато много перемѣнъ произошло въ приходскомъ храмѣ и около него: прежняя бѣдная, плохо выкрашенная, съ погнувшимися главами, церковь превратилась въ чистенькій, бѣлый, красивый храмъ, увѣнчанный вызолоченнымъ, ярко сіяющимъ на солнцѣ, крестомъ, около же церковной ограды, на пустой прежде площадкѣ, пріютился новенькій домикъ съ вывѣской: «Приходская школа», а рядомъ съ нимъ—другое, бѣлое каменное зданіе—церковная богадѣльня.

Была Пасха. Стоялъ прекрасный, апрѣльскій день. Весна уже дохнула тепломъ на обнаженную землю, и луга начали зеленѣть. На улицахъ толпами разгуливался нарядный, сельскій людъ. Съ колокольни несся стройный трезвонъ,—звучно гудѣлъ большой, новый колоколъ. Изъ дома Акима Петрова только что вынесли св. иконы и вышла толпа народа. Причтъ служилъ у него обычный пасхальный молебенъ, а послѣ молебна соборовалъ самого хозяина.

Акимъ Петровъ лежалъ на смертномъ одрѣ, но смерти не боялся онъ, на его душѣ было мирно, покойно: онъ точно исполнилъ свое обѣщаніе, данное ночью послѣ исповѣди, наканунѣ причастія. Онъ бросилъ торговлю виномъ и кулачество, сталъ добрымъ христіаниномъ; выбрали его церковнымъ старостой, и, въ теченіе почти пятнадцати-лѣтней службы своей храму и приходу, онъ произвелъ все то, чѣмъ теперь отличался приходъ села Тихаго: украсилъ церковь, построилъ школу и богадѣльню, пріобрѣлъ новый колоколъ, помогалъ бѣднякамъ, весь свой, неправедно нажитой, капиталъ употребилъ на доброе дѣло. Господь услышалъ молитву раскаявшагося грѣшника и помогъ ему, какъ онъ

искренно желалъ, сдѣлать много добра всѣмъ прежде обиженнымъ имъ.

«Подойдите ко мнѣ», сказалъ умирающій Акимъ дѣтямъ и внучатамъ. Тѣ подошли. «Вотъ вамъ, дѣтушки, началъ онъ прерывающимся голосомъ, мое послѣднее, родительское завѣщаніе: не отбивайтесь отъ храма Божьяго... говѣйте каждый годъ непремѣнно... чаще размышляйте о своихъ грѣхахъ... былъ я чурка... звѣрь безжалостный, хуже безсловеснаго скота... продалъ всю совѣсть, не зналъ состраданія къ людямъ, но, благодареніе Господу: Онъ вразумилъ меня въ храмѣ, во время говѣнья, и... сталъ я изъ звѣря человѣкомъ».

Вечеромъ того же дня все село узнало, что Акима Петрова не стало, отошелъ онъ ко Господу въ радостный, пасхальный день. Въ каждой избѣ не мало было разговору про покойнаго; помнилъ его народъ великимъ грѣшникомъ, зналъ потомъ и за добрѣйшаго христіанина. «Чудное дѣло», говорилъ одинъ старичекъ, въ кругу крестьянъ, собравшихся посидѣть на завалинкѣ около одной хаты: «какимъ покойникъ былъ допрежъ и какимъ сдѣлался опосля.—„Утромъ всталъ звѣремъ плотояднымъ, а вечеромъ легъ человѣкомъ жалостливымъ“, вотъ какъ самъ про себя говаривалъ покойникъ, царство ему небесное... А все почему? а потому что внялъ молитвѣ церковной, поговѣть вздумалъ, вотъ и вразумилъ его грѣшнаго Батюшка, Царь Небесный, Милостивецъ-то нашъ. Правду сказываетъ батюшка нашъ, о. Алексѣй, что Господь-то спѣшитъ на встрѣчу къ намъ съ милостію Своею, чуть только мы образумимся и обратимся къ Нему со своей нечестивой душой». «Баютъ и дѣтямъ-то, пуще всего, наказывалъ», добавилъ, вставляя другой мужичекъ: «быть ближе къ церкви и говѣть каждый постъ».

Спустя часъ стихъ праздничный шумъ и говоръ. Тихая, теплая ночь окинула уснувшія окрестности душистой мглой. Изъ оконъ дома Акима Петрова, сквозь бѣлыя занавѣски, мерцали четыре огонька отъ церковныхъ подсвѣчниковъ...

Свящ. Владиміръ Востоковъ.

(Кормчій, 1894 года, № 14).